50178

ISSN 0207—7167

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

50178

19 МАР 19 9*

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МАРИЙСКОЙ АССР

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 3

50178

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЙОШКАР-ОЛА 1982

Ш 166.32
В 74

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
при Совете Министров Марийской АССР

ТРУДЫ, ВЫПУСК 51

В сборник вошли статьи, посвященные различным аспектам марийской ономастики: орнитонимии, ойконимии, антропонимии и топонимии. На основе изучения архивных и полевых материалов дается глубокий анализ собственных имен, раскрывается их происхождение и развитие. Данные статей сборника послужат материалом при написании монографического исследования и составлении словаря по марийской ономастике.

Сборник представляет интерес лингвистам, этнографам, археологам, историкам, занимающимся изучением финно-угорских и тюркских народов.

Научный редактор
профессор И. С. ГАЛКИН

3-82

© Марийский научно-исследовательский институт, 1982.

ОТ РЕДАКТОРА

Марийская ономастика в настоящее время переживает стадию активного становления в самостоятельную область науки, о чем свидетельствует возросший интерес к ней ученых различных направлений гуманитарных наук: языка, истории, этнографии, фольклора и т. д.

Такой повышенный интерес представителей разных наук к вопросам марийской ономастики объясняется не только тем, что проблемы развития собственных имен сами собой вызывают большой интерес у широкого круга населения, но и самим содержанием этой области науки. Ономастика находится в очень большой связи со многими науками: историей, социологией, этнографией, фольклором, географией, логикой, хотя сама она является только частью лингвистики. Благодаря собственным именам прочитаны египетские иероглифы и вавилонская клинопись, памятники хеттского языка и языка майя; правильно проанализированные имена дадут возможность историку найти искомую прародину того или иного народа, расскажут о его контактах с различными этнолингвистическими группами и о многом другом.

В настоящий сборник включены статьи, посвященные различным аспектам марийской ономастики: орнитонимии, ойконимии, антропонимии и топонимии.

Марийские орнитонимы до сих пор вообще никем не исследованы. Работа В. Н. Васильева является первой попыткой дать структурно-семантическую характеристику и раскрыть историческое развитие марийских названий птиц.

В статье В. В. Кузнецова на основе полевых и архивных материалов устанавливается связь названий ряда населенных пунктов на территории Марийской АССР с географическими терминами.

Работа Ф. И. Гордеева является продолжением этимологических разысканий по марийской антропонимии,

начатых им во втором выпуске «Вопросов марийской ономастики» (1980 г.). Она написана на большом фактическом и историческом материале. Немалый научный интерес представляет статья В. И. Вершинина. В ней на материале одного говора дан анализ структуры марийских прозвищ, причин их возникновения и закрепления за отдельными лицами и т. д.

И. С. Галкин посвятил свою статью истории развития двух топоэлементов: *турун* и *куж (гуж)* с целью определения этнолингвистической базы их возникновения на территории Марийской АССР.

Статья С. Я. Черных почти полностью базируется на материалах ЦГАДА, что является особенно ценным. Автор, опираясь на местные географические названия, устанавливает процесс миграции марийского населения на восток.

Естественно, не все статьи одинаково глубоки по своему содержанию, в некоторых вопросах есть и спорные моменты. Тем не менее все они представляют большой интерес как для науки вообще, так и широкому кругу читателей.

Поэтому, учитывая то, что в науке та проблема, которая вызывает большой интерес и споры у ученых, непременно будет раскрыта, а благодатные споры только ускорят установление истины, редакция сочла необходимым не ограничиваться публикацией только бесспорных трактовок положений.

Все замечания и пожелания по улучшению следующих выпусков «Вопросов марийской ономастики» просим присылать по адресу: 424031, г. Йошкар-Ола, Красноармейская, 44. Ордена «Знак Почета» Марийский научно-исследовательский институт, группа ономастики.

Профессор И. ГАЛКИН

И. С. Галкин

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Предлагаемая вниманию читателей статья является продолжением топонимических этюдов, опубликованных во втором выпуске «Вопросов марийской ономастики». Она посвящена рассмотрению двух разновидностей топонимов на территории Марийской АССР, нашедших различные толкования,— это топонимы с элементами *куж, гуж, куш, гуш* и *турун*.

Географические названия с элементом *куж, гуж, куш, гуш* распространены весьма широко. Они встречаются на территории Марийской, Мордовской, Чувашской, Татарской, Башкирской АССР, Горьковской, Кировской областей. В одних случаях этот элемент выступает как топооснова (*Кужмара, Куженер*), в других — как топоформант (*Шалангуж, Варангуж*).

Географические же названия с элементом *турун* встречаются очень редко: несколько названий в Чувашской и Коми АССР и одно название — на территории Марийской АССР. Во всех встречающихся названиях элемент *турун* является топоосновой (*Туруново*).

1. Туруново

Этот ойконим встречается в нескольких километрах северо-восточнее г. Йошкар-Олы. Марийское название его *Турун Какшамаре*. В современном марийском языке нет слова *турун*, оно сохранилось только в топониме. В пермских языках такое слово обозначает траву, сено: коми-зыр. *турун* «трава, сено», удм. *турын* «трава, сено». В финском языке ему соответствуют *taarna, tarna* «осока», в эстонском *tarn* «осока». Составители этимологического словаря финского языка считают, что это слово из коми языка перешло в хантыйский: *торнн* «трава, сено», а из хантыйского в ненецкий: *тоонр* «трава».

По происхождению рассматриваемое слово в финском и пермских языках, по мнению тех же составителей

этимологического словаря финского языка, является иранским и восходит к санскритскому *tr'nam* «трава, растение, солома, стебель», ср. перс. *tarrān*, немец. *dorn* «колючка у растений» (SKES, IV: 1188).

Этого же мнения придерживаются составители Краткого этимологического словаря коми языка. Отличие у них только в том, что они называют его не иранским, а индоевропейским заимствованием в финно-угорских языках (КЭСКЯ: 287).

Общефинно-угорскую форму слова *турун* восстанавливают в виде **tarna*. Индоевропейское, тем более иранское происхождение коми слова *турун* «трава, сено», как видно из приведенных соответствий, несомненно. Но является ли марийский топоним *Туруново* наследием иранских языков? Соотносится ли этот топоним со словом *турун* коми языка и *taarna* — финского языка?

Фонетический облик рассматриваемого слова в прибалтийско-финских и пермских языках резко отличается. В одном случае мы видим иллабиальный широкий гласный *а*, в другом — лабиальный узкий *у*. А это, надо полагать, не случайно. Такое различие фонетического облика слова может быть объяснено двумя причинами: поздним переходом *а>у* в пермских языках или различными источниками заимствования его в прибалтийско-финских и пермских языках. Если учесть, что финский язык в отношении гласных является наиболее консервативным, то можно допустить, что в пермских языках переход *а>у* произошел самостоятельно. В. И. Лыткин предполагает, что сужение гласных было диалектным явлением финно-угорского праязыка, охватывавшим ту территорию, где впоследствии возникли прапермский и прамарийский языки (Лыткин 1964 : 219). Если это было именно так, то мы имели бы некоторые основания марийский топоним *Турун (Туруново)* относить к иранскому наследию. Но вряд ли это было так. Хотя деревня под этим названием была зафиксирована уже при первой ревизии в XVIII веке.

Название *Туруново* собирательное, оно охватывает четыре деревни, которые имеют свои самостоятельные названия: Федоскино (Ведесола), Ямиткино (Ямисола), Никиткино (Янсола), Богданово (Алексисола). Все четыре деревни вместе по-русски именуются *Туруново*, а по-марийски *Какшамаре* или *Турун Какшамаре*, т. е.

Кокшайские марийцы или Туруновские Кокшайские марийцы, ср. с. *Кокшамары* на р. Б. Кокшага.

Действительно, все эти четыре деревни расположены очень близко друг от друга и недалеко от реки Малая Кокшага. Поэтому марийское название их *(Какшамаре)* легко объяснимо. Неясным остается опять-таки слово *Турун*. Почему марийцы к названию *Какшамаре* в качестве определения добавляют слово *Турун* и что оно означает? Отсутствие подобного слова в современном марийском языке затрудняет возможность объяснить его значение из марийского языка. Считать его прямым иранским наследием, сходным с коми *турун* «трава», вышедшим из употребления в современном марийском языке из-за появления нового слова для наименования травы *(шудо)* и сохранившимся только в топонимах, мы затрудняемся, т. к. ни диалектных, ни исторических материалов, подтверждающих это положение, нет.

Но то, что слово *Турун* употребляется в качестве определительной части в марийском названии *Турун Какшамаре*, совершенно не случайно. Оно наводит нас на ту мысль, что само название *Туруново (Турун)* старше названий Ведесола, Ямисола, Янсола, Алексисола и употребляется марийцами в качестве определения к слову *Какшамаре* не для красного словца, а для различения этого названия от других таких же марийских названий *Какшамаре*, ср. вышеприведенное название с. *Кокшамары* и *Окаш Какшамаре (Акашево)*. Таким образом, до образования марийских деревень Ведесола, Ямисола, Янсола, Алексисола возникло общее название *Какшамаре* или *Турун Какшамаре*, объединяющее их. Чем это название было первоначально?

Если исходить из значения коми слова *турун* «трава», возводимого к иранскому заимствованию, то это должно быть названием ландшафта, т. е. места, богатого травой.

В самом деле, местность, где находятся названные деревни, расположена в пойме рек Малой Кокшаги и Кӱрмӧ энгера (Кһрмӧ энгер) с оврагами Икян корем и Вакшпӱя корем. Ныне эти овраги и сама речка Кӱрмӧ энгер высохли. Конечно же, эти места в свое время были очень богаты травой. Однако некоторые авторы склонны считать, что название *Туруново* булгарского происхождения. Так, Н. И. Ашмарин пишет: «Верховная власть в Волжской Болгарии принадлежала царю, под властью

которого находилось несколько подчиненных ему мелких царьков; по-видимому было также и высшее сословие, нечто вроде знати, которое Троицкая летопись называет в одном месте словом трунове. Не знаю, есть ли возможность объяснить это слово из восточных языков, но замечу только, что это наименование, если мы отбросим славянское окончание им. п. мн. ч. -ове, напоминает собою названия нескольких сел и деревень, расположенных в уездах Козьмодемьянском, Буинском и Царевококшайском. В первых двух уездах мы находим чувашские селения под именем Туруново, называющиеся по-чувашски Тăрăн (Торон), а в последнем есть дер. Турунова, около которой видна какая-то насыпь, слывущая в народе под названием кургана. Как известно, слова, обозначающие звание и должности, вообще нередко являются также и в наименованиях населенных мест. Это доказывается, например, словом Тархан...» (Ашмарин 1902 : 17).

В тюркских языках имеется несколько омонимичных слов, например: алтайск. *турун* «головня», турец. *торун* «внук» или «двухгодовалый верблюжонок». Радлов приводит слово *турун* от *тур+н* «поселиться» (Радлов 1905 : 1453).

М. Фасмер, как и Н. Ашмарин, древнерусское *трунъ* Троицкой летописи 1230 г. выводит из волжско-болгарского *турун*, которое, по его мнению, соответствует древнетюркскому *тудун* «князь» (Фасмер 1973 : 108). Составители древнетюркского словаря слово *тудун* переводят как распорядитель; тот, кто распределяет в селении воду в арыках (МК I : 400) (Древнетюркский словарь 1969 : 584). Такой же перевод данному слову дает М. Рясянен, считая этимологически его древнеболгарским **turun* (Räsänen 1969 : 496).

Мысль Н. Ашмарина весьма заманчива и правдоподобна. На наш взгляд, она не лишена и аргументов. Но считать, как это делает Н. Ашмарин, название *Туруново* на территории Марийской АССР прямым булгарским наследием, по нашему мнению, нельзя. Употребление его в качестве определительной части топонима *Какшамаре, Какшамари* с собирательным, групповым значением указывает, как нам кажется, на то, что оно первоначально было собственным именем основателя рода или, как его называет К. И. Козлова, землячества (Козлова

1978 : 113). Не случайно поэтому на территории Марийской АССР имеются три Какшамари: *Юл Какшамари* — с. Кокшамары, букв. Волжские Кокшайские мари, *Окаш Какшамари* — с. Акашево, букв. Окашевские Кокшайские мари и *Турун Какшамаре* — Туруново, букв. Туруновские Кокшайские мари. Все Какшамари объединяют в себе несколько населенных пунктов. Это же подтверждает В. Кузнецов (см. его статью в настоящем сборнике, стр. 37).

Собственное языческое имя *Турун, Торун* у марийцев бытовало еще в XVIII—XIX веках, о чем пишет К. С. Рябинский в своем описании Ардинского прихода Козьмодемьянского уезда (Рябинский 1900). Таким образом, топоним *Турун* возник из языческого антропонима мари. Вполне возможно, что этот антропоним своим происхождением обязан булгарскому *турун* «князь».

2. Шудугуж

Деревни с таким названием *Большой* и *Малый Шудугуж* расположены в западной части Килемарского района Марийской АССР в бассейне реки Рутка. В марийском языке эти названия имеют следующее звучание: *Кого Шудыгуж* и *Изи Шудыгуж*. Расстояние между ними 6 километров, население в них марийское.

Доктор филологических наук И. Г. Иванов названия этих деревень этимологизирует следующим образом: *Шудугуж* < *шудо* + *кужо* «поляна, луга при р. Шӱдӧ» (Иванов 1978 : 17). Таким образом, топооснова *Шуду-*, по мнению И. Г. Иванова, является гидронимом (названием реки), вторая — *-гуж* — характеристикой рельефа местности, т. е. по происхождению своему название сложное, состоящее из двух самостоятельных слов, из которых первое выступает определением ко второму и оба в лингвистическом плане имена существительные.

Прав И. Г. Иванов, что это название представляет собой сложное слово, состоящее из двух имен существительных. Прав он также и в том, что вторая часть рассматриваемого топонима этимологически одного происхождения с мордовским словом *кужо* «поляна». Но только нам хотелось бы несколько добавить и уточнить этимологию этого ойконима.

Действительно, в экономических примечаниях Яранского уезда Вятской губернии за 1804 год отмечены три

деревни Шудумучаш и три починка, из которых один называется «починок Шуды реки», второй — «починок за Шудою рекою», третий—«на устье реки Шуда». Ныне они находятся в Яранском районе Кировской области. В Кикнурском районе Кировской области есть деревня *Шудумары*, деревня *Шудомарино* имеется в Новоторъяльском районе Марийской АССР, деревня *Шой-Шудумарь* — в Куженерском и деревня *Шудосола* — в Советском районе Марийской АССР.

Таким образом, топооснова *Шуду* является по своему происхождению гидронимом вне всякого сомнения.

Что же касается топоформанта *-гуж*, то в выяснении его первоначального значения имеются некоторые трудности, ибо среди прочих географических названий нами не обнаружено ни одного случая, где бы топоформант со значением «поляна» был связан со словом, обозначающим реку: все поляны имеют другую характеристику и их определением выступают такие слова как верхняя, нижняя, горелая, песчаная, каменистая, лесная, сосновая, большая, малая, красная, камышовая или же собственные имена их владельцев. Ср. *Лесная Поляна, Красная Поляна, Демина Поляна* (Инжеватов 1979 : 53, 95, 104), *Горная Поляна* (АТД МАССР 1969: 120). Поэтому, нам кажется, семантике рассматриваемого названия и его форманта *-гуж* надо искать несколько иное объяснение.

Марийский язык в свое время тоже знал слово *киж* «поляна, луговина, долина», о чем очень убедительно свидетельствуют данные современных диалектов. Так, например, в калтасинском говоре восточного наречия до сих пор существует слово *кужаш* «долина», совершенно справедливо сравниваемое Н. И. Исанбаевым с морд. *кужо* «поляна», удм. *куш* «лесная поляна» (Исанбаев 1970: 44).

Такое же слово и почти с тем же значением встречается в Верх-Ушнурском сельсовете Советского района Марийской АССР в ороним *Кужаш корем* «овраг Кужаш».

Такое же явление представляет собой, очевидно, и ороним в Горномарийском районе Марийской АССР *Кужак лап* «низина Кужак», хотя народная этимология связывает его со словом *кужы* «длинный», т. е. «длинная низина». В лингвистическом плане слово *кужак* не стыкуется со словом *кужы* «длинный», т. к. производное

с уменьшительным значением от него образуется при помощи суффикса *-икä*, ср. *кужикä* «продолговатый». Слово это производное, образованное от существительного *куж* при помощи диминутивного суффикса *-аш: куж + аш > кужаш* «долина», ср. *ер* «озеро» — *ераш* «озерко», *шор* «грязь, болото» — *шораш* «болотце, сырое место». Исходя из сказанного выше, мы считаем наиболее вероятной следующую этимологию топонима *Шудугуж (Шудыгуж)*: р. *Шудо* (гидроним) + *куж* «поляна, луговина, долина», т. е. «луговина, долина при речке Шуда».

3. Шалангуш

Выселок Шалангуш расположен на юге Звениговского района Марийской АССР в 4 километрах от районного центра на берегу р. Волги.

По рассказам жителей, на берегу Волги была когда-то еще пристань *Шолангуш*, по-русски *Шалангуш*, *Шелангуш* и она якобы старше выселка Шалангуш по возрасту. Кроме того, есть озеро *Шолангуш*, образовавшееся из рукава р. Волги.

Название выселка жителями связывается с названием озера *Шалангуш (Шолангуш)* (МДЭ-74, тетрадь № 140, лист. 3). Выселок образовался в 1929 году. Выселились из деревень Большой и Малой Маламас, Большая и Малая Сосновка, Красный Яр, Иркина.

Раньше здесь была народная коммуна.

По мнению И. Г. Иванова, это название этимологизируется при помощи гидронима *Шалан*, т. е. *Шалангуш > шалан + кужо* «поляна на р. Шалане» (Иванов 1978: 17).

На наш взгляд, корневой частью топонима *Шалангуш* является не гидроним *Шалан*, ибо там, где расположен выселок Шалангуш, нет подобной речки. Скорее всего, топооснова *Шалан* представляет собой не что иное, как имя прилагательное, образованное от имени существительного *шоло* «вяз» при помощи суффикса *-ан: шоло + ан > шолан > шалан* «с вязами, вязовый». Таким образом, топоним *Шалангуш* сложился из *Шолан > Шалан* «с вязами, вязовый» + *гуш > куж* «луговина, долина», т. е. «луговина, долина с вязами». В слове *Шалан* гласный первого слога *а* появился путем регрессивной ассимиляции гласного *о* и, по всей очевидности, на русской

почве. В марийском же варианте этот топоним звучит с гласным *о: Шолангуш>Шолан+гуж*, что, несомненно, подтверждает его связь со словом *шоло* «вяз».

Согласный же слова *куж* в конечном положении потерял свою звонкость.

Первоначально название *Шалангуш<Шолангуш* относилось не к выселку, а к долине, расположенной на пойме р. Волги. По названию этой долины затем стали называться и озеро, образовавшееся из рукава р. Волги, и пристань, и выселок.

4. Варангуж

Деревня расположена в юго-восточной части Моркинского района Марийской АССР. По-марийски она называется *Кугу Варанғыж* «Большой Варангуж». В экономических примечаниях 1793 года она отмечена как *Варангуш* — деревня марийская, состоявшая из 18 дворов и имевшая 129 душ мужского и 106 душ женского пола (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 435, л. 93). Деревня имела 3 выселка, состоявших из 2,3 и 4-х дворов, которые именовались выселками из Варангушей.

Марийское название деревни с определением *Кугу* «большой» не случайно, ибо другая деревня *Токпердино* носит марийское название *У сурт Варанғыж* «Новый Варангуж», букв. «Новое хозяйство Варангуж» которое, по всей очевидности, является одним из вышеуказанных выселков без названия. Об этом говорит наличие определения *У сурт* «новое хозяйство, новый дом с надворными постройками».

Этимология названия *Токперде* весьма прозрачна: оно представляет собой имя основателя, первопоселенца этой деревни. Имя это тюркского происхождения: *ток* «зажиточный, сытый»+*перде<берде<бирде* «дал», ср. *Аллабирде<Алла+бирде*, где *Алла «бог»+бирде* «дал», *Ишбирде<иш* «чета, пара, друг, товарищ»+*бирде* «дал» и т. д. (Саттаров 1973: 44).

Что же касается названия деревни *Варангуж, Варангуш, Варанғыж*, то его происхождение несколько затуманено, потому что подобное слово имеется в чувашском языке.

В чувашском языке слово *Вар* означает «обдернелый овраг с пологими краями, лог, дол». По свидетельству Н. И. Ашмарина, в разных местах это слово имеет не-

сколько различные значения: «безводная ложбина», «глубокий и длинный овраг с крутыми, обрывистыми берегами и сухой», «глубокий овраг без воды», «глубокое сухое русло ручья». В Моркар это слово встречается только в названиях урочищ. Вар бывает в лесу, а çырма — в поле. (Ашмарин т. V, 1930: 167). В родственных же языках есть слово для обозначения горы, леса: фин. *vuori* «гора», кар. *vuori* «скалистая сопка», удм. *выр* «возвышенность, бугорок, холм, насыпь», манс. *вор* «гора, возвышенность», коми-зыр. *вор* «возвышенность, поросшая лесом».

По нашему мнению, в образовании ойконима *Варангуж (Варангуш, Варанғыж)* приняло участие именно марийское слово *вар* «возвышенность, поросшая лесом; склон горы». Таким образом, ойконим *Варангуж* сложился из двух слов: *вар* «склон горы; возвышенность, поросшая лесом» и *куж* «луговина, долина». Топооснова *варан* представляет собой имя прилагательное, образованное от имени существительного *вар* «склон горы; возвышенность, поросшая лесом» при помощи словообразовательного суффикса -ан: *Вар+ан куж>Варангуж>Варанғыж* «луговина на склоне горы, возвышенности». По-видимому, *куж* «луговина, долина»—принадлежность леса, этим словом обозначались лесные луговины как, например, в удмуртском и мордовском языках, ср. удм. *куш* «лесная поляна», морд. *кужо* «поляна». О том, что слово *вар* «склон горы» было в марийском языке, говорит сохранившееся с Сернурском районе название *Тосурт варш*. Так называется склон у деревни Токтаево, что означает *Тошто сурт варш* «склон старого хозяйства», т. е. «склон, на котором раньше был дом с надворными постройками». Конечный согласный *-ш* здесь является остатком суффикса *-кш: варыкш>варш*, также как *парнякш>парняш* «наперсток».

В малмыжском говоре восточного наречия есть слово *варыш, барыс* «возвышенность» (Учаев 1973 : 83). В деревне Мари-Малмыж Малмыжского района Кировской области нами записаны следующие географические названия со словом *варыш, барыс* «возвышенность»: *Кугу барыс* «Большая возвышенность», *Кугу шор барыс* «Возвышенность у большого болота», *Тошто Малмыж барыс* «Возвышенность старого Малмыжа», *Кинейер барыс* «Возвышенность у озера Кинейер», *Чомайер*

барыс «Возвышенность у озера Чомаер» (МДЭ, 1963, тетр. 110, л. 29).

Диалектальное чередование *б* || *в* и *ш* || *с* закономерное явление, ср. *вуй* || *буй* «голова», *вияш* || *вияс* «прямой» (Галкин 1961: 163).

Если это слово заимствовано чувашским языком из марийского, оно, видимо, действительно так, то ойконим *Варангуж (Варанғыж)* надо считать чисто марийским образованием.

Наличие в Сернурском районе оронима *Тосурт варш,* где *варш* является производным от *вар* с диминутивным суффиксом *-ш<кш,* нас лишний раз убеждает в финно-угорском, т. е. марийском происхождении слова *вар* как в марийском, так и в чувашском языках. Объединение В. Г. Егоровым его со словом *васан* «ложбина, лощина, сухой овраг» вряд ли оправдано (Егоров 1964: 47).

По-видимому, то же самое слово *вар* «возвышенность, склон горы» представлено в названии деревни *Изварка* в Кикнурском районе Кировской области: *Изи+вар+ка> Изварка* «маленькая горка, возвышенность». Конечный *-ка* здесь является словообразовательным суффиксом. Однако это еще не ясно, т. к. есть возможность название *Изварка* этимологизировать и на материале коми языка: *Из* «камень»+*вар*+*ка* «учуг, городьба поперек реки или на протоке с вершами для ловли рыбы», т. е. «каменное ограждение».

На территории Мордовской АССР имеется немало названий населенных пунктов на *-кужа, -куши, -гуши,* например: село *Верякуши* в Старошайговском районе, село *Камакужа* в Инсарском районе, село *Каньгуши* в Ельниковском районе, поселок *Куженка* в Старошайговском районе, деревня *Новые Пичингуши* в Ельниковском районе, деревня *Репакуши* в Чамзинском районе, деревня *Шайгуши* в Темниковском районе, рабочий поселок *Ширингуши* в Зубово-Полянском районе.

Фонетические варианты топоформанта *-куши, -гуши* объясняются русской адаптацией: в русском языке названия населенных пунктов нередко оформляются во множественном числе, ср. *Деревнищи, Городищи, Хвощи, Горушки, Мещеры* и т. д. (Орлова 1971: 185).

Названия на *-куши, -гуши* встречаются на территории Татарской АССР, например: деревня *Утянгуш* в Зеленодольском районе, два села *Селенгуши* в Постречинском и в Октябрьском районах. Несколько названий есть так-

же на территории Горьковской области, например: *Пичингуши* в Лукояновском районе, *Верякуши* в Дивеевском районе.

Все они легко объяснимы данными мордовских языков. Составитель Топонимического словаря Мордовской АССР И. К. Инжеватов дает следующие этимологии: *Палгуши* «Опаленная поляна», *Верякуши* «Верхняя поляна», Веря «Верхний», Пичингуши (Пиченьгуж) «Сосновая поляна», Пичень «сосновая» и т. д. (Инжеватов 1979: 31, 41, 138). Правомерность этимологий подобных названий на материале мордовских языков подтверждается еще и тем, что параллельные русские названия их тоже нередко обозначают поляну, например, русское село Большие Поляны в Ардатовском районе Мордовской АССР в «Списке населенных мест Симбирской губернии» (1863) называлось Палгуши (Полянки) (Инжеватов 1979: 31). Русское название мокшанского села Лесное Цыбаево в Темниковском районе Мордовской АССР, которое по-мокшански называется *Келгужа* или *Келгуж*, тоже указывает на связь его с лесной поляной (Инжеватов 1979: 105). Название это, на наш взгляд, этимологизируется следующим образом: *Келе* «ширина» + *кужа* «поляна» > *Келгужа* > *Келгуж* «Широкая поляна».

Интересно отметить, что названия на *-куши, -гуши* в мордовском варианте имеют конечную звонкую огласовку и нередко без конечного гласного, ср. русск. *Репакуши* — эрз. *Репакуж*, русск. *Каньгуши* — мокш. *Каньфкуж*, русск. *Новые Пичингуши*—мокш. *Од Пиченьгуж*. Однако все это не дает основания ойконимы с топоформантом *-гуж (куж)* на территории Марийской АССР считать мордовскими по происхождению. Об этом весьма выразительно говорят этимологии ойконимов *Шудугуж* и *Шалангуж*, в которых топоосновами являются явно не мордовские слова, ср. мар. *шоло* «вяз», морд. Э *селей* «вяз». Об этом же говорит и оформление топоосновов *Шалан (Шолан)* и *Варан* словообразовательным суффиксом *-ан* со значением обладания тем, что обозначает корневое слово, который имеется только в марийском языке, ср. *ушкалан* «имеющий корову» — *ушкал* «корова», *ватан* «имеющий жену» — *вате* «жена», *вӱдан* «водянистый» — *вӱд* «вода» и т. д.

5. Кужмара

На территории Марийской АССР имеется три населенных пункта с одинаковым названием *Кужмара* по-марийски *Кужмарий*. Первый расположен в 20 км к северу от города Звенигово—районного центра с тем же названием на тракте Йошкар-Ола—Звенигово, недалеко от небольшой речушки, второй — *Малая Кужмара* — в 9 км от первого и третий — в северной части Советского района в долине речки Кужмарки.

Два населенных пункта с подобным же названием расположены в Октябрьском районе Чувашской АССР недалеко от р. Волги на берегу маленькой речки и названы они по расположению относительно речки по-чувашски: *Анатри Кушмара* «Нижняя Кужмара», по-русски д. *Сатышево* и *Тури Кушмара* «Верхняя Кужмара», по-русски *Кужмары*.

Марийские народные легенды происхождение ойконима *Кужмара (Кужмарий)* объясняют очень просто. Деревни названы по внешнему облику первопоселенца, который был ростом высок, т. е. длинный, ибо в марийском языке слово *кужу* «длинный». По легенде название *Кужмарий* возникло из *Кужу+марий* «длинный мариец». С этим, конечно же, нельзя согласиться: здесь простое фонетическое совпадение и не больше. Объяснение надо искать в другом, т. к. ни один ойконим на *-мар* не имеет топоосновы, характеризующую внешний облик первопоселенца. А таких названий более тридцати только на территории Марийской АССР. Около десяти названий имеется на территории Горьковской области, около десяти названий расположены на территории Татарской АССР, около десяти названий есть на территории Чувашской АССР. Около двадцати названий на *-мар* имеется на территории Кировской области. А вот на территории Удмуртии и Мордовии названий на *-мар, -марь, -мара, -мары, -мор* совершенно нет.

Топоосновы названий на *-мар*, за исключением нескольких, являются гидронимами, например: д. *Пумарь*, ср. речка *Пу*; д. *Ляжмарь*, ср. река *Ляж*; д. *Шудумарь*, речка *Шуда*; д. *Ярамор*, речка *Ярань*; д. *Ирмарь*, речка *Ир (Ировка)*; д. *Пижмарь*, река *Пижма*; д. *Лумарь*, речка *Лум*; с. *Кокшамары*, река *Кокшага*; д. *Вичмарь*, река *Виче (Вятка)*; д. *Шуймар*, речка *Шуйка* и т. д. Лишь несколько деревень и сел на территории Татар-

ской, Кировской области и Марийской АССР в своих названиях на *-мор, -мар* не имеют гидронимическую топооснову. Последней в данном случае является этноним, характеризующий ландшафт местоположения племени. По этой топооснове мы можем определить первоначальное место проживания предков основателей данных населенных пунктов. Этими названиями являются: поселок и деревня *Кукмор* на территории Татарской АССР, три деревни *Кукмар, Кукмары, Кукмур* — в Кировской области и пять деревень *Нодля Кукмарь, Кукмарь, Кукмарь, Пинжан Кукмор, Русский Кукмор* — на территории Марийской АССР.

Топооснова этих ойконимов представляет собой сокращенный вариант слова *курык* «гора, горный», т. е. *курык>кук*, а топоформант *-мар, -мор* в них развился из этнонима *марий: курык+марий>кук+марий>кукмарий>кукмар, кукмор.*

Таким образом, *Кукмар* означает «горные марийцы». Тем более что все перечисленные названия расположены на левой, луговой стороне от реки Волги. Здесь *Кукмарий* «горные марийцы» не означает обязательно то, что первопоселенцами деревень с таким названием должны быть горные марийцы в современном понимании, с их диалектной и этнографической особенностью. Под этими названиями, по нашему разумению, надо понимать марийцев-переселенцев с правого берега реки Волги, т. е. с горной стороны. Но в языковом и этнографическом отношениях у этих переселенцев могли быть отличия и от горных мари в современном понимании.

Из всего сказанного видно, что название *Кужмара* нельзя связывать со словом *кужу* «длинный». Топооснова *куж* в данном случае также может быть гидронимом или оронимом. Доказательством тому являются названия рек. Так, например, в экономических примечаниях Козьмодемьянского уезда конца XVIII века отмечена река *Кужа*. Ныне она входит в Килемарский район Марийской АССР, ср. также п. *Кужинский конопляник*, дер. *Кужинская*, ныне ее нет. На севере Кировской области почти на границе с Коми-Пермяцким национальным округом протекает река *Кужва*, левый приток р. Камы. В Звениговском районе Марийской АССР есть овраг под названием *Кужно корем*. Впрочем, слово *корем* может обозначать и реку, например речка *Кюржа* в Советском районе Марийской АССР называется по-ма-

50178

МАРИЙ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

рийски *Кӱржгорем* > *Кӱрж корем*. Реку *Ронгу* жители окружающих деревень часто называют *Ронго корем*.

В том же Советском районе Марийской АССР, как мы видели выше, имеется овраг под названием *Кужаш корем*, букв. «луговой овраг или речка», а в калтасинском говоре восточного наречия слово *кужаш* обозначает «долину».

В Коми АССР в Усть-Куломском районе есть населенный пункт *Кужба*.

В Медведевском районе Марийской АССР есть дорога, которую жители деревни Малые Шапы называют *Кужъял корно* «дорога в Кужъял».

В словаре русских народных говоров приведены слова *Кужáкша* «Залив в реке, заросший травой» (Костромская губерния) и *Кужки* «название угодий и частей леса: выгон, пустошь, самсониха, кужки, казна» (Малмыж Вятской губернии) (СРНГ 1980: 19, 21), которые несомненно заимствованы русским языком из марийского.

Надо также отметить, что дер. *Кужинская*, отмечаемая экономическими примечаниями конца XVIII века (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 435, л. 10), имевшая в то время 22 двора, была расположена на ровном месте без урочищ.

Деревня *Малая Кужмара* имеет еще второе название *Кожвожмучаш* «Исток речки Кожвож», букв. «Конец речки Кожвож». Здесь, надо думать, топооснова *Кож* не представляет чередование *о* || *у*: *кож* || *куж*, ср. также река и дер. *Кожваж* в Горномарийском районе Марийской АССР, д. *Коженгер* в Тужинском районе Кировской области. Топооснова *Кож*, скорее всего, связана со словом *кож* «ель»: есть немало рек, где топоосновой является название дерева, ср. д. *Пинженерь* в Малмыжском районе Кировской области, где *Пинже* < мар. *Пӱнчӧ* «сосна» + *энгер* «река», *Пукшенер* в Кильмезском и Малмыжском районах Кировской области и Цильнинском районе Татарской АССР, где *Пукш* < мар. *Пӱкш* «орех» + *энгер* «река», ст. *Шоленгер* в Звениговском районе Марийской АССР, где *Шол* < мар. *Шоло* «вяз» + *энгер* «река».

Топоформант *вож, важ* восходит к слову *вож, важ* «корень», в гидрониме — «источник», ср. речки *Писевож* и *Польвож*, отмечаемые в экономических примечаниях Яранского уезда за 1804 год, дер. *Шактенваж* в Горно-

марийском районе Марийской АССР. В Ляжской волости Уржумского уезда экономические примечания отмечают деревню *Писенер<Писеҥер* и починок *Пизенер<Пизеҥер*, что еще раз подтверждает наше мнение о значении топоформанта *вож, важ* как водного источника. А в Ташнурском сельсовете Звениговского района Марийской АССР есть деревня *Энгервож*, которая означает в переводе на русский язык «Исток реки», букв. «Корень реки».

Определить первоначальное значение топоосновы *Куж* в ойкониме *Кужмара* и гидронима *Кужа*, естественно, не так-то просто, ибо мы пока не обнаружили ни одного гидронима, связанного с понятиями поляна, луговина, долина. Связаны топооснова *Куж* и гидроним *Кужа* по своему происхождению со словом *куж* «луговина, долина» или не связаны, пока что утверждать трудно. Можно, однако, предположить возможность возникновения гидронима *кужа* из слова *куж* «луговина, долина», так как его значение «долина» вполне могло стать обозначением реки. Точно так же, как слово *корем* «овраг» стало употребляться в значении «река». Поэтому с известной долей очевидности можно считать, что гидроним *Кужа* первоначально обозначал долину, заросшую травой и залитую водой, а потом стал обозначать и реку. Отсюда и коми *Кужва*, очевидно, означала «луговая, долинная река». Овраги же *Кужаш корем* и *Кужно корем*, надо думать, означали «покрытый травой, обдернелый овраг, долина». Поэтому полностью отрицать связь топоосновы *Куж* и гидронима *Кужа* со словом *куж* «поляна, луговина, долина», ср. *кужаш* «долина», как это делает И. Г. Иванов (Иванов 1978: 16, 17), на наш взгляд, нельзя. Мы полагаем, что первоначально *Кужмарий* означало «луговые, долинные марийцы». Об этом же говорит расположение всех населенных пунктов с названием *Кужмара (Кужмарий)*. Они находятся главным образом на речных долинах.

6. Кужеры

На территории Марийской АССР имеется две деревни с таким названием — это: *Мари-Кужеры* по-марийски *Марий Кужер* и *Свободные Кужеры* по-марийски *Чуваш Кужер*. Обе они находятся в Мари-Кужерском сельсовете Моркинского района. Топооснова *Куж* в данном

случае не связана со словом *куж* «поляна, луговина, долина», в восходит в к слову *кужу* «длинный».

Рассматриваемый ойконим и гидроним этимологизируется следующим образом: *Кужу* «длинный»+*ер* «озеро»>*Кужйер*>*Кужер* «длинное, долгое озеро». Это подтверждается еще и тем, что озеро *Кужйер, Кужыйер* имеется в Керебелякском сельсовете Звениговского района, Петьяльском сельсовете Волжского района и в Весь-Шургинском сельсовете Моркинского района Марийской АССР (МДЭ, 1964, тетрадь № 118, лист 5, 14, 22). С подобным же названием *Кужуйер* есть озеро в Кильмезском районе Кировской области (МДЭ, 1963, тетрадь № 110, лист 36). Экономическими примечаниями Яранского уезда за 1804 год отмечена речка *Кужерка* и выселок при ней (ЦГАДА, ф. 1355, д. № 359), которая, очевидно, также берет свое начало из озера *Кужуйер* «долгое озеро». В бассейне реки Илеть Н. Лаптева и А. Ступишин отмечают озера: *Кужьер* и *Кижерское* (Лаптева, Ступишин 1976: 33).

Озеро нередко может носить название по своей величине и протяженности и в русском языке: *Большое, Долгое*, ср. озеро *Долгое* в бассейне р. Волги (Смолицкая 1972: 162).

Вопреки И. Г. Иванову, выводящему гидроним и ойконим *Куженер*<*Куженгер* из коми *кожа* «неглубокое каменистое дно реки» и удмуртского *кож* «омут, излучина»+-марийское *энгер* «река», т. е. «извилистая река с омутами» (Иванов 1978: 16), мы склонны и это название выводить из *Кужу* «длинный, долгий»+*энгер* «река», т. е. *Кужуэнгер*>*Кужэнгер* «длинная река». Об этом говорит запись в архивном документе за 1686 год: «Деревня Малый Билямор на речке Ошлань и на устье Кужуэнер речки» (ЦГАДА, ф. 1209, к. 500, л. 31), где топооснова *Кужу* «длинный, долгий» проявляет себя весьма отчетливо. Реки с подобным названием есть в Яранском районе Кировской области и Тоншаевском районе Горьковской области, в последней есть также одноименная деревня.

В Волжском районе Марийской АССР имеется овраг *Кужу корем*, протока *Кужу икса*, что также подтверждает возможность происхождения гидронима *Куженер* из *Кужу* «длинный»+*энгер* «река». Об этом же говорят антонимичные названия рек и населенных пунктов при них на территории Марийской АССР: с. *Кутюк-Кинер*,

по-марийски *Кӱчык энер*, в Коркатовском сельсовете Моркинского района, д. *Кучукенер*, по-марийски *Кӱчык энер*, в Шалинском сельсовете Моркинского района и *Кучукенер*, по-марийски *Кӱчык энер*, в Нижне-Кугенерском сельсовете Сернурского района. Если речка может быть короткой, то, естественно, она может быть и долгой, длинной. О такой возможности свидетельствуют также названия рек и на других языках. Так, например, один из наиболее длинных притоков реки Луги в Ленинградской области носит название Долгая (Кисловский 1974: 41). Г. Симина приводит название деревни по писцовым книгам Пинежья, о которой там записано так: «Деревня на Долгом ручью, а ныне словеть Питкое», ср. *Питкой* по-вепсски «долгий, длинный» (Симина 1980: 15). Таким образом, название *Куженер* вполне возводимо к *Кужу+энер* «Долгая речка».

7. Кужнур

Населенных пунктов с таким названием немного, всего около десяти. На территории Марийской АССР три деревни расположены в Моркинском районе — это: *Ближний, Дальний* и *Средний Кужнур*, все они в 1—3 километрах от с. Морки. Одна деревня имеется в Большекоклалинском сельсовете Сернурского района: *Кужнурово* по-марийски *Кужнур* и одна в Новоторьяльском сельсовете Новоторъяльского района: *Кужнур*. В Лебяжском районе Кировской области также есть деревня *Кужнур*. Деревня Бахтыбаево Бирского района Башкирской АССР по-марийски тоже называется *Кужнур*.

Происхождение топоосновы *Куж* и в названиях этих деревень И. Г. Иванов связывает с гидронимом *Куж* «извилистая река с омутами» (Иванов 1978: 16). Однако более детальное изучение нас приводит к иному толкованию ее происхождения: здесь лишь фонетическое совпадение двух разных по происхождению топооснов, возникших из совершенно различных слов. В первом случае *Куж*, как мы видели выше, представляет гидроним, возникший из оронима (см. этимологию *Кужмара*), в рассматриваемом же случае, как и в названиях *Кужер, Куженер*, топооснова, скорее всего, восходит к имени прилагательному *кужу* «длинный, долгий», выступавшему в качестве определения к имени существительному *нур* «вырубок, лужайка, поле».

Оконим *Кужнур* состоит из двух слов: *Кужу* «длинный, долгий»+*нур* «вырубок, лужайка, поле», т. е. «долгий вырубок, долгая лужайка, долгое поле». Многозначность слова *нур* вполне естественна, если учесть, что финно-угры, в том числе и марийцы, жили главным образом в лесистых местах, занимались, кроме охоты и рыболовства, подсечным земледелием. Об этом же говорит и многозначность однокорневого по происхождению с марийским *нур* финского слова *nurmi* «лужайка, покос, паровое поле».

В диалектах марийского языка оно почти везде обозначает поле, в малмыжском говоре восточного наречия это слово кроме значения «поле», имеет значение «вырубок» (МДЭ, 1963, тетрадь № 110, л. 14).

В некоторых географических названиях, не связанных с названиями населенных пунктов, истинное значение топоосновы *Куж* из *Кужу* «длинный, долгий» весьма четко проявляет себя. Так, например, в Юринском районе Марийской АССР недалеко от деревни Кромка имеется поляна *Кужыныр*, что первоначально означала, по-видимому «долгий вырубок, долгая лужайка или долгое поле»; у деревни Мари-Малмыж Кировской области есть поле, которое называется *Кужу нур* «долгое поле» (МДЭ, 1963, тетрадь № 110, л. 30), у деревни Малые Маламасы Звениговского района поле, расположенное вдоль шоссе, также носит название *Кужнур* «долгое поле».

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. 1902. Болгары и чуваши. Казань.

Ашмарин Н. И. 1930. Словарь чувашского языка, вып. V. Чебоксары.

Галкин И. С. 1961. Краткие итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1959 г.— Труды, МарНИИ, вып XV. Йошкар-Ола

Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.

Егоров В. Г. 1964. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Иванов Н. Г. 1978. Топонимические этюды (о названиях некоторых районов Марийской АССР).— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. I, Йошкар-Ола.

Инжеватов И. К. 1979. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск.

Исанбаев Н. И. 1970. Из истории лексики марийских говоров Башкирии — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола

Кисловский С. В. 1974, Словарь географических названий Ленинградской области. Ленинград.

Козлова К. И. 1978, Очерки этнической истории марийского народа. Москва.

Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков. Москва.

Лыткин В. И., Гуляев Е. И. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар.

Лаптева Н. Н., Ступишин А. В. 1976, Озера лесной зоны (в пределах Марийской АССР), озера Среднего Поволжья. Ленинград.

Орлова С. С. 1971, Топонимы Вачского района Горьковской области — В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Радлов В. В. 1905, Опыт словаря тюркских наречий, т. III СПб.

Рябинский К. С. 1900, Ардинский приход Козьмодемьянского уезда.— «Известия ОАИЭ при Казанском ун-те», т. XVI.

Саттаров Г. Ф. 1973, Отглагольные антропонимы в татарском языке.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа.

Симина Г. Я. 1980, Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Ленинград.

Смолицкая Г. П. 1972. Из архива П. Л. Маштакова.— В кн.: Восточно-славянская ономастика. Москва.

Словарь русских народных говоров, вып. XVI, 1980.

Трубе Л. А. 1962, Как возникли географические названия Горьковской области. Горький.

Учаев З. В. 1973, Грамматические и лексические особенности малмыжского диалекта марийского языка.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. III. Йошкар-Ола.

Фасмер М. 1973, Этимологический словарь русского языка. Москва.

Räsänen M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki.

SKES — Suomen kielen etymologinen Sanakirja, т. IV, Helsinki, 1969.

АТД МАССР — Марийская АССР. Административно-территориальное деление. Йошкар-Ола, 1969.

АТД ЧАССР — Чувашская АССР. Административно-территориальное деление Чебоксары, 1959.

АТД Коми АССР — Коми АССР. Административно-территориальное деление. Сыктывкар, 1960.

АТД Мордовской АССР — Мордовская АССР, Административно-территориальное деление. Саранск, 1964.

АТД Кировской области — Кировская область. Административно-территориальное деление. Киров, 1978.

В. В. Кузнецов

МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ОЙКОНИМИИ МАРИЙСКОЙ АССР

(структура ойконимов и происхождение формантов)

Изучение топонимики отдельных регионов Марийского края исследователями почти не ведется, хотя и представляет немаловажный интерес, особенно в связи с историческим прошлым марийского народа и языка в частности. Рассмотрение зон охвата топонимов с определенными формантами на определенной территории может помочь в разрешении вопроса заселения края, возникновения и развития отдельных диалектов. Предлагаемая статья посвящена анализу структуры ойконимов бассейна р. Илеть и выявлению происхождения географических терминов, участвующих в ойконимообразовании.

Территория бассейна включает в себя Волжский, Моркинский, отчасти Звениговский, Куженерский, Мари-турекский, Параньгинский, Советский административные районы Марийской АССР, что составляет пятую часть республики. Она в основном расположена в центральной и южной частях Марийско-Вятского увала, рельеф которых характеризуется большой пересеченностью, многочисленными оврагами, реками и озерами карстового генезиса (Васильева 1979: 18—25, ОСП 1976: 28—29). В языковом отношении регион представлен двумя говорами лугового наречия марийского языка: волжским и моркинско-сернурским. Что касается различия этих диалектов, то они существенные как в фонетике, так и в области лексики и грамматики (Пенгитов 1960: 179—182). Существуют также этнографические отличия среди жителей отдельных районов территории бассейна (Крюкова 1956: 124—145, Козлова 1979: 211—229). Все эти особенности ландшафта, языка и этнографии не могли не отразиться в топонимике и ее структуре.

Традиционная топоономастика, исходя из наличия в составе топонимов разного количества лексических кор-

ней и словообразовательных суффиксов, делит обычно географические названия на простые, сложные или составные. По этому же принципу классифицируются финно-угорские топонимы (Липатов 1976: 197, Pall 1977: 241, Атаманов 1978 : 12—13, Ануфриева 1979 : 99, Мамонтова 1979: 98). Но иногда сложные топонимические названия могут усложняться дополнительными атрибутами типа *кӱшыл* «верхний», *ӱлыл* «нижний», *руш* «русский» и др., которые целесообразно, наверное, объединить в отдельную группу. Таким образом, по топонимообразовательной структуре ойконимы р. Илеть представляют собой три типа: простой, сложный и усложненный.

I. Простые наименования населенных пунктов включают в себя, с точки зрения синхронии, только один корневой элемент. Нужно отметить, такой тип ойконимов в целом не характерен для марийского топонимообразования; количество их увеличивается за счет русских и официальных названий. Встречающиеся простые наименования марийского происхождения в большинстве своем принадлежат, вероятно, к эллиптическим и первоначально употреблялись только с определенными формантами: ср. д. *Шопкер=Шопкерсола<шопкер* «осинник»+*сола* «деревня» (У.—Варан).

По участию служебных морфем в ойконимообразовании они в свою очередь делятся на аффиксально неоформленные (абсолютные) и аффиксально оформленные (суффиксальные) простые названия.

Абсолютные простые ойконимы (АПО) представлены в регионе 45 названиями (7% из всех ойконимов бассейна) и большинство из них является по происхождению марийским или тюркским. Они называют:

а) имя, прозвище основателя поселения (первопоселенца): с. *Арын* (Арин.), дд. *Исмаил* (Марийск.), *Карай* (Карай.), *Мамай* (Шин.), *Паймыр* (Шорун.), *Ямбатыр* (Шорун.) — см. подробно Кузнецов 1981: 68; дд. *Булгар* (Марийск.) <булгар. — этноним, *Спартак* (Шелан.), *Шӱшпык* (Шорсол.) <*шӱшпык* «соловей», *Курмызак* (Сотнур.) <*курмызак* «вальдшнеп», *Салтак* (Салтак.) <*салтак* «солдат» и т. д.;

б) другой простой топоним, вблизи которого находится данное селение: дд. *Йыр* (Кинер.), *Лаж* (Паран.), *Шора* (Марийск.), ср. гидронимы *Йыр=Ер* «Ировка», *Лаж, Шора;*

в) географический термин (в этом случае географические термины перешли в ойконимы): дд. *Кожла* (Краснояр.) <*кожла* «лес, хвойный лес», *Тумер* (Кереб., Семисол.) <*тумер* «дубрава», *Шопкер* (Обшияр., У.—Варан.) <*шопкер* «осинник», *Шӱргӧ* (Малокуш., Салтак., Шорун.) <*шӱргӧ* «лес, лиственный лес»;

г) тип поселения: с. *Морко* (см. дальше), пос. *Отар* (Мочал.), выс. *Отар* (Исмен.) <чув. *утар* «хутор». Сюда же можно было отнести многочисленные марийские названия хуторов, починков с русскими топонимообразующими суффиксами *-ский, -ка,* ср. оф. *Малиновка* — мар. *Кутыр* (Семисол.) <*кутыр* «хутор». Так как марийский вариант названий употребляется в узколокальной территории, подобные наименования мы включаем в настоящей статье в состав суффиксальных простых ойконимов;

д) название кооперативов, коммун: дд. *Дружба* (Кужмар.), *Передовик* (Помар.) — первоначально сельхозкоммуны «Дружба», «Передовик».

Один абсолютный простой ойконим *Нужа* (Кульбаш.) — оф. *Кульбаш* <тат. *куль* «озеро»+*баш* «голова; начало; конец, край» — характеризует экономический уровень жизни населения: тат. *нужа* «бедный».

Из примеров видно, что для территории Илетского бассейна наиболее характерны отантропонимические и отапеллятивные абсолютные ойконимы.

2. Суффиксальные простые ойконимы (СПО) включают в себя кроме отдельных корней производящие суффиксы и представляют регион 92 названиями (15%). Очень распространенными являются названия поселений с русским топонимическим суффиксом *-ский* (34). Этот суффикс, присоединяясь в основном к антропонимам, участвует в номинации:

а) починков, выселков и деревень, образованных от указанных типов поселений: вв. *Николаевский* (Шелан.), *Тимофеевский* (Шелан.); поч. *Васильевский* (Коркат.), *Максимовский* (Ярамор.), *Петровский* (Коркат.), *Покровский* (Ярамор.), *Ильинский* (Ярамор.), *Казанский* (Ярамор.), *Никольский* (Ярамор.) — последние четыре ойконима религиозного характера: многие починки назывались в честь церквей; дд. *Кишкинская* (Илет.), *Михеевская* (Илет.) — ср. поч. *Михеевский* (АТД Мар. АССР 1955) и др.;

б) сел, поселков (производственных участков):

с. *Петровское* (*-ское*—грамматикализированный вариант суффикса *-ский*), пп. *Комсомольский* (Зеленогор.), *Октябрьский* (Окт.), *Сушинский* (Петъял.) и т. д.;

в) домов лесной охраны: *Булыгинский* (М.-Кужер, Карам.), *Карапейкинский* (Красногор.), *Осиповский* (Кужмар.) и пр. Однако, как мы уже заметили, подобная конструкция ойконимов фигурирует только в официальных и русских наименованиях, а сами марийцы называют их просто хуторами («кутыр»), починками («починга») и домами лесников («лесник пӧрт», «стрел'ок пӧрт»).

Суффиксы *-ов(о)* и *-ин(о)* встречаются главным образом в названиях населенных пунктов с немарийским населением: г. *Звенигово* (с 1927 по 1978 год рабочий поселок, с 1978 года — город), дд. *Алмаметьево* (Семисол.), *Березово* (У.-Варан.), *Бусыгино* (Илет.), *Губино* (Петров.), *Исаково* (Салтак.), *Петухово* (Лонганер), *Папанино* (Шереган.), *Челюскино* (Сотнур.), *Халтурино* (Ишты м.), *Ялагино* (Эмеков.), выс. *Ахметьево* (Лонганер.). Названия с рассматриваемыми суффиксами функционируют лишь в официальных сообщениях и документах, представители же марийской национальности в речи их или опускают или употребляют без конечного *-о*, или же именуют подобные ойконимы другим названием, ср. дд. *Бер'оз* «Березово», *Папанин* «Папанино», *Суасъял* «Алмаметьево»<*суас* уст. «татарин, татарский»+*ял* «деревня». Большинство СПО с суффиксами *-ов(о)*, *-ин(о)* появилось в ойконимике Марийского края относительно поздно, хотя возникли они в русской топонимообразовательной системе до XVII века (Никонов 1971: 169).

Русский субстантивирующий суффикс *-ка* начал употребляться в русских географических названиях позже XVII века и в настоящее время занимает ведущее место в топонимообразовании (Никонов 1971: 169, Кузнецова 1976: 256). В ойконимии региона он встречается 12 раз: дд. *Алексеевка* (Шин.), *Александровка* (Приволж.), *Дубровка* (Илет., Шудымар.), *Малиновка* (Семисол.), *Орловка* (Илет.) и др. Но местное марийское население при разговоре обычно употребляет другое название: оф. *Алексеевка* — мар. *Завод*, оф. *Малиновка*—мар. *Кутыр*.

Два СПО образованы при помощи суффикса *-ск*: г. *Волжск* (основан в 1940 году), д. *Симоновск* (Марийск.). Но нужно сказать, в настоящее время заметна

тенденция перехода топонимического суффикса *-ский* в *-ск*, хотя последний участвует главным образом только в номинации городов (Шанский 1969: 93), ср. вышерассматриваемые комонимы Кишкинский, Ляжинский (АТД Мар. АССР 1969) и дд. Кишкинск, Ляжинск (АТД Мар. АССР 1978).

Единичное количество ойконимов образуют суффиксы *-ец, -ище, -иха, -уша, -ный(-ая), -овый:* раб. пп. *Марiец* (М.-Турек.), *Мочалище* (Звен.), д. и выс. *Опалиха* (Красногор.), д. *Северный* (Красногор.), л.уч. *Навесная* (Исмен.), п. *Порошковый* (Зеленогор.).

В пяти названиях деревень с русским населением зафиксирована характерная для русского топонимообразования форма множественного числа: дд. *Бирюки* (Илет.), *Ведерники* (Марийск.), *Морозы, Новики* (Р.-Шой.), *Петухи* (Илет.).

В целом СПО не характерны для марийского ойконимообразования. Только в трех названиях наблюдаются суффиксы марийского происхождения. В одном комониме выступает посессивный суффикс *-н:* д. Чишкан < *Чишка* — соб. имя основателя+*н*, который, по всей вероятности, представляет собой эллиптическую конструкцию. Ойконимы *Пӱгыльмаш* и *Писташ* образованы с помощью суффикса *-аш: Пӱгыльмаш* (Курак.) < *Пӱгыльмӧ* — соб. имя, образованное от нарицательного имени существительного *пӱгыльмӧ* «шишка хвойных деревьев»+*аш*. *Писташ* (Тумьюм.) < *писте* «липа»+*аш* (Гордеев 1964: 49—50). Рассматриваемый суффикс в этих названиях, видимо, имеет уменьшительно-ласкательное значение: ср. морк.-серн. *ераш* «озерко» от *ер* «озеро» (Галкин 1966: 19).

В ойкониме *Яльчик* выступает суффикс чувашского происхождения *-чăк(-чĕк)*, который в языке-источнике присоединяется к основам на сонорные согласные и образует больше всего имена существительные с пренебрежительным, уничижительным значением, также названия разного рода предметов (Федотов 1965: 25). Этот суффикс заимствован марийским языком, но он, в отличие от чувашского, присоединяется только к основам глаголов в той же фонетической позиции (Галкин 1966: 42—43, Федотов 1965: 25). Поэтому можно говорить лишь о чувашском происхождении этого ойконима (*Яльчик:* чув. *ялчик* «деревушка» < *ял* «деревня»+*чăк*), хотя в марийском языке очень широко распространено

заимствование *ял* с тем же значением (см. дальше). Аналогичные названия населенных пунктов имеются и на территории Чувашской АССР. Ойконим *Яльчик* мог возникнуть от такого же гидронима, что на первый взгляд, совершенно объяснимо. Но само озеро состоит из трех маленьких озер с различными названиями: *Йынгыр ер*<*йӓнгыр* (Г., уст.) «Гнилое дерево, гнилушка», *йӓнгыргаш* «гнить, обрастать мхом» (Саваткова 1981: 37); сближение с волж. *йынгыр* «колокольчик» произошло на основе народной этимологии+*ер* «озеро», *Кыдалер*<*кыдал* «средний»+*ер* и *Кугыер*<*кугу* «большой»+*ер*. С превращением этой местности в зону отдыха все три озера получили общее название от ойконима. Починок *Яльчик*, состоящий из 18 дворов, существовал уже в конце XVIII века (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 17/345, л. 109).

II. Сложные наименования населенных пунктов (формантные ойконимы—ФО), которые составляют наибольшую группу, включают в себя кроме атрибута топонимообразующие форманты. Атрибуты же, в свою очередь, могут быть однокорневыми и двукорневыми. Такой тип образования весьма характерен финно-угорским географическим названиям; «одной из важнейших норм финно-угорской топонимии следует считать образование названий по модели: определение+определяемое, причем в роли последнего выступают, как правило, простые географические термины» (Поспелов 1970: 96).

Сложные ойконимы встречаются на территории бассейна реки Илеть 370 раз и составляют 58,5% из всех названий населенных пунктов региона. А в образовании ФО участвуют около 40 различных топонимообразующих формантов, большинство из которых были или являются и в настоящее время географическими терминами. В зависимости от различной функции в ойконимообразовании их можно делить на две группы: 1) географические термины, имеющие непосредственные отношения к поселениям, 2) географические термины, имеющие опосредствованные отношения к поселениям.

1) В марийском языке и его диалектах бытует ряд слов, обозначающих населенный пункт разного типа: *ола* «город (ср. г. *Йошкар-Ола*<*йошкар* «красный»+*ола*)<чув. *хула; пос'олко — пос'олок*<русск. *поселок; села, сола*<русск. *село; авыл — агул*<тат. *авыл* «де-

ревня, село»; *ял*<чув. *ял* «деревня, село»; *илем* уст. «жилье, жилое место; усадьба», *кутыр*<русск. *хутор*, *починга*<русск. *починок*. Все они, за исключением *агул*, *ола* и *пос'олко*, представлены в ойконимообразовательной структуре бассейна. В эту же группу нужно включить слова, обозначающие отдельные усадьбы, дома (*кудо*, *пӧрт*, *сурт*) и укрепления (*морко*). Чтобы лучше ориентироваться во времени возникновения ойконимов с указанными апеллятивами, анализ формантов дается в хронологической последовательности.

Самыми древними словами, наблюдаемыми в структуре сложных ойконимов и связанными с разными типами построения, надо считать, несомненно, *кудо* и *пӧрт*. Первый из них генетически восходит к эпохе финно-угорской общности: ср. фин. *kota*, эст. *koda* «сени, дом, палата», эрз. *кудо* «дом», мокш. *куд* «дом», удм. *куа*, *куала* «шалаш, в котором в летнее время готовят пищу и едят», мар. *кудо* «летняя кухня», волж. *кудо* «дом, летняя кухня», хант. *kat* «дом», венг. *ház* «дом»< **kota* (Основы 1974: 423), второй — к эпохе волжско-финской общности: ср. фин. *pirtti* «изба» кар. *pertti*, мар. *пӧрт*, ср. также литовск. *pirtis* «баня» (Аристэ 1973: 3—7). Но в топонимообразовательный процесс они могли включиться позже, например, в период распада территориальных общин и возникновения семейно-родовых групп, т. к. они бытуют в марийском языке и в настоящее время.

По всей вероятности, древнейшим ойконимом, образованным при помощи форманта первой группы, следует считать компонент *морко* в наименованиях населенных пунктов. Этимология этого слова дана в статье И. Г. Иванова «Топонимические этюды»: *морко*<*мор* (ср. морд. *мар* «куча, курган, холмик»)+*кӱ* «камень» (Иванов 1978: 17—19). Однако нельзя согласиться с автором о перенесенности других названий с этим компонентом, кроме встречающихся на территории Башкирской АССР: морко — не что иное, как географический термин, обозначающий укрепленное городище. В мордовском языке слово *морга* (*морго*) означает выселок, починок, поселок, основанный переселенцами из соседнего населенного пункта, и участвует во многих ойконимообразованиях (Инжеватов 1979: 121). Таким образом, семантика *морко*=*морго* (чередование согласных объясняется озвончением *к* между сонантом и

гласным — ср. *олго* «солома»<праморд. **олке, йалго* «пешком», фин. *jalka*, мар. *йол* «нога», ф-у. **jalka* (Цыганкин 1979: 81) частично сохранилась в мордовских языках. Это подтверждают и археологические данные: в случае опасности население общины собиралось в укрепленных городищах или укрывалось во временных городищах-убежищах (Архипов 1976: 142—149). Если они в волжской общности назывались *морко*, то географические названия, содержащие его, могут служить ориентиром в изучении древнемарийских военных укреплений.

На территории бассейна р. Илеть имеется 5 ойконимов с рассматриваемым компонентом: с. *Морко* (Морк.), *Морканаш* (Кужмар.)<*морко*+*ана* «полоса, участок земли»+*аш*, *Моркиял* (Эмеков.), *Изи Морко* (Семисол.), *Тыгыде Морко* (Себеус.) — см. далее.

С появлением усовершенствованных орудий труда общины начинают распадаться на отдельные хозяйства и малые семьи. В этот период возникают семейно-родовые поселения — илемы (*илем* «селище, жилье, усадьба»<мар. *илаш* «жить» (ср. фин. *elää*, эст. *elama*, морд. *эрямс*, венг. *élni* «тж.»)+*эм* (орф. *ем*) — суффикс, образующий имя существительное от глагольных основ. Апеллятив *илем*, присоединяясь к имени владельца поселения, имел широкое распространение в ойконимообразовании. Об этом говорят многочисленные названия полей, оврагов и т. д. Но в ойконимике края они не сохранились: в Илетском бассейне зафиксированы только два комонима с этим ойконимообразующим формантом: *Кошалем* (Весьшур.), *Уилем* (Шереган.), последний из которых появился позже (в АТД 1952 года деревня отмечена как починок); *Кошалем*<*Кошай* — соб. имя основателя (владельца)+*илем*, *Уилем*<*у* «новый»+*илем*.

В конце XVII века мелкие семейно-родовые поселения начинают концентрироваться в одно место. Новые селения уже отличались от илемов по численности дворов и разнообразию родов, которые называли заимствованным из чувашского языка словом *ял*. Чувашское происхождение его не вызывает ни у кого сомнения (Räsänen 1920: 129, Федотов 1965: 159). Как географический термин оно имеет распространение во всех диалектах, кроме горномарийского и северо-западного наречий, марийского языка. В бассейне р. Илеть заре-

гистрировано 26 ойконимов с этим формантом. Атрибутная часть в сложных комонимах указывает:

а) на имя или прозвище основателя: дд. *Степанъял* (Исмен.) <*Степан*—соб. имя первопоселенца, *Осиял* (Куракин.) <*Оси* — соб. имя, *Салтакъял* <*салтак* от русск. *солдат;*

б) на географические объекты или топонимы, вблизи которых находится деревня: дд. *Азъял* (Шалин., Учейкин.) <*аз* <*ас* — ф.-у. гидроформант, первоначально река, ср. хант. *ас* «большая река» (Гордеев 1979: 156—157), *Нуръял* (Помар., Нуръял., Шудымар.) <*нур* «поле, поляна», *Олыкъял* (Карай., Шалин.) <*олык* «луг», *Ошытъял* (Ташнур.) <*Ошыт* — назв. реки, *Чодыриял* (Арин., Карам., Иштым., Помар., Шудымар.) < *чодыра* «лес», *Шӱргыял* <(Учейк.) *шӱргӧ* «лес», *Энеръял* (Кужмар.) <*энер* «река», *Пӧтъял* (Петъял.) <*Пӧт*— назв. реки; гидроним *Пӧт*, возможно, первоначально имел значение «полноводный, быстрый» — ср. коми *пӧт* «сытый», *пӧтны* «насытиться, быть довольным, удовлетворенным», общеп. **pȯt* — «удовлетворенный, сытый», хант. *pi'l* «сытый (Лыткин, Гуляев 1970: 230), коми *петлӧ* разг. «хватит, довольно», мар. Г. *пыт* «сильно, решительно, на совесть, изо всех сил» (Саваткова 1981: 132), ср. также гидронимы Прикамья *Пет, Петас* (лев. приток р. Пет), *Потью*, где *ю* «река», с. *Моркыял* (Эмек.) <*морко* «укрепленное городище», дд. *Памъял* (Кужмар.), *Пӱмъял* (Ташнур.) <*пам* «трава, луг» (где *а* // *ӱ* **i* (Грузов 1969: 90) +*ял*. Лексема <*пам* в современном марийском языке не имеет своего семантического значения. Но оно, как мы полагаем, связано с сохранившимися в угорских языках словами хант. *pam*, манс. *pum, pam*, венг. *fü (füvet)* >**pimz* «трава» (Основы 1974: 425). Переднерядный звук сохранился в комониме *Пӱмъял*, а в названии *Памъял* в процессе самостоятельного развития марийского языка он перешел в *а*. В волжско-финских и пермских языках трава передается разными заимствованными словами: фин: *heinä*, эст. *hein* < **saina* <литовск. *šienas*, латыш. *siens* (SKES 64—65), коми, удм. *турун* <и-е., санскр. *tṛna*, старо-, ново-, верхненем. *dorn* «трава» (Лыткин, Гуляев 1970: 287). А мар. *шудо* и морд. *т'икше* «трава» появились, вероятно, позже. Компонент *пом* выступает также в ойконимах *Памар* (Волж.) и *Пумарий* (М.-Турек.), хотя некоторые языко-

веды связывают в названии *Памар* первую часть с *пу* «дрова, дерево» (Грузов 1965: 145, Исанбаев 1975: 27). Можно также предположить, что слово *пам* первоначально имело значение «луг»: *Памар*<*пам марий* «луговые марийцы»; ср. совр. *олык марий* «тж», тем более рассматриваемые ойконимы, кроме *Пумарий,* расположены на границе с горными марийцами на луговой стороне. Современное марийское *олык* является чувашским проникновением (Räsänen 1920 : 161—162, Федотов 1965 : 136);

в) на конфигурацию деревни: д. *Йыранъял* (Б.-Парат.) <*йыран* «ряд, грядка»;

г) на время возникновения поселения: д. *Тоштыял* (Алаш.) <*тошто* «старый»;

д) на наличие в деревне общественных зданий: д. *Канторъял* (Ярамор.) <*кантор* «контора»; официальное название сохранило наиболее древний вариант: *Осипсола*<*Осип*—соб. имя первопоселенца+*сола* «деревня».

С изменением планировки марийских деревень в конце XVIII века начинают появляться ойконимы с топонимообразующим формантом *-сола.* Происхождение и развитие этого форманта были рассмотрены в специальной статье «К вопросу о происхождении топоформанта *-сола* в марийском языке» (Кузнецов 1978: 25—33). На территории бассейна р. Илеть ойконимов с конечным компонентом *-сола* 71 (12%). Первая, определяемая часть в сложных комонимах, как правило, указывает:

а) на имя, прозвище основателя деревни, первопоселенца или же на этноним и мифоним: дд. *Алсола* (Кинер.), *Аниссола* (Шелан.), *Бакутсола* (Б.-Парат.), *Выльыпсола* (Кереб.), *Елесола* (Шалин.), *Йогорсола* (Шалин.), *Йывансола* (Карай), *Макарсола* (У.-Варан.), *Миклансола* (У.-Варан.), *Ондропсола* (Курак.), *Пашкансола* (Арин.), *Пектывайсола* (Ярамор.), *Полатсола* (Сотнур.), *Семисола* (Семисол.), *Тойметсола* (Ярамор.), *Торгансола* (Краснояр.), *Тошметсола* (У.-Варан.), *Учимсола* (Учейк.), *Чапайсола* (Б.-Парат.), *Чингансола* (Кереб.), *Чолемсола* (Эмек.), *Ядыксола* (Семисол.), *Янгетсола* (Курак.), п. *Филиппсола — Пилипсола* (Мочал.) — см. подробно Кузнецов 1981 : 74—75; дд. *Немычсола* (Весьшур.) <*немыч* «немец», *Овдасола* (Арин.) < *овда* — мифологический образ;

б) на другие географические объекты, вблизи кото-

рых расположены населенные пункты: дд. *Ерсола* (Себеусад.) <*ер* «озеро», *Кожласола* (Красногор., Петъял, Обшияр.) <*кожла* «лес», *Кораксола* (Кинер., У.-Варан.) <*Каракша* — назв. реки; мар. *корак* «ворона» — вторичное переосмысление на основе народной этимологии (Гордеев 1979: МК), *Купсола* (Поянсол, Шалин., Эмек.-2) <*куп* «болото», *Куэрласола* (Эмек.) <*куэр — куэрла* «березняк», *Памашсола* (Кереб., Ярамор.) < *памаш* «ключ, родник», *Пӱнчысола* (Петъял.) <*пӱнчӧ* «сосна»; *пӱнчер* «сосняк», *Чодырасола* (Себеусад.) < *чодыра* «лес», *Шӱргысола* (Коркат.) <*шӱргӧ* «лес», *Энгерсола* (Шереган.) <*энгер* «река», *Ярансола* (Кинер.) <*Яран* — назв. реки;

в) на место и особенности расположения деревни: дд. *Йӱлемсола* (Арин.) <*йӱлем* «горелое место, гарь», *Кокласола* (Коркат., Учейк.) <*кокла* «средний», т. е деревня находится между двумя другими, *Кытынсола* (Б.-Парат.) <*кутынь* «продольный, вдоль»; звукопереход *у*>*ы* через характерный для волжского говора *ʌ*(*у*>*ʌ*>*ы*) вполне объясним (Грузов 1965: 73—78), а палатальное *н'* сохранилось в официальном названии *Китунькино*, *Лапкасола* (Помар., Ярамор.) <*лапка* «низкий, низина», *Нурсола* (Арин., Иштым, Обшияр.) <*нур* «поле, поляна», *Пусаксола* (У.-Варан.) <*пусак* «угол», *Улылсола* (Коркат., Учейк.) <*ӱлыл* «низ, нижний», *Волаксола* (Себеусад.) <*волак* «желоб» — название-метафора: деревня находится в ложбине;

г) на характерные для местности био-, географические признаки: дд. *Кӱсола* (Петъял.) <*кӱ* «камень», *Лаврасола* (Кужмар.) <*лавыра* «грязь, грязный» (в настоящее время этот ойконим вытеснен другим названием Речной — Речная), *Шонсола* (Шелан.) <*шон* «глина». В эту же группу нужно включить комоним *Шийсола* (Обшияр.) <*ший* «серебро»; название-метафора — в марийском языке эпитет *ший* употребляется также для обозначения прекрасного, доброго. Отсюда можно полагать, деревня была основана на живописном месте, на лугу (ср. оф. *Ромашкино*);

д) на наличие в поселении каких-либо особых сооружений и зданий: дд. *Кабаксола* (Карам., Себеусад.) < *кабак* «питейное заведение» от тат. «двор для постою» (Татищев 1979: 302), *Кӱсола* (Помар.) <*кӱ* «камень», здесь «часовня», ср. оф. *Часовенная*, *Нӧрепсола* (Нуръ-

ял) <*нӧреп* «погреб», диал. «колодец», *Черкысола* (Б.-Парат.) <*черке* «церковь»;

е) на время возникновения поселения: д. *Усола* (Нуръял., Усолин., Эмек) <*у* «новый»;

ё) на условия жизни жителей деревни: д. *Поянсола* (Поян.) <*поян* «богатый».

Нужно подчеркнуть, что самым распространенным типом в сложных ойконимах с топонимообразующим формантом *-сола* является отантропонимический; таких названий на рассматриваемой территории 29.

Во второй половине XIX века появляются на территории бассейна ойконимы с компонентом *починга* <рус. *починок* — «небольшой или новый поселок». Нужно отметить, что на севере региона это слово часто употребляется для обозначения отдельной части деревни. Первая часть в сложных названиях деревень с ойконимообразующим формантом *починга* показывает:

а) комоним, откуда переселилось население: дд. *Маршан починга* (Шалин.), *Изи Маршан починга* (Весьшур.), *Элнет починга* (Илет.), поч. *Азъял починга* (Себеусад.), поч. *Ярамарий починга* (Ярамор.), ср. дд. *Кугу Маршан* (Ярамор.), *Изи Маршан* (Весьшург.), *Азъял* (Шалин.), *Кугу Ярамарий* (Ярамор.), с. *Элнет* (Илет.);

б) этноним, т. е. национальность жителей: д. *Руш починга* (У.-Варан.) и поч. *Чуваш починга* (Коркат.).

Столыпинская аграрная реформа способствовала появлению названий населенных пунктов с компонентом *кутыр* (орф. *хутор*) <рус. *хутор* — «обособленный земельный участок с усадьбой владельца». Препозитивная часть в сложных ойконимах указывает или на фамилию, имя, прозвище владельца: *Изоткин кутыр* (Поянсол.) < *Изоткин*—фамилия владельца, *Шыгай кутыр* (Карам.) < *шыгай* диал. «хитрец» от древнемарийского личного имени *Шыгай*, или на комоним, откуда обособились жители: *Курмызак кутыр* (Сотнур.), *Моркыял кутыр* (Эмеков.), *Пызьыргуп кутыр* (Эмеков.), *Азъял кутыр* (Петъял.), ср. дд. *Кӱшыл* и *Ӱлыл Азъял* (Петъял.), *Курмызак* (Сотнур.), *Моркыял* (Эмеков.), *Пызьыргуп* (Б.-Парат.)

Комонимы *Ныльгудо* (Шереган.), *Усурт* (Шин.) образованы при помощи слов, называющих отдельные дома, хозяйства *кудо* — см. выше: *ныл* «четыре»+*кудо* и *сурт* «дом с надворными постройками, жилище; хозяй-

ство»<чув. *çурт* «тж» (Räsänen 1920:203)—*у* «новый»+ *сурт*.

2. В качестве ойконимообразующих формантов в сложных названиях населенных пунктов выступают также географические термины, которые не указывают непосредственно на тип поселений, хотя некоторые из них встречаются только в ФО. Это прежде всего относится к формантам *-мар (-мор, -марий), -беляк, -полко, -родо,* первые два из которых, по всей вероятности, относятся к наиболее древнему пласту топонимообразования. Об этом свидетельствует и тот факт, что атрибутивную часть ойконимов с этими компонентами в большинстве своем нельзя объяснить при помощи данных современного марийского языка.

Формант *-мар (-мор),* восходящий к нарицательному имени *марий* «мариец, мужчина; человек, люди марийской национальности», выступает в регионе в 10 ойконимах. Географические названия, которые содержат в постпозиции элемент *-мар (-мор),* встречаются и за пределами Марийского края, например, на территории Рязанской, Ярославской, даже Пензенской и Тамбовской областей (Серебренников 1967: 178). Такой огромный ареал распространения топонимов с этим компонентом настораживает исследователей и они, как всегда в таких случаях, не могут прийти к единому мнению. Трудно сейчас сказать, какого происхождения эти географические названия в указанных областях, хотя Б. А. Серебренников приводит ряд параллелей, которые встречаются как на территории распространения марийского языка, так и за ее пределами, главным образом, в Костромской области. Безусловно, учитывая достижения современных смежных исторических наук, этот вопрос нельзя решить однозначно и он остается открытым. Поэтому сами исследователи марийского языка осторожны относительно связи элемента *-мар (-мор)* со словом *марий* в топонимах края. Думается, что рассматриваемый формант в географических названиях бассейна в частности, Марийской АССР в целом, имеет прямую связь с апеллятивом *марий.* Та трудность, которая обусловлена тем, что большинство ойконимов с *-мар (-мор)* связаны с гидронимами, объясняется особенностями условий жизни марийского народа, его традициями и обычаями. Уже первые письменные памятники о марийцах говорят, что их поселения располагаются

по берегам рек или других водоемов (Крюкова 1956: 105, Архипов 1976: 110). Здесь нужно согласиться с К. И. Козловой, которая видит в топонимах с обязательным формантом *мари* имена отдельных древнемарийских племен и территориально-соседских «землячеств» (Козлова 1978: 111). В пользу этого высказывания говорит и тот факт, что конструкция с компонентом *-мар (-марий)* бытует не только в ойконимах, но и в номинации определенного куста как с концентрированными, так и разбросанными населенными пунктами. Так, например, в состав с. *Помар* входят дд. *Курыктӱр, Марий Помар, Лапкасола* (в настоящее время эти деревни разграничиваются только жителями села или соседних поселений), а *Чакмари* не только комоним, но и общее название куста, который объединяет 15 деревень. Определительная часть в ФО с формантом *-мар (-марий)* связана

а) с названиями рек: д. и поч. *Йырмари* (Р.-Кугунур.), д. *Шӱдымари* (Шудумар.), д. и ст. *Ярамари* (Петъял., Ярамор.), д. *Кужмари* (Кужмар.), ср. рр. *Йыр Шӱдӧ, Яран, Куж;*

б) с геофизическим признаком местности: с. *Памар* (Памар.), ст. *Помар* (Приволж.), д. *Пумыр — Пумар* (Себеусад.) $<$ *пам — пом — пум* (см. выше) $+$ *марий.*

Ойконим *Чакмари* представляет собой, по всей вероятности, трансформацию названия *«чакма марий»* $<$ *Чакма — Чыкма* «Козьмодемьянск» $+$ *марий.* Действительно, марийцы моркинского говора называли горных марийцев «чакма марий», т. е. «козьмодемьянские марийцы» (Козлова 1978: 214).

К эпохе господства родовых поселений относятся ойконимы с компонентом *-беляк.* В рассматриваемом районе их 6 и все они являются отантропонимными. Происхождение форманта *-беляк* убедительно раскрыто И. С. Галкиным и Ф. И. Гордеевым (Галкин 1964: 62—64, Гордеев 1975:44—46, 1979:213). Древность ойконимов не может вызывать сомнение; все личные имена, связанные с ним, относятся к наиболее раннему периоду антропонимического развития: дд. *Апшакбеляк* (Нурдамуч.), *Арзебеляк* (Краснояр.), *Порашпиляк* (Петъял.), *Янашбеляк* (Ташнур.), сс. *Кесебеляк* (Ярамор.), *Эсмекплак* (Исмен.). Кроме того, этот формант выступает в одном официальном названии села: *Керебеляк* (мар. *Памашсола*).

Аналогичное развитие получило русское по происхождению слово *полко*<рус. уст. *полкъ* «толпа, среда, ватага» (Даль 1955 : 262), «множество, толпа, стая, рой» (ТСРЯ 1939 : 526). В марийский топонимообразовательный процесс оно включилось позже и в настоящее время в сочетании с антропонимами употребляется главным образом для номинации отдельных частей деревни и улицы. В диалектах *полко* (с некоторыми видоизмененными вариантами) выполняет функцию показателя множественного числа, как, например, в северо-западном наречии марийского языка (Иванов, Тужаров 1970 : 101). Рассматриваемый формант на территории бассейна р. Илеть, как и *-беляк,* выступает только в отантропонимных ойконимах: дд. *Ерусланполко* (Кужмар.), *Метриполко* (Поянсол.), *Мичеполко* (Кужмар.), *Порисполко* (Поянсол.).

Другое русское заимствование *родо* «родня; родство», которое выступает как формант, зафиксировано в двух названиях поселений: с. *Матародо* (Куракин.)<*Мата*— личное имя (?), д. *Рушродо* (Нуръял.)<*руш* «русский».

Относительно большую группу составляют сложные названия населенных пунктов, ойконимическая функция которых вторична. Последний компонент в таких наименованиях обычно участвует в образовании гидронимов (*ер* «озеро», *энер* «река», *куп, шор* «болото», *памаш* «родник», *мучаш, тӱнг* «исток»), дримонима (*шӱргӧ* «лес»), агроонимов (*нур* «поле, поляна», *олык* «луг», *лук* «угол; изгиб (поля)», *йӱлем* «гарь») и др. Некоторые форманты, например, *тӱр* «край, окраина», *ӱмбал* «верх, верхний; поверхность ч.-либо», *йымал, лӱвал* «низ, нижний» указывают на месторасположение поселений. Почти все перечисленные форманты употребляются в настоящее время в марийском языке и его диалектах как географический термин.

В регионе бытуют также ойконимы, происхождение формантов которых трудно объяснить данными современного марийского языка. История развития большинства из них уже рассматривалась исследователями: *-нар, -нер* (Галкин 1967 : 208—210), *-куж, -гуж, -куш, -гуш* (Иванов 1978 : 15—17), *-ан* (Гордеев 1979 : 102—107), *-на, -ня* (Галкин, Гордеев 1979 : 84), *-вож, -мас* (Кузнецов 1980 : 3—14). Топонимообразующие форманты *-ча, (-че, -чо), -им (-ым), -ыж, -ша,* встречающиеся как на

территории Марийского края, так и бассейна, требуют специального изучения.

Незначительную часть ФО составляют названия населенных пунктов русского происхождения: п. *Зеленогорск* (Зеленогор.), д. *Русская Гарь* (Шорун.) и др. Как правило, в поселениях с такими наименованиями живут представители немарийской национальности.

В номинации некоторых домов лесной охраны к сложным ойконимам может присоединяться русский топонимообразующий суффикс *-ский: Кинерский* (Арин.) < *Кинер* — комоним (*кӱ* «камень + *энер* «река») + *ский. Шалангушский* (Краснояр.) < *Шалангуш* — комоним (*Шалан* — назв. реки + *куж* «поляна, луг»; ср. морд. *кужо* «поляна») + *ский* и. т. д.

III. Усложненные ойконимы (УО) появились на определенном этапе развития общества. Причиной возникновения таких наименований населенных пунктов являются миграция народов и обособление определенного количества жителей (семьи) в результате перенаселения на отдельных участках территории края. Новые поселения, которые располагались обычно рядом с уже имеющимся, назывались в большинстве случаев по аналогии с последними. Для дифференциации таких двух одинаковых ойконимов позже появились дополнительные атрибуты *у* «новый», *кугу* «большой», *изи* «маленький», *руш* «русский», *чуваш* «чувашский», *суас, тат* «татарский», *марий* «марийский», *кӱшыл* «верхний», *ӱлыл* «нижний». Например, дд. *У Оршӱт* (Тумьюмуч.), *Кугу Кожлаял* (Себеусад.), *Кугу Чарнур* (Иштым.), *Кугу Ярамари* (Ярамор.), *Изи Кожвож* (Поянсол.), *Изи Кушна* (Малокушн.), *Изи Шоръял* (Малокуш.), *Руш Олыкъял* (Волж.), *Руш Шайра* (Сотнур.), *Марий Кужер* (М.-Кужер.), *Марий Чодыраял* (Шиньшин.), *Чуваш Кужер* (М.-Кужер.), *Тат Чодыраял* (Шин.), *Кӱшыл Олыктӱр* (Кужмар.), *Кӱшыл Памъял* (Кужмар.), *Улыл Азъял* (Петъял.), *Улыл Осиял* (Куракин.) и др. Иногда в УО в качестве дифференцирующего атрибута выступает самостоятельное название: дд. *Вакшсола Памъял* (Кужмар.), *Нурмучаш Шайра* (Сотнур.), *Усола Корамас* (Карам.) и т. д.

Итак, анализ ойконимов бассейна р. Илеть позволяет сказать, что структура географических наименований населенных пунктов и ее элементы имеют непосредствен-

ную связь с историческими условиями жизни марийского народа, ландшафтом края.

ЛИТЕРАТУРА

Ануфриева З. П. 1979, Морфологическая структура коми топонимов.—В кн.: Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар.

Аристэ П. 1973, Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. III. Йошкар-Ола.

Архипов Г. А. 1976, Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола.

Атаманов М. Г. 1978, Этнонимы удмуртов в топонимии. Автореф. канд. дисс. Тарту.

Васильева Д. П. 1979, Ландшафтная география Марийской АССР. Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I, Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. II, Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Галкин И. С., Гордеев Ф. И. 1979, Основные типы марийских топоформантов.— Вопросы финно-угроведения (тезисы докладов). Сыктывкар.

Гордеев Ф. И. 1974, Русская топонимика Марийской АССР.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. I. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1975, К этимологии общих родо-племенных терминов восточных финно-угров и башкир.— В. кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Т. I. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола.

Даль В. И. 1955, Толковый словарь живого великорусского языка, III. Москва.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. 1970, Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола.

Иванов И. Г. 1978, Топонимические этюды.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. I. Йошкар-Ола.

Инжеватов И. К. 1979, Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск.

Исанбаев Н. И. 1975, Гармония гласных и ее виды в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.

Козлова К. И. 1978, Очерки этнической истории марийского народа. Москва.

Кузнецов В. В. 1978, К вопросу о происхождении топоформанта *-сола* в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. I. Йошкар-Ола.

Кузнецов В. В. 1980, Ойконимы Марийской АССР с топоформантом *-мас*.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Кузнецов В. В. 1981, Антропоойконимы бассейна реки Илеть Марийской АССР.— Fenno-ugristica. Tartu.

Кузнецова Н. А. 1976, Словообразование топонимов Пензенской области.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск.

Липатов С. И. 1976, Из топонимии Ковылкинского и Краснослободского районов Мордовской АССР.— Там же.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка. Москва.

Мамонтова Н. Н. 1979, Основные словообразовательные типы микротопонимов у карел-ливвиков.— Вопросы финно-угроведения (тезисы докладов). Сыктывкар.

Никонов В. А. 1971, Пласты русской топонимии Горьковской области.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Пенгитов Н. Т. 1960, Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ 1957 года.— Труды МарНИИ. Вып. III. Йошкар-Ола.

Поспелов Е. М. 1970, Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера.— Местные географические термины, «Вопросы географии», вып. 81. Москва.

Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.

Серебренников Б. А. 1967, Происхождение марийского народа по данным языка.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Татищев В. Н. 1979, Избранные произведения. Ленинград.

Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары.

Цыганкин Д. В. 1979, Фонетика эрзянских диалектов. Саранск.

Шанский Н. М. 1969, Двуосновные названия городов в русском языке.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. I. Ульяновск.

Pall V. 1977, Pohja — Tartumaa kohanimed, II. Tallinn.

Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen Zehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki.

АТД Мар.АССР 1955 — Марийская АССР. Административно-территориальное деление. Йошкар-Ола.

АТД Мар.АССР 1969 — Марийская АССР. Административно-территориальное деление. Йошкар-Ола.

АТД Мар.АССР 1978 — Марийская АССР. Административно-территориальное деление. Йошкар-Ола.

Основы.— Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, 1974.

ОСП — Озера Среднего Поволжья. Ленинград, 1976.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова Д. Н., III. Москва, 1939.

С. Я. Черных

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ В БАССЕЙН РЕКИ БЕЛОЙ

(по данным топонимии)

В нашей стране, по данным переписи последних лет, насчитывается всего свыше шестисот тысяч марийцев. Около половины из этого числа являются аборигенами нынешней Марийской АССР, а остальные живут на обширной территории соседних республик и областей, из них около 160 тысяч — в Башкирии и Свердловской области.

Исследователи в своих трудах неоднократно касались вопроса об обстоятельствах миграции, о времени и путях переселения марийцев в Прикамье и Приуралье. В последнее время об этом писал Г. А. Сепеев в своей монографии «Восточные марийцы». Привлекая свежие материалы из разных источников, опираясь на данные предыдущих авторов, он справедливо доказывает, что марийские илемы (поселения, жилища) существовали за Камой и в Башкирии ещё к моменту присоединения Поволжья к Русскому государству. Но «основная масса марийцев переселилась в Прикамье и Приуралье главным образом в течение одного столетия: второй половины XVII — первой половины XVIII вв. Прикамско-приуральский этнический массив марийского населения сложился к середине XVIII в.» (Сепеев 1975 : 35).

Весьма обстоятельны и многозначительны новейшие данные советских учёных, показавших, что в бассейне Волго-Камья с древнейших времен обитали финно-угорские племена, многие из которых смешались впоследствии с предками башкир и других пришлых тюрков. Р. Г. Кузеев в своей книге «Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения» (Кузеев 1974) указывает, что в башкирской этнонимии и топонимии представлено множество названий финского, в их числе марийского, происхождения.

В обзоре этнической истории нижнебельских и северных башкир он приводит ряд наименований родовых подразделений, которые самими башкирами связываются с удмуртами, марийцами и мордвой (ар, аримес, сирмеш, мукшы, нукшы, максей и др.).

Башкирские лингвисты (например, Камалов 1969, 1971) выявили богатый пласт гидронимов финского происхождения на территории Башкирии.

Г. В. Юсупов в своей книге «Введение в булгаро-татарскую эпиграфику» с финским субстратом в башкирском этносе связывает также многочисленные древние «черемисские кладбища», разбросанные по всей западной Башкирии. Многие из них находятся за пределами территорий современного расселения марийцев, пишет автор (Юсупов 1960 : 133).

М. С. Акимова приходит к выводу о «единстве происхождения северных башкир с другими народами Волго-Камья», что смешение древних башкир и финно-угорских культур с IX до конца XII века имело место в долине нижнего течения реки Белой и возможно южнее. Это оставило заметный отпечаток не только на северных башкирах, но и на южных (усерганах), относящихся к наиболее монголоидной группе и живших когда-то в этих районах. Они по ряду признаков (цвет глаз и волос, показатели измерений лица, эпикантус) «занимают промежуточное положение между казахами, с одной стороны, и татарами, удмуртами, марийцами—с другой» (Акимова 1968 : 97).

Н. А. Баскаков указывает, что «языки Поволжья — чувашский, татарский и башкирский — испытали на себе значительное влияние славянского и финского субстратов» (Баскаков 1964 : 684).

Башкирские исследователи особо констатируют в то же время процесс чрезвычайно активного смешения северных башкир, начиная с XVI века, с крупными группами вновь пришлого населения (марийцами, удмуртами, мордвой и, особенно татарами), общая численность которых в XVIII веке, по мнению Р. Г. Кузеева, превысила количество башкир в этих районах.

Исключительно богатый и ценный материал для глубокого освещения и конкретного решения проблемы о переселении марийцев в Приуралье в XVII и XVIII веках дают «Ландратские книги и ревизские сказки», хранящиеся в ЦГАДА. К сожалению, наши историки

и филологи недостаточно изучили богатейшие фонды этого хранилища древнейших документов.

Так, переписная книга 1678 года по Галицкой дороге (куда входили главным образом территории нынешних Волжского, Звениговского, юго-западная часть Моркинского района) многократно называет «бежавших в Уфимский уезд». Среди них упоминаются жители волостей Абашай, Первая Мусмора и Другая Мусмора, покинувшие родные места 8, 10, 15 лет назад, как указывает переписчик (ЦГАДА, ф. 1209, оп. I, ед. хр. 6447).

В 1686 году по Малмыжской дороге Казанского уезда числились 631 двор и 1 843 человека. Однако марийцы жили только в 4 деревнях, указывается «пустых новокрещенских, черемисских и бобыльских черемисских дворов — 167 мест» (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1102). Подобные записи «пустых» дворов и «беглых в башкир» учащаются среди марийцев Царевосанчурского и Яранского уездов в начале XVIII века. И это неудивительно: большинство язычников этих краев первыми приняли православие, о чем свидетельствуют их календарные имена русского типа, под которыми они фигурируют уже в переписи 1716 года.

Переписные книги раскрывают важный для нас факт о том, что между жителями луговых, приволжских, вятских краев и обитателями Приуралья с давних пор существовали тесные связи. Поэтому твёрдо можно сказать: марийцы переселялись не в совершенно не известную для них страну, а в края, относительно хорошо им знакомые, хотя бы многим понаслышке. Но предводителями их были мужи многоопытные, жизнью умудрённые, знавшие прибельские места. Переписчики неоднократно называют людей, совершивших путешествие к своим землякам, в районы реки Белой, пишут о девушках, вышедших туда замуж. Весьма любопытными, думается, являются следующие записи из переписной книги 1717 года по Алацкой дороге (ЦГАДА, ф. 350, оп. I, ед. хр. 140). Енадык Ижболдин, 35 лет, житель волости Другие Морки платил «пол чети ясака после беглова Иштеречко Иштуганова, а в 1710 году не написан, был в работе в Уфимском уезде». (Там же: 79). Яштереч Яштулов, уроженец волости Ушнур, 25 лет, у него жена Пайделета Чемекеева, 20 годов, сказал переписчику, что «отец де ево Ештулко был сей волости

старинной житель, умер в давних годах, а он, Яштереч-ко, остался малолетен с отца. Ходил в Уфимском уезде по разным деревням и кормился работою, что де на отце тягла было, того не помнит. В волость Ушнур пришёл в нынешнем году, живёт в пустом Янымкове дворе Тойдемирова, который бежал до переписи» (Там же: 234).

Ямалка Киндыбаев, также житель Ушнурской волости, подобно своему соседу Яштеречу Яштулову, тоже был в Уфимском уезде, скитался там, кормясь работой. Вернувшись обратно домой, жил «в пустом доме черемисина Акпулата, который бежал до переписи» (Там же: 234 об.).

Волость Орбор, где упоминается: «двор Албахтко Пелекова 40 лет, отец Пелей Айбулатов 66 л., жена ево Пенечка Паймурзина 59 л. У Албахтки жена Ахмеличка Ахметева 39 л., дочь Айсултанка 9 л., платит полясака. А сестра ево Яндывейка выдана замуж в Уфимский уезд за черемисина за Ахтулка Ахтермышева...» (Там же: 788).

Переписные книги нач. XVIII века глубоко отражают миграционные процессы, происходившие в те годы в Поволжье. И это не случайно. Политика Петра I, преобразившего огромную Российскую империю, была направлена на возвышение класса помещиков и развитие нарождавшегося купеческого класса. Его реформы, подготовленные всем ходом исторического развития, способствовали преодолению вековой отсталости России, росту её производительных сил. Однако подъём экономики страны осуществлялся путём невыносимой эксплуатации крестьянских масс, с которых драли три шкуры. Петровские времена были очень трудными для марийцев, платившх вместо ясака подушную подать наравне с русскими крестьянами и обрабатывавших, в отличии от последних, худшие земли. А подушная подать была исключительно большой — 1 руб. 10 коп. на человека (мужчину), что равнялось 10—11 пудам хлеба. Кроме подати было немало других налогов, тягла беглых крестьян заставляли платить оставшихся в общине соседей. В Поволжье начались кампании по насильственной христианизации язычников в соответствии с указами царя от 1713 и 1720 годов, обязавших церковные власти в ближайшее время крестить всех «инородцев». Закон о рекрутском наборе, неумолимо

действовавший и среди «иноверцев», обязал молодых марийских парней служить в царской армии и воевать в дальних землях «за царя и отечество». Многих крестьян отправляли на строительство оборонительных сооружений в Азов и другие места. Все эти вышеизложенные факторы послужили причиной того, что в петровскую эпоху чрезвычайно усиливаются миграционные процессы в Поволжье, появляется очень много беглых крестьян и среди марийцев.

Первая наиболее полная перепись населения Уржумского уезда была произведена в 1716 году. Марийцы здесь жили в одиннадцати волостях: Буйской, Билярморской, Рожку, Нолинской, Чамской, Шурминской, Байсинской, Ройской, Кизерской, Сабацкой, Сабинской. Не считая города Уржума, всего здесь в 1 822 хозяйствах числилось марийцев и русских 10 638 человек, из них 5 346 мужчин, 5 292 женщины. Предыдущая перепись была осуществлена в 1704 г. Тогда в уезде было зарегистрировано 1968 домов, 6 674 мужчины (плативших ясак). Между двумя переписями, т. е. за 12 лет, пустыми остались 450 хозяйств, из которых бежали 812 человек. За тот же период со стороны, из других мест прибыли на постоянное жительство 494 русских. В каждой волости были построены новые дома: в Буйской — 21, Билярморской — 12, Нолинской — 6, Чамской — 8, Шурминской — 8, и т. д. Всего за 1704—1716 годы в уезде уменьшилось число плативших ясак на 3 075 человек. Куда они исчезли? Переписчик так обобщает жизненную судьбу 2 497 людей: «бежали, померли, отданы в рекруты, сосланы на вечное поселение, на работу в Санкт-Петербург, в башкирский бунт побиты, на каторгу, постриглись, пропали без вести». А о 578 женщинах сказано: «бежали, померли, вышли замуж», и т. д.

Серьезные изменения, происшедшие в отдельных волостях и в целом по Уржумскому уезду между двумя переписями (1704 и 1716 годов), более конкретно и обобщенно отражает таблица I.

Немалое число людей, скрывшихся в пору переписи 1704 года, затем обратно вернулись в свои родные деревни. «В переписной книге 1704 года не написан, был в бегах»,— такие записи стоят рядом с именами некоторых жителей в каждой волости. Подобные факты возвращения домой после скитаний, очевидно, были и после переписи 1716 года.

Таблица 1*

№№ п. п.	Название волости	В 1716 г. было хозяйств	В 1716 г. жило людей	Количество беглых
1.	Буйская	140	1 026	69
2.	Биляморская	128	901	128
3.	Рожку	58	522	36
4.	Нолинская	58	392	28
5.	Чамская	188	1 528	112
6.	Шурминская	92	854	77
7.	Байсинская	102	595	47
8.	Ройская	29	284	48
9.	Кизерская	35	258	37
10.	Сабацкая	101	603	87
11.	Сабинская	190	1 709	143

* Примечание: В таблице не учтены русские, пришедшие на постоянное жительство, а также их хозяйства.

Среди всех документов исследователя особенно удивляет переписная книга 1716—1717 годов Алацкой дороги Казанского уезда. Данная дорога в те времена была самой длинной, охватывавшей исключительно обширную территорию губернии. Начинаясь от городка Алат (вблизи Казани), она тянулась через нынешние Моркинский (его северо-восточную часть), Куженерский, Параньгинский, Сернурский, Торъяльский, Маритурекский, Советский районы, включала теперешний Пижанский район Кировской области, марийские земли вплоть до деревни Юшково Церевококшайского уезда. Алацкая дорога имела характер особой административной области в начале XVIII века, как и прежде.

Из переписной книги мы узнаем, что здешние марийцы входили в 46 сотен, деление на которые началось в глубокой древности (в период Казанского ханства, а может быть и во времена Золотой Орды). Эта традиция сохранялась и в петровскую эпоху, а затем, вплоть до середины XVIII века. Во главе каждой сотни стоял сотник, через которого реализовались все распоряжения царских властей в отношении местного населения. Одна сотня составляла обычно отдельную волость или включала несколько деревень и сёл.

Предыдущая перепись населения Алацкой дороги

была произведена в 1710 году, документы которой не сохранились до нашего времени. Исключительно ценной стороной переписной книги 1716—1717 годов является то, что здесь в каждой волости и в целом по Алацкой дороге сравниваются и подытаживаются результаты и данные ревизий 1710 и 1717 годов. В заключительной части составлены обобщающие данные по многим сторонам жизни и движения населения. На этой основе перед нами вырисовывается картина огромных изменений, происшедших за относительно небольшой срок между переписями 1710 и 1717 годов. Главное из них заключается в том, что за это время около половины луговомарийского населения Алацкой дороги, покинув отчий край, переселилось в Приуралье, в бассейн реки Белой Надо думать, такое движение населения не было совершенно стихийным. У марийцев были люди, руководившие подобным процессом.

Нас поражают прежде всего следующие цифры: в 1710 году в 46 сотнях Алацкой дороги было 7.110 марийских и русских дворов, в которых жили 33 405 человек. Через шесть лет жилыми остались только 2 442 двора. Между двумя переписями зарегистрировано пустых 4 668 хозяйств, а число выбывших после 1710 года всего составляет 23 324 человека. Из этого количества 19 274 человека (9 599 мужчин, 9 675 женщин) бежали, умерли — 4 436, взяты в рекруты — 212. За «воровство» сосланы на каторгу — 10, помещики отдали по крепостям — 71. Среди беглых, наряду с марийцами, большое число русских крестьян.

На сернурской земле в начале XVIII века были расположены следующие волости: Сернур (многие документы его также называют Серденур), Серда и Малый Сернур, Ноли Кукмор (ныне Нольыкмарий, или Коклала), Ону Морку, Крукнур (ныне Кукнур). Как бы то ни было, до сих пор никто не предполагал, что с сернурской стороны тогда больше половины населения переселилось на далёкие прибельские земли. Если сказать более точно, то в некоторых волостях осталось меньше одной трети, или даже около одной четверти, прежнего населения.

На Алацкой дороге волость Сернур (сотня Яманайка Кизилбаева) была одной из больших. Это свидетельствует о том, что коренные жители с давних времен обживали данную местность. В 1710 году в Сернурской

волости было 311 дворов, в которых жили 1 212 человек, но к 1717 году осталось только 104 двора, 362 жителя. За шесть лет многие умерли, а 655 мужчин и женщин направились в Приуралье. Пустовало 208 хозяйств. О многих хозяйствах даны очень подробные сведения. Так, о семье Крымдайки Гришкина, платившей полторы чети ясака, узнаем: «по скаске сотника и выборных Крымдай ушибся з дерева и умер тому лет пять. Жена Каныбейка з детьми Токтамыско и з дочерью Уналчкою бежали в башкир тому четвёртый год» (л. 463). Сабай Тонахмет, Ахтанай Конахмет также «з женою и детьми бежали» на восточномарийскую землю «тому четвертый год», «тому другой год»,— сообщает переписчик.

О Тойдыбайке Албахтине сказано, что он с семьей «бежал в башкир в нынешнем году по последнему зимнему пути». «Подобные записи встречаются рядом с именами многих сотен людей. О тех, кто возвратился «с бегов», как это было в Уржумском уезде, сообщений нет. Впоследствии всё же такие случаи могли быть.

Пути ряда молодых людей направились в противоположную сторону. Так, о Пашке Тедибаеве сказано, что он «прошёл по найму в Санкт-Петербург в работу», Пидалка Кумаев также был послан в «Санкт-Петербург и умер тому шестой год, а жена ево з детьми бежала тому два года». Добавим: переписная книга называет имена ряда других людей, мобилизованных для строительства града столичного на Неве, но о благополучно вернувшихся оттуда нет записей. Наоборот, обычно сообщения о смерти. Например, Ядык Янбулатов, уроженец волости Малый Сернур и его земляк из дер. Чюкша Ветка Темерешев «в Санкт-Петербурге в работе умерли» — сообщает переписчик о каждом их них.

«Бежал в башкир», «бежал в Уфимский уезд» — такие слова и предложения многократно встречаются на каждой странице книги. В числе беглых упоминаются такие марийцы Сернурской волости: Паймурза Ахтемышев, Волотка Илбахтин, Акмазик Аказинов, Чемекей Чобаев, Пайбахты Пахтыбаев, Тойборис Алыкеев, Алымберда Токсубин, Васка Тимошкин, Мурза Ишкелдин, Тоймурза Тогашев, Емурза Пашеев, Таныбек Туншарин, Тойборис Атыбаев, Козебай Тойбулатов, Ивашка Токаев, Самар Тойгильдин, Екуш Енигитов, Ахманай Иванаев, Чинбулат Таникеев, Ишпулат Танибеков, Термышка Пиндиков, Токсыбай Тогашев, многие другие.

Все они направились в далекие приуральские земли с семьей, «з женой и детьми».

Надо отметить, многие сернурские марийцы ныне носят фамилии, связанные с вышеуказанными именами. На этой основе можно предположить, из каких местностей происходили «беженцы», т. к. переписчик не называет ни одной деревни. Это свидетельствует о том, что тогда на сернурской стороне настоящих деревень ещё не было. На месте современных больших селений когда-то существовали только отдельные илемы. Но в начале XVIII века эти 5—10 дворов, расположенных вблизи рек, лугов, среди лесов, постепенно стали образовывать, тесно примыкая друг к другу, отдельные деревни. Пахотных земель становилось всё меньше. Кроме того, суглинистая, болотистая почва издавна давала чрезвычайно скудные урожаи. Сернурцы, как и жители других мест, страдали от нищеты, бедности. Это также послужило важной причиной переселения.

В волости Ноли Кукмор, расположенной на обоих берегах реки Мушка (сотник Чинбулат Пайбердин), из 81 двора, 284 жителей к 1717 году осталось 36 дворов, 146 жителей.

В волости Ону Морки (сотник Пекмамет Пекбулатов) прежде был 101 дом, 392 человека. Через шесть лет число дворов уменьшилось до 35, в которых жили 144 человека.

Волость Крукнур (сотник Макей Кизилбаев) была относительно многолюдной. В 1710 г. здесь в 125 семьях жили 624 мужчины и женщины, а к следующей переписи записаны 27 дворов, 102 человека.

В самой маленькой волости Серты и Малый Сернур (сотник Ахтермыш Шабаданов) к 1717 г. из 38 хозяйств, 132 жителей остались на родной стороне в 9 домах 39 «душ».

Территория современного Куженерского района, как и земля сернурских мари, в прошлом делилась на ряд волостей: Иры, Малая Ира, Чаранур Черея, Черенур Черея и волость, включавшая деревню Оду-беляк вместе с починками по реке Немда.

Сначала о волости Иры (сотня Пыркина Толбаева). В 1710 году здесь было весьма людно — 207 дворов, 862 жителя, а к 1717 году в 69 семьях едва насчитывался 241 человек. В другой волости Малые Иры (сотня Тавгеча Албахтина) не лучшая картина: из прежнего

количества — 96 хозяйств, 404 человека — остались только 37 дворов, 151 человек.

В волости Чаранур Черея и в починке Салтак (сотня Енака Ематова) в 1710 году в 139 дворах жили 448 мужчин и женщин, а через шесть лет — 47 семей, 160 человек. Другая волость, Черенур Черея, вместе с деревней Оду-беляк и с починками по реке Немда, входившая в сотню Офонки Апаева, имела 109 хозяйств, 431 человека. Но к 1717 году здесь записаны только 33 двора, 144 человека. В деревне Шой и соседних с ней починках из 25 домов (93 человека) жилыми были 12 дворов, в которых остался 51 человек. «Бежал, помер, отдан в рекруты, удавился» — подобные слова являются в книге обычными, наиболее употребляемыми. Особенно в обеих волостях под одинаковым названием Иры в ту тревожную пору записано немало людей, покончивших самоубийством.

Волость Морки (документы иногда называют его Морку) в начале XVIII века входила в сотню Тоскея Тоймурзина. После его смерти в 1716 году по решению общины сотником был назначен его сын Апай Тоскеев. В 1710 году здесь в 209 дворах жили 758 человек, плативших 85 ясаков, а через шесть лет в волости записаны только 64 двора, 247 человек, 240 жителей оставили 126 домов и родные моркинские поля. Такая же картина и в соседней волости «Другие Морки» (очевидно, современная деревня Тыгыде Морко). Если раньше здесь в 87 хозяйствах трудились 288 «душ», то к новой переписи только в 38 домах жили 130 человек.

Переписные книги наглядно свидетельствуют о том, что в местностях Атня (Отня) и Бигишня, ныне расположенных на территории Татарской АССР, а также около Вятских Полян, сейчас входящей в Кировскую область, в начале XVIII века жили много марийцев. Тогда здесь существовали всего шесть марийских сотен и шесть волостей, которые в общей сложности насчитывали 760 дворов, 3 163 человека. Из них на отнинской стороне — три сотни и три волости: в первой (сотник Яныбай Иванов) в 1710 году были 217 домов, 909 человек, а к следующей переписи остались 37 дворов, 136 человек; во второй (сотник Ахтуган Акпаев) в 137 семьях насчитывались 447 человек, а в 1717 году записаны только 54 дома, 160 человек. В волости «Атня на третьем усаде, Кожла Атня» (сотник Ижбулат Чепаев) из 110

хозяйств, 427 человек через шесть лет отмечены: наличных дворов — 36, жителей в них—172. Из трех волостей за семь лет покинули родные места 1 074 человека.

Волости Большая Бигишня и Малая Бигишня составляли сотню Пектемыра Иштыбаева, после смерти которого на его место был поставлен сотником Есечко Исаев. Если в 1710 году здесь были 229 дворов, 1 033 человека, то в 1717 году — 81 двор, 364 «души», пустых — 138 дворов, беглых — 550.

В прежние времена между Сернуром и Отней существовали хорошо налаженные тесные связи. Сернурцы, обычно ездившие в Казань через Отню, там кормили лошадей, часто дневали и ночевали, коротая длинный путь в большой губернский город. Многие находили там себе жизненных подруг. В переписных книгах всех лет многократно указываются девушки из Атни, которых сернурские и торъяльские марийцы взяли в качестве жен, привезли их вместе с собой домой.

По рассказам некоторых бывалых людей, хорошо знающих легенды и были о родной местности (например, учителя истории В. Г. Соколова, уроженца деревни Коклала), в селение Нольыкмарий Сернурского района многие жители пришли со стороны Отни. Это сообщение, думается, отражает исторический факт, соответствующий действительности. Подобное переселение могло быть не только в начале XVIII века, но и значительно раньше.

На среднем течении реки Вятки, в районе Вятских Полян, была сотня, руководимая Бегенеем Енаберди-ным. Она включала деревню Ошторма, расположенную на одноимённой реке, а также близлежащие починки и илемы. Нет сомнения, в древности марийцев здесь было значительно больше и они занимали гораздо обширную территорию. В 1710 г. записаны 67 дворов, 347 человек, а через семь лет только в 14 домах жила 81 «душа».

В других переписных книгах упоминается не только волость Ошторма, но также деревня Штыр, входившая в Уржумский уезд и расположенная около реки Вятки. Думается, из этой местности некогда состоялось переселение марийцев в деревню Штырамарий нынешнего Параньгинского района. В результате эти топонимы генетически оказались тесно связанными между собой. Иначе говоря, первое название породило второе, а *Штыр(а)+марий* в буквальном переводе означает «марнец из Штыра».

В Моркинском районе в нескольких километрах от крупного населенного пункта Варангуж расположена деревня Уртем. Местные жители в разговорах обе эти деревни часто связывают вместе, называя *Уртем Варангуж, Вуртем Варангуж.* Топоним Уртем, Вуртем возник на основе древнего антропонима Ортем. Переписные книги XVII—XVIII веков не указывают марийской деревни с подобным названием, но в XIX веке по данным ревизии 1858 года она фигурирует под названием *Ошторма Уртем.* На этой основе можно считать, что древняя история этой деревни органически связана с вышеуказанным топонимом начала XVIII века. Ошторма берёт начало оттуда. Марийцы, в петровскую эпоху переселившиеся в Моркинский район с бассейна реки Ошторма вблизи Вятских Полян, принесли его с собой.

Нынешний Торъяльский район в прежние времена делился на такие волости: Немда Кукмор, Ноли Кукмор, Кукмора, Ноли Кукмор Кузнецы тож, Ноли Кукморы Илеть Кукмор тож; Вошташ Турнарань, Турнарань, Толмань Турнарань, Тушнур Турнарань Шукша тож, Чюкша (три волости). Все эти названия говорят нам о богатой истории и тернистой судьбе народа данной местности.

Сначала выясним и проследим географию названия Кукмор, многократно повторяющегося во всех документах того времени. Данное слово в древности получило широкое распространение среди марийцев всех уездов. Кроме вышеуказанных волостей, по Галицкой дороге (в нынешнем Волжском районе, в Сотнурской стороне) были волости Бет-Кукмор, Пинжан-Кукмор. На сернурской земле существовала волость «Ноли Кукмор на реке Мушкаву». В бассейне реки Лаж записаны несколько волостей «Ляж Кукмор». Это слово, восходящее к более точному марийскому названию Кукмар, Кукмарий, ведёт нас в современную Татарию, где в годы Советской власти вырос небольшой город Кукмор. В далёком прошлом коренными жителями этой местности были марийцы, о чём говорит конструкция топонима. Однако впоследствии, в средние века из-за неблагоприятных исторических ситуаций многие наши предки вынуждены были покинуть эти места, избрав постоянным местом жительства территорию современной Марийской АССР. Но отдельные марийские деревни вблизи Кукмора существуют и ныне. Деревня Кукмар есть в Первомайском

сельсовете Яранского района, а Кукмар — в Арбажском районе Кировской области.

Переписная книга 1678 года называет деревню Другие Кукморы, расположенную по Арской дороге, за рекой Вяткой. Очевидно, в данном случае речь идёт о деревне Кукмары, которая в наше время стала центром одноименного Кукмарского сельсовета в Немском районе Кировской области. В древнюю эпоху этот край был марийским. Об этом свидетельствуют многочисленные другие топонимы марийского происхождения, записанные в книге переписи. Здесь за Вяткой тогда существовали реки Саба, Серда, Большая Нурма, Нурма, Ноля, Турек, а также возникшие на этой основе деревни — Середняя Саба, Серда, Большая Нурма, Малая Нурма, и т. д. В другом документе середины XVII века упоминается местность Турнарань. Всё это дополнительное доказательство того очевидного факта, что до XII—XIV веков территорию нынешних Нолинской, Немской и других районов Кировской области заселяли предки марийцев. Покинув обжитые в течение многих веков места, уступив их новым русским пришельцам, они предпочли поселиться на постоянное жительство на территории Сернурского, Ново-Торъяльского и многих других районов современной Марийской АССР. Вместе с собой они перенесли также вышеуказанные топонимы, ныне бытующие в северо-восточных районах нашей республики. Река времени быстро и незаметно протекала, подобно весеннему половодью, унося с собой века и поколения. Новая историческая эпоха, грянувшая грозовой тучей, душила мысли и чувства людей, давила горло, иссушила всю их жизнь. Прожив 400—500 лет на территории Марийского края, тысячи наших предков двинулись на восток, на поиски удачи, земли и счастья для себя и будущих потомков. Торъяльская сторона тоже поднялась на ноги, её население тогда намного уменьшилось.

Так, волость «Ноли Кукмар, Кузнецы тож», имевшая 229 дворов, 1 110 человек, в 1717 году явно опустела: жилых хозяйств осталось 77, а людей в них 347 (из них русских 163). В волости «Немда Кумор» из 163 домов, 663 человек предпочли остаться на родной стороне только 232 человека из 62 семей.

В 1710 году в четырех волостях Турнарань (см. названия выше) всего насчитывалось 431 хозяйство, в кото-

ром трудились 1 818 человек. В 1717 году из этого количества жилыми считались 97 дворов, имевших 466 человек.

В отдалённую историческую эпоху значительную часть территорий не только современной Марийской АССР, но и Кировской области заселяло финно-угорское племя чудь. Об этом наглядно говорит топонимический субстрат Волго-Вятского междуречья, для которого характерны названия Чукша, Чюкша. В трёх волостях Чюкша из 672 человек, живших в 150 дворах, в 1717 году на месте остались только 72 человека в 35 домах. Сейчас трудно сказать, что послужило конкретной причиной такого массового бегства — эпидемия, бедность, густонаселенность, желание поселиться на более плодородной земле? Вернее всего, решающую роль сыграл комплекс причин, стянутых в единый, тугой узел, а также огромное желание освободиться любой ценой из тисков невыносимой эксплуатации царских властей. И люди массами бросали самое дорогое, что у них было — родные места, дома и земли, направляясь в неизведанные края.

Особенно большие изменения произошли в волости «Чюкша на третьем усаде», составившей сотню Микитки Ведяева. В 1710 году здесь в 82 дворах жили 442 человека, а в 1717 году записаны только 4 дома, 11 человек. Всего в те тревожные годы 529 чюкшинцев из 108 дворов покинули родные места. Многие из них затем обосновались в Приуралье, в бассейне реки Белой, о чём свидетельствует наличие там уже в 1722 году деревень: Бол. Шукшан на р. Варзя, где были 16 дворов и 57 человек, Мал. Шукшан на реке Янгасак, где в 7 дворах жили 20 мужских «душ». Некоторые чюкшинцы предпочли остаться на земле отцов и дедов, положив начало новым илемам и починкам на сернурской стороне. Об этом свидетельствуют документы середины XVIII века. Так, по данным переписной книги 1744 года в новопоселённую деревню Шокшемсолу (ныне входящую в Сернурский район) из Чюкши переселились 12 человек (мужчин). Указываются их имена, возраст: Кельчыбай Ишкенаков (40 л.), его сын Чемека (13). Акпарыш Ишпулатов (30) и его сыновья: Акпай (7), Акельда (2). Ишкена Илбахтин (умер) и его дети: Есенгул (20), Ешмень (10), Ешмекей (7), Ештебай (3). Чинбулат Каликбаев (50), его сыновья: Ека (18), Пыркин

(10). Если к этому числу добавить столько же женских «душ», то можно считать, что здесь тогда жили не больше 24—25 человек. Деревня получила своё название от реки Шокша, протекавшей рядом с ней.

Из жителей Шокшема того времени бросается в глаза имя Пыркин. В 1744 году этому мальчику было десять лет. Набрав года, повзрослев, он обзавёлся семьей, и, надо думать, построил свой илем на живописной местности недалеко от Шокшема, который затем стал починком, названным именем его основателя, первопоселенца Пыркина, а марийцы нашего времени называют его Пыркын. Деревня с подобным названием не фигурирует в документах середины XVIII века, она возникла несколько позже.

Книга переписи 1744 года указывает, что 13 чюкшинцев (мужчин) переехали в деревню Токсубаево. Это новое поселение, вероятно, обосновал Токсубай Пайдулов, ставший сотником после смерти Микитки Ведяева. В его сотню входили волость Чюкша, деревня Шокшем и близлежащие починки и илемы. В сернурской и торъяльской стороне не было в прошлом и ныне отсутствует деревня с подобным названием Токсубаево, под которым определенно скрывается топоним *Тоски*. Двести пятьдесят лет назад, когда починок возник, его назвали *Токсубай (Токсывай, Токсибай)* в честь его основателя, а в обычном разговоре сокращенно — *Токси*. Однако с течением времени *Токси* превратилось в *Тоски*, в более удобное для устного произношения личное имя, откуда произошло и название местности. Ныне Тоски (так называют его марийцы) — солидная деревня, расположенная на полпути между селениями Мустаево и Шокшем.

Переписная книга 1748 года по Алатской дороге дает ряд новых данных о Чюкше. Между 1717 и 1748 годами отсюда, а также из местностей близ реки Саба, немало людей перешли на постоянное жительство в новопоселенные деревни. Из них — в Кугенер (ныне входит в Новоторъяльский район) — 23, Тулубень — 14, в три починка под одинаковым названием Лаврангер — много людей: в первую—4, во вторую — 27, третью — 13 (мужчин). Указаны их имена, возраст. Если к этим цифрам приплюсовать такое же число женщин, то нетрудно узнать общее количество переселенцев в вышеуказанные селения.

Большие изменения произошли в местностях, ныне

входящих в состав Советского (раньше Ронгинского) района. В 1710 году в волости Верх-Ушут в 126 семьях жили 492 человека, а через шесть лет записаны пустых 66 дворов, беглых 224 «души». Волость Ушнур раньше объединяла 138 хозяйств, в которых трудилось 513 человек. К 1717 году 295 человек навсегда покинули около 100 дворов. В волости Кокшан прежде числились 140 дворов, 584 человека, а через семь лет только в 48 домах были 236 живых «душ», из них — 68 русских. Из осиротевших 92 домов ушли в стороны дальние 295 человек. Волость Ронга по сравнению с другими была небольшой и относительно малолюдной: из 74 хозяйств, в которых проживали 262 человека, к 1717 году на родной стороне предпочли остаться 50 человек в 16 дворах. 145 мужчин и женщин, покинув 59 дворов, держали путь «в башкир». В самых маленьких волостях Кундыш Чаранур и Ронга Турнарань в 1710 году были зафиксированы: в первой — 30, во второй — 24 семьи, а через семь лет только в 16 дворах остался 61 житель. Из пустых 38 дворов 85 человек бежали «в Уфимский уезд» — сообщает переписчик.

Закрепившись на марийской земле, царская власть предоставила большим и малым господам все возможности для эксплуатации народа. Для того, чтобы держать в узде десятки тысяч простых людей, она ещё в 80-ые годы XVI века начала строить крепости. Так, на этой основе в разных уголках Марийского края были воздвигнуты города Царевококшайск, Козьмодемьянск, Санчурск, Яранск, Уржум, в которых жили воеводы, купцы, чиновники, находились постоянные отряды стрельцов.

В начале XVIII века среди марийцев всё больше становится русских поселенцев, что способствовало упрочению дружеских связей и отношений между обоими народами. На луговую марийскую землю миграция русских крестьян преимущественно шла со стороны Вятки (города и реки). В переписных книгах в ряде случаев наблюдается такая интересная картина: сотни и волости по названию марийские, но основными их жителями были русские, которых возглавляли сотники марийцы. Так было, например, в Ижмаринской волости. В 1717 году она вместе с русским селом Стретенское входила в сотню Иваная Ивашкина, после смерти которого сотником стал Есей Пибатров. В волости насчитывались

156 дворов, в которых жили 841 русский и мариец, а в селе — 163 дома, 1 247 русских поселенцев. В соседних сёлах Рождественское Сютежской волости и Алексеевское Кичминской волости в общей сложности в 357 хозяйствах трудились 2 072 русских. Они также раньше числились в марийской сотне.

Не менее любопытная ситуация и в сотне Апая Ахпаева, куда входили волость Лаж («а в ней русские люди», пишет переписчик), русское село Филипповское, деревня Пузенер и близлежащие починки. Всего здесь в 135 дворах жил 781 человек. Лажская волость в те годы стала уже русской, но по прежней марийской традиции она считалась формально сотней, хотя марийцев здесь почти не было. Очевидно, они переселились в соседнюю волость Лаж (сотник Яныш Алымбаев), где записаны 51 двор, 197 марийцев.

Сотня Яшпулата Ишпахтина, в которой были волости Ноли Кукмор, Илеть Кукмор, насчитывала 81 двор, 495 людей, в их числе — русская деревня Курба. Сотня Пидыбая Пайдушева объединяла Ирпольскую волость, где жили 300 русских и марийцев в 54 дворах. В волости Руй, входившей в сотню Тавгера Тонакова, в 64 семьях числились 336 марийцев и русских, живших в соседстве.

В волости Орбор и Ошла Шудумора (сотня Янагиша Янашева) в те годы пришли на постоянное жительство 230 татар, а в село Егорьевское — 70 русских. Следует отметить, что если царская власть постоянно угнетала простых людей, то она в то же время всячески поощряла и поддерживала местных богачей, стремясь наладить с ними особо тесные, доверительные отношения. Весьма показательны в этом плане примеры, приведенные выше: влиятельные марийские чиновники, выбранные на должность «сотников», стояли во главе ряда русских волостей. В петровскую эпоху тысячи бедных русских крестьян, так же, как и их соседи марийцы, стали беженцами, а на их места приходили жить другие. Так, в 1744 году в волости Чюкша насчитывались 37 русских. Такая картина наблюдалась и в других волостях.

Предлагаем таблицу, которая более обстоятельно, конкретно и обобщенно отражает картину изменений, происшедших между 1710 и 1717 годами в сотнях и волостях Алатской дороги:

Таблица II

№№ п. п.	Название волости, сотни (или имя и фамилия сотника).	В 1710 году		В 1716—1717 гг. были в наличии				Примечание
		всего дворов	людей	дворов	людей	пустых дворов	бежало мужчин и женщин	
		1	2	3	4	5	6	7
1.	Дер. Ошторма, починки (сотня Бегенея Енабердина)	65	347	14	81	52	223	
2.	Вол. Иры (сотня Пыркина Толбаева)	207	862	69	241	142	449	
3.	Вол. Малая Ира (сотня Тавгеча Албахтина)	96	404	37	151	59	168	Два русских хозяйства
4.	Вол. Морки (сотня Тоскея Тоймурзина)	209	758	64	247	126	340	
5.	Вол. другие Морки (сотня Келдыбая Килчубина)	87	288	35+3	130	55	94	Вновь построены (+3 дома)
6.	Вол/ти Большая Бигишня. Малая Бигишня (сотня Пехтемыра Иштыбаева)	229	1033	81	364	138	550	
7.	Вол. Ижмаринская (сотня Иваная Ивашкина)	156	841	48	225	111	459	
	Сюда входили: русск. село Стретенское	163	1247	81	463	56	391	
	Вол. Сютежск. село Рождественское, вол. Кичминск., село Алексеевское. починки.	257	2072	83	—	174	1028	Подсчитано вместе Волости с русским населением не учтены.
8.	Вол. Нурма около реки Красной (сот. Чеменей Васкин, после его смерти — Тохпай Мамаев)	143	572	49	186	94	323	
9.	Вол. Верхн. Ушут, поч. Мал. Кугунур,	126	492	25	87	66	224	
	(сотня Елпая Алпаева)	35	129	9	22	26	89	
10.	Сотня Келдыка Кизылбаева дер. Иснинер	17	64	6	20	12	31	
11.	Вол. Кундыш Чаранур (сот. Яндуша Паймурзина)	30	114	9	34	21	46	

	1	2	3	4	5	6	7
12. Вол. Ушнур (сотн. Петрушки Ахпаева)	138	513	39+5	147	100	295	
13. Вол. Чаранур Черея, поч. Салтак (сот. Енака Ематова)	139	448	47	160	92	175	
14. Вол. Черенур Черея, вол. по р. Немда с дер. Оду беляк и починки (сотн. Офонки Апаева)	109	431	33	144	76	218	
15. Вол. Кокшанская (сотн. Янбулата Акбаева)	140	584	48	236	92	295	Русских 68 чел.
16. Вол. по р. Ронгу Турнарань (сотн. Васки Ижбулатова)	24	80	7	27	17	39	
17. Вол. Ронга (сотн. Пекбатыра Пайбахтина)	74	262	16	50	59	145	
18. Вол. Немда Кукмор (сотн. Шабадара Шабрукова)	163	663	62	232	101	359	
19. Вол. Ноли Кукмор, Кузнецы тож (сотн. Тренка Иштыбаева)	229	1110	77	347	152	630	Русских 163 чел.
20. Вол. Кукмора (сотн. Пехтула Алпаева)	106	463	37	166	69	247	
21. Вол. Ноли Кукмора (сотн. Акбулата Енакозина)	82	353	25+3	85	57	215	+3 дома русских
22. Вол. Вошташ Турнарань (сотн. Мандыка Махматова)	154	558	50	212	104	423	
23. Сютежск. вол., починки (сотн. Пектыш Пекпулатов, а затем Тупай Конакпаев)	110	701	45	292	65	346	
24. Сотн. Апая Ахпаева: село: Филипповское, вол. Лаж, дер., Пузинер, починки	135	781	40	176	96	515	Жили русские
25. Вол. Крукнур (сотн. Макей Кизылбаева, а затем Яндука Пайбатырева)	125	624	27	112	98	453	
26. Сотн. Кабынея Акпаева, а затем Ветки Алтыбаева («деревня на поле загонном»)	23	119	5	25	18	86	
27. Вол. Ноли Кукмор, вол Илеть Кукмор, поч. Курба	81	495	20	113	61	347	6 дворов русских

	1	2	3	4	5	6	7
28. Вол. Лаж (сотн. Яныша Алымбаева)	51	197	18	76	33	84	
29. Вол. Сернур (сотн. Яманая Кизилбаева)	311	1212	104	362	208	655	
30. Ирпольская вол. (сотн. Пидывая Пайдушева)	54	300	18	98	36	161	Русских 6 дворов
31. Вол. Руй (сотн. Тавгер Тонакова, затем Парышка Ишпаева)	64	336	19	110	45	164	5 дворов русских
32. Вол. Турнарань (сотн. Танькея Енигитова)	52	225	25	123	27	96	Русских 7 дворов
33. Вол. Тушнур Турнарань, Шукша (сотн. Багея Патырева)	101	431	12	86	82	288	
34. Вол. Толмань Турнарань (сотн. Чорешка Семенеева)	124	604	10	45	115	550	7 дворов русских
35. Вол. Атня (сотн. Актугана Акпаева)	137	447	54	160	83	194	
36. Вол. Атня (сотн. Яныбая Иванова)	217	909	37	136	180	691	
37. Вол. сотн. Тинбагиша Акелдина дер. Шой	25	93	12	51	13	28	
38. Вол. Атня на 3-ем усаде, Кожла Атня (сотня Ижбулата Чепаева)	110	427	36	172	74	192	
39. Вол. Турек, Ляж Кукмор починки (Алпая Аимова сотня)	209	918	109	540	74	319	Много татар
40. Вол. Орбор, Ошла Шудумора, село Егорьевское (Янагиша Янашева сотня)	429	2374	132	628	297	1270	русск.—70 татар—230
41. Вол. Ноли Кукмор, починки около реки Мушка, поч. Янагиш (Чинбулата Пайбердина сотня), поч. Немдеж	81	284	36	146	45	113	
42. Вол. Мал. Серты. Мал. Сернур (Ахтермыша Шабаданова сотня)	38	132	9	39	29	57	
43. Вол. Чюкша «На другом усаде», поч. Салтак (сотня Ешпахта Кошпаева)	31	119	6+14	23	14	43	+14 дворов в поч. Салтак
44. Вол. Чюкша «На третьем усаде» (сотня Микитки Ведяева)	82	442	4	11	78	428	

	1	2	3	4	5	6	7
45. Вол. Чюкша (сотн. Пашки Чермышева)	37	121	11	38	26	58	
46. Вол. Ону Морку (сотн. Пекмамет Пекбулатов)	101	392	35	144	66	213	

В 1710—1717 годах в марийских волостях поселились 565 русских.

Таким образом, переписная книга, на основе которой составлена приведенная выше таблица, свидетельствует о том, что в 1710 году по Алацкой дороге Казанского уезда жили около двадцати трёх тысяч трёхсот (23.300) марийцев. К 1716—1717 годам, в течение шести-семи лет, примерно двенадцать тысяч восемьсот человек (12.800) покинули край отцов и дедов, переселившись на новое место жительства. Подавляющее большинство из них направилось в Прикамье, Приуралье, в бассейн реки Белой. А некоторые, предпочтя родной край, обосновались в других местах.

Материалы ЦГАДА одновременно показывают, что переселенцы происходили из луговых волостей марийской земли, были уроженцами сернурских, торъяльских, куженерских, моркинских, ронгинских, турекских и других мест. Архивные документы также говорят о том, что весьма значительное число беженцев «в башкир» покинули пределы Уржумского, Царевосанчурского, Яранского уездов, т. е. происходили из южных районов нынешней Кировской области. Однако ввиду сложившихся исторических обстоятельств их миграция началась раньше, чем из районов Алатской дороги. Попутно отметим, что переписные книги середины XVIII века (1748, 1762 гг.) не называют переселенцев «в Уфимский уезд», большие потоки которых были характерны для петровской эпохи. Они в основном закончились к 1717—1720 годам, а после этого были только единичные случаи переселения «в башкир».

Первая полная перепись марийцев Уфимского уезда, обязанных платить подушную подать, была произведена в 1722—1723 годах. По её результатам, тогда по четырём дорогам (Осинской, Казанской, Ногайской, Сибирской) Уфимского уезда жили всего десять тысяч двести пятьдесят девять (10.259) марийских мужчин (ЦГАДА,

ф. 350, оп. 2, ед. хр. 3790). Перепись марийцев Кунгурского уезда была осуществлена несколько раньше, в 1719 году. Она называет жителей «старооброчных» и «новооброчных» в Сылвенской и вверх Иренской четвертях в общей сложности пятьсот шестьдесят восемь (568) человек (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1625). Если эти вышеуказанные цифры объединить (10.259+568), то получим десять тысяч восемьсот двадцать семь (10.827) мужских «душ» в обоих уездах. Присовокупив к ним такое же количество женских «душ», которых перепись не учла, не записала, мы узнаем общее количество марийских жителей в Уфимском и Кунгурском уездах, т. е. двадцать одну тысячу шестьсот девяносто четыре человека (21.694). Переписчики часто называют «Утаенных», не попавших в ревизию.

Приняв их во внимание, можно сказать, что в 1719—1722 годах в Уфимском и Кунгурском уездах жили около двадцати двух тысяч марийцев (22.000).

Установленная выше цифра (22 тысячи человек) показывает, что в Прикамье и в бассейне реки Белой и до прихода основного потока переселенцев из Алатской дороги в петровскую эпоху было весьма значительное количество населения, примерно десять-двенадцать тысяч человек (марийцев), но не меньше, если не больше. Многие из них, по крайней мере около половины из этого числа, были старожилами, коренными жителями этих мест. Уже в 1722 году в Уфимском уезде было около 115 марийских деревень. Многие из них были основаны давно, о чем говорят их названия — Старый Киябак, Калмаш, Старое Тураево, Большой Яш, Большой Сухояз, Старое Тохтаево, Старое Дюртюкеево, Старый Кипчак, Сикияз и др. На основании всего этого можно считать, что прикамско-приуральский этнический массив марийского населения сложился не к середине XVIII века, как полагает Г. А. Сепеев, а значительно раньше. Процесс его сложения начался в очень давние времена, в средние века, но завершающий этап относится к первым десятилетиям XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М. С. 1968, Антропология древнего населения Приуралья. М.

Баскаков Н. А. 1964, Этнолингвистическая классификация

диалектных систем современных тюркских языков.— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М. Т. 5.

Камалов А. А. 1969, Гидронимия Башкирии.— Автореф. Дис. ... канд. филолог. наук. Уфа.

Камалов. А. А. 1971, Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Вып. IV. Уфа.

Кузеев Р. Г. 1974, Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.

Сепеев Г. А. 1975, Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола.

Юсупов Г. В. 1960, Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л.

В. Н. Васильев

МАРИЙСКИЕ ОРНИТОНИМЫ, ИХ СТРУКТУРА И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

АМЫРТ «красный коршун» (Milvus milvus L.) Л, В (Шиньша Морк.— Серн., Васильев 1928 : 22), *амырт вараш* (Починок-Кучук Елаб.), *амытр томана* (Карай Волж.), *ӓмырт* Г «орел» (Саваткова 1981 : 13), общемарийское **амерт* (Гордеев 1979 : 102). Заимствован из чувашского языка: чув. *амӑрт*, *ампӑрт-кайӑк* «орел» (Ашмарин 1928 : 200, 205), *виле ӑмӑрткайӑкĕ* «орел-могильщик» (РЧС 1971 : 449). В чувашском языке сарматское или булгарское наследие (Егоров 1964 : 40). Эта же птица встречается и под названием *колегуш* (МРС 209, Васильев 1928 : 22), *колагукшъ* «чапура» (Сочинения... 1775 : 66). Состоит из двух частей: *коля* «мышь»+тюрк. *куш* «птица». Компонент *-куш* заимствован до перехода древнетюркского *у* в *о*: совр. тат. *кош* «птица» (ТРС 1966 : 288).

Сравнение с *томана* «сова» и *вараш* «ястреб» исходит из хищнического характера этой птицы.

ЧАРЛАҢГЕ «серая цапля» (Ardea cinerea L.) Л, В (Мари-Турек, Сернур, Параньга, Куженер, Новый Торъял, Советский, Морки Морк.-Серн; Лепешкино Приб.), *царлаҥге* (Пуял Й-Олин., Липша Волж.), *чарлан* (Карай, Часовенная Волж.), *мыгыльшӥ* Г (Саваткова 1981 : 95). В марийском языке орнитоним *чарлан* имеет булгарское происхождение (Казанцев, Патрушев 1972 : 81; Федотов 1965: 61, 148; Räsänen 1920 : 230), чув. *чарлан* «цапля, чайка» (РЧС 1971 : 855, 849), тув. *шилен* «цапля», туркм. *чарлан*, тат. *ак чарлак*, башк. *аксарлак* «чайка» (Егоров 1964 : 317).

Чарлаҥге образовано от *чарлан* при помощи суффиксального элемента *-ге (-ке)*, который И. С. Галкин, вслед за Вихманом и Лехтисало, считает финно-угорским (Галкин 1966 : 23). Начальный *-ҥ* в составе суф. *-ҥге* возник в результате переразложения основы в суффикс. Согласный *-к* после *-н* озвончается, согласный же *-н*

перед звонким *-г* переходит в *-ҥ*: *чарлан+ке>чарлан+ге>чарланге*. В варианте *царланге* отражается цокающий характер йошкар-олинского говора.

Мыгыльшӱ Г «цапля». Это название возникло из-за наличия у цапли хохолка на затылке: *мыгыль* «завиток волос у замужних женщин на затылке»+*шӱй* «шея». Слово *мыгыль (мыгылъы, мугыль)* из булгарских источников: чув. *мăкăль* «шишка, желвак, бугор, холм, возвышенность», якут. *мөгөльчөк* «шар», монг. *маколчок* «круглый» (Егоров, 1964 : 30). *Шӱй* «шея» финно-угорский элемент в лексике марийского языка: коми *сьыли, сьыв,* «шея»; удм. *силь* «шея»; фин. *sepä*, *sevätä,* морд. м. *сиве* «ворот, воротник, воротничок» (КЭСК 271, Мокш. РС 1949 : 248).

В марийском языке с данной птицей связаны еще два названия: *кугулогар* (Корамас Волж.) «цапля» (*кугу* «большой»+*логар* «горло»); *подлогар* (Птицы... 1977 : 30), *под* «котел»+*логар*. Оба названия отмечают способность птицы поглощать много пищи, во втором случае это сравнивается с котлом.

ВӰДӰШКЫЖ «большая выпь» (Botaurus stellaris L.) На территории Волжско-Камского края обитают два вида выпи: большая выпь и выпь малая (русск. волчок). Большая выпь в Марийской АССР встречается повсеместно. Предпочитает поселяться в тростниковых болотах, на заросших тростником берегах рек и озер.

Вудӱшкыж Л (МРС 86, 91; Васильев 1928 : 42; Арбан, Нужъял, Нурма Й-Олин.; Мари-Турек, Сернур, Параньга, Куженер, Новый Торъял, Советский, Морки, Морк.— Серн.), *вӱдӱшкӱж* Г, В (Саваткова 1981 : 27, Ӱлы — Ныванай, Балт., Бахтыбаево Бирс., Чишма Белеб.). В данном орнитониме отмечены сразу две особенности птицы. Питается и гнездится у водоемов, отсюда в названии слово *вӱд* «вода» уральского происхождения: фин. *vesi,* эст. *vesi*, морд. э. *ведь,* м. *ведь;* удм. *ву,* коми *ва,* манс. *wit,* венг. *viz,* сравни индо-европейское *wed* (Основы... 1974 : 402, КЭСК 46). Днем эта птица бездеятельна, скрывается в густых зарослях, стоит на одной ноге, втянув шею. В случае опасности вытягивает шею и замирает, при этом напоминает пучок сухих стеблей тростника. Поэтому увидеть выпь в природе нелегко. Но весной и в первую половину лета обнаруживает свое присутствие громкими и гулкими криками, которые вечерами и ночью бывают слышны очень

далеко. Этот крик словами можно передать как «трумб» или «у-трумб» (Жизнь... 1970 : 95), который сравнивают с ревом быка или коровы. Поэтому у многих народов находим сравнение с крупным рогатым скотом: эст. *soohärg* «болотный бык», *veehärg* «водяной бык», *lahe-, roo/lehm* «корова залива, бухты; тростниковая корова» (Mäger 1967 : 17); укр. *бугай,* рус. *водяной бык* (Даль 1956 : 309). В марийском названии имеем сравнение с быком: *ӱшкыж* «бык». Слово *ӱшкыж* иранское заимствование: санскр. *ukšan* «бык», авест. *uxsan,* герм. **ohsan,* гот. *auksa* (Гордеев 1967 : 109). В некоторых других финно-угорских языках также иранского происхождения: коми-перм. *ошка* «бык, бычок», удм. *ош* «бык». В волжско-пермских языках произошла метатеза **ks, *sk* (КЭСК 213). В марийском языке образовано при помощи суффикса *-ыж*. Появление *у* вместо лугового *ы* в горномарийском варианте результат действия явления полногласия.

АИСТ (Ciconia nigra L.). В Волжско-Камском крае обитает черный аист. Является одной из редчайших птиц. По анкетному опросу работников лесничества в 1958 году в Марийской АССР отмечено только одно гнездо (Птицы ... 1977 : 39). Поэтому и в названии такое единообразие, у всех опрошенных и во многих источниках имеем только русское *аист*. Лишь в словаре В. М. Васильева дается *мыгыльшӱ* «аист» (Васильев 1928 : 128), которое было рассмотрено в связи с названием *чарлангге* «серая цапля».

ЙУКСӦ «лебедь-кликун» (Cygnus cugnus L.)—птица перелетная, в прошлом она постоянно бывала в нашем крае, частью оставалась на гнездовье. В настоящее время редкая.

Йӱксӧ (МРС 156, Шиньша, Олоры, Мари-Билямор, Сардаял Морк.—Серн.); *йӱкчӧ* Л, В (Мушултӱр Волж., Ст. Кульчубаево, Рефанды Мишк., Улы-Йыванай Балт., Бахтыбаево Бирск., Чишма Белеб.); *д'укшӧ* (Кугу Орша Й-Олин., Липша Волж.); *д'укш* (Ошладӱр Й-Олин.).

Данный орнитоним по происхождению является финно-угорским: фин. *joutsen (joutsenen)*, саам. *njukča,* морд. э. *локсей, локсьтим;* м. *локсьти, локсти;* удм. *юсь;* коми *юсь*; манс. *jošvoj*, финно-угорская форма *joŋkśe (Основы... 1974 : 416).

О переходе *с>ш* имеется несколько мнений. Вихман пишет, что переходу с>ш предшествовал переход *с'>ш*, а мягкий *с'* в соврменных говорах—древней *с* (Wichmann 1906 : 1—3). Другие утверждают, что переход *с'>ш* произошел тогда, когда *с'* совпал с **с* (Paasonen 1912 : 120). Правильную трактовку этому звукопереходу дал Л. П. Грузов (Грузов 1965 : 156—160). Переход *с'>ш* произошел до марийско-чувашского контакта Процесс этот шел неодновременно в разных диалектах и с неодинаковой интенсивностью, поэтому в современном марийском языке имеем варианты *йӱкс'ӧ* и *д'ӱкшӧ*. В названии *д'ӱкш* отмечается отпадение конечного гласного. Орнитоним *йӱкчӧ*, по-видимому, сохранил самый древний вариант этого слова (см. древнюю финно-угорскую форму).

В начале слова согласный *й* имеет шумный оттенок, поэтому в некоторых говорах марийского языка выступает *д'*. Такое же явление отмечается и в диалектах удмуртского языка (Грузов 1965 : 208, 209).

Хотя гнездовая область лебедя-шипуна (Cygnus olor Gm.) лежит значительно южнее территорий, населенных марийцами, в прошлом эта птица, видимо, залетала и в наши края. В словаре В. М. Васильева можно найти название данной птицы: *шӱшкышӧ йӱкчӧ* «лебедь-шипун» (Васильев 1928 : 281). Слово *шӱшкышӧ* образовано от глагола *шӱшкаш* «свистеть» при помощи суффикса активного причастия *-шӧ*.

В некоторых марийских населенных пунктах (Памашсола Серн., Аимково Маритур.) лебедь имеет название *юмынкайык* «божья птица», *юмынкомбо* «божий гусь». Это связано с внешним видом птицы: снежно-белый цвет оперения, красивая изогнутая шея создают впечатление, что птица не земная, а посланная людям богом. И в современном языке красота девушек сравнивается с красотой лебедя, что также характерно для сказочных персонажей. По народным поверьям, величайший грех подстрелить эту красавицу-птицу.

Слово *юмо* «бог» имело употребление еще в период уральской общности: хант. *пит* «верхний, высокий, небесный»; манс. *пит, питі* «тж»; сам иган. *пит*[э] «небо, бог» (Основы... 1974 : 407); эст. *jumal* «бог» (ЭРС 1977 : 123). А сравнение с *комбо* «гусь» исходит из сходства гуся и лебедя.

КОМБО «гусь» (Anser L.). На территории Марий-

ской АССР, кроме домашних, встречаются три вида дигих гусей: серый гусь (Anser Anser L.), белолобый гусь (Anser albifrons Scop), гуменник (Anser fabalis Latham). В основном все они только пролетные, из них 75% — гуменники, 15% — белолобые, 10% — серые (Птицы ... 1977 : 50). В настоящее время можно говорить о гнездовании гусей лишь в отдельных участках края, где сохранились достаточно большие водно-болотные угодья и где их особенно сильно не беспокоят. Пролет гусей наблюдается весной в апреле, а осенью — в октябре.

В марийском языке гуси имеют общее название *комбо,* а дикие гуси обозначаются вспомогательным определением *кайык,* которое может выступать как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к слову *комбо: кайыккомбо* «дикий гусь» (Мари-Малмыж Малм.; Мари-Турек, Сернур, Параньга, Куженер, Новый Торъял, Советский, Морки Морк.— Серн.; Волж.; И.-Олин.; Мишк.), *комбыгайык* «тж» (Мари Отар Волж., Калтаса, Краснокамск, Янаул Калт.), *кампы* СЗ (Иванов, Тужаров 1971 : 72).

В других финно-угорских языках не находим соответствия этому орнитониму: морд. м. *гала, маци* «гусь» (Мокш. РС 1949 : 62); удм. *зазег* «гусь» (РУС 1956 : 195); коми *дзодзӧг* «гусь» (КРС 1961 : 193); эст. *hani* «гусь» (ЭРС 1977 : 82). В лексике марийского языка нет слов, которые были бы основой орнитонима *комбо.*

По-видимому, данное название можно сопоставить с коми *гыбавны* «плескаться», *чери гыбало* «рыба плещется», *гыбалысь чери* «играющая, плещущаяся рыба»; *гыбалом* «плеск» (КРС 1961 : 179), которое восходит к прауральскому **kumpa*: морд м. *комболдома* «волнение» (об озере, море и т. п.), *комболдомс -дсь* «волноваться» (об озере и т. п.); хант. *хи'тр* «волна», манс. *хитр* «тж», венг. *hab* «волна, пена»; ненец. *haamba* «волна», нган. *kombu,* ненец. *kaba,* сельк. *komba* (КЭСК 84).

В марийском языке первоначальное значение сохранили выражения: *комбыла* Г «снопы, сложенные в ряд (для сушки)»; *комбылаш* «класть снопы в ряд» (МРС 213). Слово *комбыла* образовано от *комбо* «волна» при помощи финно-угорского суффикса наречия *-ла* (Галкин 1966 : 138, 143), употребляется со значением «класть снопы волнообразно; снопы, сложенные волнообразно». В. И. Лыткин мар. *комбо, комбыла, комбылаш* сравнивает с коми *кобув* «укрытие от дождя (дерево, шалаш

и т. п.)», предполагая, что первоначальным значением слова *коб* было «навес» (КЭСК 125). В данном случае необходимо учитывать, что снопы складываются в ряд, один за другим, чем весьма напоминают волны, поэтому связывание мар. *комбо* с коми *коб* следует считать довольно натянутым.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что гуси селятся около водоемов, любят плескаться в воде, предпочитают проточные, с наличием волн, воды. Эта особенность отмечается и в марийской народной песне: *ларт-ларт лудыжо шинчыше вӱдым йӧрата, кигик-когок комбыжо йогышо вӱдым йӧрата* «Ларт-ларт утка любит спокойную воду, кигик-когок гусь любит проточную воду».

Луговое и восточное *о* в горном и северо-западном наречиях имеет закономерное звукосоответствие *а* (Грузов 1965: 101), отсюда в горном и северо-западном наречиях вариант *кампы*. После сонанта *м* встречаем не звонкий согласный *б*, как предполагалось бы ожидать, а глухой *п*; *б* является смычным оттенком фонемы *в*, а *в* появилось в результате чередования с глухой фонемой *п* после сонанта (Грузов 1960 : 75). В этом случае в слове такого чередования не произошло, то есть не было ассимиляции по звонкости глухого согласного *п* после сонанта, орнитоним сохранил древнюю форму.

Со словом *комбо* связано марийское название Млечного Пути: *Кайыккомбо корно* (МРС 171), *Кайыккомбо кайыме корно* «дорога диких гусей, дорога, по которой летят дикие гуси». Наименование «птичий путь» используется на территории от Балтийского моря до Тянь-Шаня. Это — главное название Млечного Пути у многих финно-угорских и тюркских народов: фин. *linnurata* «птичий путь»; эст. *linnutee* «птичий путь»; морд. м. *Нармонь ки* «птичий путь», э. *Вирь мацееньки* «гусиная дорога»; удм. *Луд зазег сюрес* «гусиная дорога»; коми-зыр. *Дзодзог туй* «гусиная дорога»; башк. *Кош юлы* «птичий путь»; кирг. *Куш жалы* «птичий путь»; чув. *Хуркайнак суле* «гусиная дорога»; башк. *Каз юлы* «гусиная дорога»; тат. *Киек каз юлы* «журавлиный путь» (Карпенко 1981 : 20). Названия Птичий Путь и Гусиная Дорога известны и в русских народных говорах, они есть и в других славянских языках.

Данное название ориентационное. Перелетные птицы возвращаются весной. И в это время направление Млеч-

ного Пути (вечером) хорошо совпадает с их маршрутами.

У разных народов возникновение и распространение этого названия было различным. Для всех финно-угорских народов раньше, видимо, было название Гусиная Дорога, вследствие расширения значения слова, обозначающего гуся, а также перенесения этого орнитонима на другую птицу имеем в настоящее время Птичий Путь, также другие слова в значении гуся.

ЛУДО «утка» (Anas L.). В марийском языке утки именуются общим названием *лудо*. Слово это финно-угорского происхождения: фин. *lintu* «птица», эст. *lind* «тж.»; саам. *lod'de*, хант. *lunt* «гусь», манс. *lunt* «тж.», венг. *lúd* «гусь», финно-угорское **lunta* (Основы... 416). Первоначальным значением данного слова, как правильно отмечает Мягер (Mäger 1967 : 9), было «серый». Это значение сохранили выражения в горномарийском, северо-западном и отчасти луговом наречиях марийского языка: *луды* Г «серый» (Саваткова 1981 : 83), *лудо* СЗ «серый», *лудалгаш* «сереть, посереть», *лудалгы* «сероватый» (Иванов, Тужаров 1971: 118); *лудо* Л «серый», *лудалге-канде* «серовато-голубой» (МРС 298). Гуси и утки почти все сероватого цвета (дикие), поэтому в последующем это слово стало употребляться для их номинации, следы которого сохранили современные финно-угорские языки. В финском, эстонском и саамском языках произошло расширение семантики данной лексической единицы, а в других языках — перенесение и сужение.

В марийском языке различение диких уток от домашних достигается посредством прибавления слов-разграничителей к общему названию: *ашныме лудо* «домашняя утка», *кайыклудо* «дикая утка», *арлудо* первоначально «маленькая утка», в настоящее время и «дикая утка». Наряду с этим имеются отдельные орнитонимы, которые относятся только к определенным видам.

ВӸРЖВОЧ «шилохвост» (Anas acuta L.). Как в марийском, так и в русских языках получила название за свой необычный хвост. Это «утка средней величины с длинной шеей и острым игловидным хвостом, хорошо заметным, как у летящей, так и у плывущей птицы» (Жизнь... 1970 : 137). Орнитоним *вӹржвоч* прозрачно делится на два компонента: *вӹрж* «шило»+*воч*>*поч* «хвост», которые находят соответствия во многих финно-

угорских языках. Мар. *вӱрж* «шило», морд. э. *уро*, м. *уры* «шило»; фин. *ora* «железный прут», эст. *ora* «железный прут, шило», венг. *a'r* «шило», финно-угорское **ora* MSzFE I, 92); мар. *поч* «хвост», удм. *быж* «хвост», манс. *pońš-pun* «перо хвоста», коми *бож* «хвост, подол, хвостовая часть чего-либо» (КЭСК 40).

Этот вид утки в луговом наречии имеет еще одно название — *чадыртан* (МРС 663, Васильев 1928: 242), которое является звукоподражательным. Крик можно выразить следующими словами: «чытыр-чытыр» (Васильев 242). Подобно *вӱржвоч* образован орнитоним *шарвоч* (*шар* «волос» в хвосте лошади+*воч*<*поч*). Элемент *шар* имел употребление уже во времена финно-угорской общности: манс. *sayir* «конский волос», венг. *szor* «волос» (Основы... 411).

КУГЫЛУДО «кряква» (Anas platyrhinchos L.). Это же название относится и к другому виду, к серой утке (Anas sterepera L.). Название сложное, образовано сложением двух лексем: *кугу* «большая»+*лудо* «утка», *кугу* финно-угорское слово (MSzFE II, 247). В моркинско-сернурском (Сернурский куст) и части йошкаролинского говоров встречается орнитоним *кожкугулудо* «серуха». Появление элемента *кож* может быть объяснено следующим образом. Весной, после прилета, самка и самец обычно держатся вместе. В стадии насиживания самец также держится недалеко от гнезда, даже «у кряквы пары соединяются на несколько лет и только на время линьки и воспитания птенцов разбиваются» (Птицы... 1977: 57). Отсюда можно заключить, что слово *кож* может иметь значение «пара». Похожее слово встречается и в родственных языках: коми *гоз* «пара» (КРС 162), удм. *куз* «тж». Восходит, видимо, к тюркским источникам: тат. kuš «двойной, парный, слитный», уйг. koš «пара» (СФУ, 1965, № 4, 270).

Лӧрка Г (МРС 297) «кряква». Название является звукоподражательным. В марийской народной песне поется: *ларт-ларт (ларк-ларк, лорк-лорк) лудыжо шинчыше вӱдым йӧрата, кигик-когок комбыжо йогышо вӱдым йӧрата* «Ларт-ларт (ларк-ларк, лорк-лорк) утка любит спокойную воду, кигик-когок гусь любит проточную воду».

ИЗИЛУДО «чирок». На территории Марийской АССР встречаются два вида этой утки: чирок-свистунок (Anas crecca L.) и чирок-трескунок (Anas querque-

dula L.). Чирки самые мелкие из уток, имеют наиболее острые и узкие крылья и соответственно этому быстрый полет. В названии *изилудо* отражен маленький размер по сравнению с другими видами уток: *изи* «маленькая»+*лудо* «утка». Компонент *изи* финно-угорского происхождения: коми *ичинь* «тетка со стороны матери; мачеха» (мар. *изивате*); удм. *ичимень* «жена младшего брата», *ичи* «мало»; эст. *üsa* «немного»; манс. *is'* «маленький» (КЭСК 110). Чирки имеют несколько названий: *аргек* Г «чирок» (МРС 33, Гордеев 1979 : 139, Азяково Й-Олин.), *орлудо* В (Васильев 1928 : 148), *арлудо* Л «чирок» (Олоры, Мари-Билямор, Мари-Купта Морк.— Серн.), *чирäкäй лудо* (Починок Кучук Елаб.), *тришка* (Петъял Волж.), *тришка лудо* (Упамаш Морк.—Серн.), *прэта* (Васильев 1928 : 26). Горномарийское *аргек* (*ар* «маленькая»+*гек*<*кек* «птица», под действием прогрессивной ассимиляции *к* после *р* озвончается), луговое *арлудо*, луговое и восточное *орлудо* содержат элемент *ар* (*ор*) со значением «маленькая». В луговом и восточном наречиях произошло расширение семантики орнитонима *арлудо* (*орлудо*) с обозначения чирка до номинации всех диких уток, что, видимо, связано с разведением и содержанием уток, так как виды, имеющие хозяйственное значение, более крупные, чем дикие. Отсюда все не домашние стали именоваться *арлудо*, т. е. маленькие утки. *Ар, ор* булгарского происхождения (Гордеев 1979 : 139, Исанбаев 1969 : 47), булг. *ар* при тат. *аз* «малый, незначительный».

Относительно начального *а* и *о* имеется несколько мнений. Горномарийскому *а* в луговом наречии соответствует звук *о*. Гомбоц в статье «Об истории венгерских *а* звуков» (NyK XXXIX, 249) пишет, что в горном и западном наречиях сохранился древний финно-угорский *а*, в луговом и восточном наречиях *о* развился из *а*. Рясянен же считает, что горное *а* возникло из *о*, относя время перехода к началу чувашского влияния (Räsänen 1920 : 79—80).

Основываясь на материал родственных языков, чувашских заимствований, русских заимствований в чувашском языке, Л. П. Грузов пришел к выводу, что гласный *о* лугового и восточного наречий следует признать вторичным, а горномарийский и северо-западный *а* — древнейшим. Горный *а* был унаследован из чувашского языка еще в тот период, когда в чувашском языке

не был завершен переход тюркского *а* в *о*, а в луговой и восточный слова были заимствованы в более поздний период, после перехода тюркского *а* в *о* (Грузов 1965 : 105). По этой причине мы имеем два варианта слова *ар (ор)* «маленький».

Орнитоним *чирäкäй лудо* своим первым компонентом восходит к русскому *чирок*, дополненный марийским уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ай*, оформленный по закону палатальной гармонии.

Тришка, тришка лудо — также русское заимствование, рус. *тиркушка*.

Прэта (Васильев 1928 : 26) звукоподражательно-описательного происхождения, каковым является и в эстонском языке: *pritt, prits* «чирок-свистунок» (Mäger 1967 : 30).

СОВЛАНЕР «широконоска» (Anas clypeata L.). Это сравнительно небольшая утка с короткой шеей, небольшой головой и крупным широким клювом. Сначала в глаза бросается клюв, похожий на ложку, поэтому в марийском названии сравнение клюва утки с ложкой: *совла* «ложка»+*нер* «клюв». Как в русском, так и во многих других языках номинация данной птицы связана с описанием клюва: нем. *groBschnabel* «большой клюв», венг. *kanalasrëce* «ложка утка», эст. *lusikanokk* «ложкоклюв». В родственных венгерском и эстонском языках, как и в марийском языке, сравнение клюва с ложкой.

Совла, савала Г «ложка» булгарское проникновение в марийском языке: чув. *сапала* «разливательная ложка» (РЧС 1971 : 323), тел. *шабала* «ложка», шор. *шабыла, шабала* (Радлов IV : 987), койб. *самалак* «ложка» (Там же: 433), тур. *саплак* «большая ложка» (Там же: 407). Это же слово имеется в коми и удмуртском языках: коми *шабала* «отвал у плуга, сохи», удм. *шабала* «тж.»

Нер восходит к лексическому слою уральского происхождения: морд. э. *неръ* «рыло», м. *нярь* «тж.»; удм., коми *ныр* «нос, клюв»; ненец. *neri* «первый» (Основы... 400, КЭСК 197).

ОШШИНЧА «нырок белоглазый» (Aythya nyroca Güld). На территории Марийской АССР редкая птица, на гнездовье отмечается южнее, в нашем крае залетная. Название получила за свои особенные глаза. *Ошшинча* сложный орнитоним, образован сложением двух слов: *ош* «белый»+*шинча* «глаза». *Ош* < *ошо* финно-угорского

происхождения: морд. *ашо,* коми *езыд* «белый», венг. *оос* «серый», как и *шинча*; фин. *silmä*, эст. *silm,* морд. э. *сельме,* м. *сельмя;* удм. *син, синь;* коми *син,* хант. *sem,* манс. *sam,* венг. *szem*, сам. ненец. *sew* (Основы... 400).

Другой особенностью этой утки является то, что она, почуяв опасность, сразу ныряет, а появляется в безопасном месте. Поэтому в некоторых местах именуют ее *шайалыды* Г (Кромка, Козиково), состоит из двух компонентов: *шайа* «ложная»+*лыды* «утка». *Шайа* Г, *шоя* Л чувашское заимствование, чув. *суя* «ложь, ложный» (РЧС 323), тел., ком. *сайак* «клевета, ябеда»; чаг. *сайак* «клеветнический, бесстыдный, бесполезный» (Радлов IV: 289).

Название *кайыра* «нырок» (МРС 171) чувашское слово в марийском языке: чув. *кайура (кай+ура* букв. задняя лапа) «крот, землеройка» (Федотов 1965 : 85). *Тукто* «нырок» (МРС 595) Б. А. Серебренников сравнивает с коми-зырянским *токты* и мансийским *тахт* «гагара» (Серебренников 1973 : 56). А Е. С. Гуляев (КЭСК 281) коми *токты* «гагара» связывает с марийским *токталудо* «гагара», имеются соответствия в ханты, манси и саамском языках (КЭСК 281). Итконен слово *токта* в финно-угорских языках считает ономатопоэтическим (Itkonen 1954 : 285).

ШУРКАШУЭ (МРС 738) «чернеть хохлатая» (Authya fuligula L.). Сложный орнитоним, образован словосложением: *шурка+шуэ* «вид дикой утки». Хохол чернети сравнивается с *шурка* «головным убором замужней женщины» (Васильев 1928 : 275). Это «высокий головной убор на твердой основе, с нашитыми на ней старинными серебряными монетами» (Козлова 1978 : 302). Образовано оно от *шур* «рог» при помощи финно-угорского суффикса *-ка.* Элемент *шур* восходит к лексике финно-угорского периода: фин. *sarvi*, эст. *sarv,* морд. э. *сюро,* м. *сюра*, удм. *сюр,* коми *сюр,* венг. *szarv* (Основы... 412), финно-угры заимствовали из иранских языков: авест. *srvaa* «рог, ноготь»; новоперс. *seru, surui* «рог», др.-иран. **s'arva* (Казанцев, Патрушев 1972 : 77). Соответствия *шуэ* в родственных языках: фин. *sotka,* морд. э. *сюлго,* м. *сюлга;* удм. *сюлы* «кряква» (вид утки), коми диал. *сюл, сюв* «гоголь»; хант. *saj* «гоголь». манс. *säl* «гоголь» (Основы... 415).

КОСО (КОС) «гоголь» (Bucephala clangula L.).

имеет финно-угорское происхождение: фин. *koskelo* «крохаль», эст. *koskel* «крохаль», коми *косысь* «серая утка», удм. *косыт* «бледный». В коми языке название дано по цвету, так как «оперение этого вида не характерно яркостью, как у других видов уток» (КЭСК 134). В варианте *кос* отмечается отпадение конечного гласного *о*.

КУГЫКОСО «крохаль». На территории Волго-Камского края встречаются два вида этой утки: длинноносый (Mergus serrator L.). и большой (Mergus merganser L.). В названии сравниваются по величине гоголь и крохаль, а так как крохаль больше, то и имеем орнитоним *кугыкосо* (*кугы*<*кугу* «большой»+*косо* «гоголь»).

Вӱржнер (МРС 87) и **шиштыкайык** В (Улы-Йыванай Балт., Бахтыбаево Бирс., Чишма Белеб.) относятся к длинноносой утке: *вӱрж* «шило»+*нер* «клюв», *шишты* «дятел»+*кайык* «птица».

ВАРАШ «ястреб» (Falko L.) в марийском языке служит для обозначения вообще соколообразных, четко не разграничивая на виды птиц этого семейства, что особенно характерно для современного состояния языка. Это название имеет прямые параллели и в других финно-угорских языках: коми *варыш* «ястреб, коршун», удм. *варыш* «ястреб», общеперм. *Variš, доперм. *varəš (КЭСК 47); венг. *varju (varjat)* «ворона», фин. *varis, varikse-;* эст. *vares*, кам. *bäri*, морд. э. *варака, варшей;* м. *варши* (MSzFE 1971 : 673).

Л. П. Грузов в орнитониме *варакш* (Карай, Мари Отар Волж.; Кугу Орша Й-Олин.), *варакш* СЗ (Иванов, Тужаров 1971 : 29) выделяет суффикс *-кш*, а в варианте *вараш* отмечает выпадение смычного согласного *к* (Грузов 1965 : 229). Т. Лехтисало и Б. А. Серебренников элемент *-ш (вара-ш)* рассматривают как суффикс (Lehtisalo 1936 : 226, Серебренников 1968 : 146).

В пограничном с марийскими селениями вятском говоре русского языка также наличествует орнитоним *вараш*. В. И. Лыткин считает его заимствованием из пермских языков (КЭСК 47). И. Г. Иванов же относит к марийскому заимствованию (Иванов 1969 : 106), что следует считать наиболее правильным. В пользу этого говорит и фонетическое оформление слова.

Данная лексическая единица, по мнению М. Мягера,

имеет звукоподражательное происхождение (Mäger 1967 : 151).

ПУРКЫТ (МРС 479) «беркут», *куткыж* Л, *кӱсӱган* В. Л (Aguila chrysaetos L.). В полевых условиях отличить беркута от других орлов нетрудно: крупная птица (около 2 м в размахе крыльев) однообразной бурой окраски. Название *пӱркыт* — татарское слово в марийском языке (Казанцев, Патрушев 1972 : 84, Исанбаев 1978 : 21), тат. *бөркет* «беркут, орел» (ТРС 1966 : 93). В тюркских языках производное, образованное аффиксом *-т* в значении носителя действия от учащательно-интенсивной формы с показателем *-ка/-кы* глагола бүр «хватать добычу когтями» (Севортян 1978 : 300).

Кӱсӱган тоже тюркского происхождения: кирг. *кӱшӱгӧн* «род коршуна» (Радлов II : 1512); бараб. *кӱчӱгӓн* «орел» (1499); к. кирг. *кӱчӱгӱт* «орел» (1495).

Куткыж (МРС 250, Васильев 1928 : 171, 91) употребляется в луговом и горномарийском наречиях, горн. *кучкыж* (Саваткова 1981 : 66). Соответствия в родственных языках: фин. *kotka,* эст. *kotkas,* лив. *kokkoi,* карел. сев. *kokko,* люд. *kotke* «орел»; коми *кутш* «орел», удм. *кутш* «птица, похожая на орла, но меньше размером», морд. *kut's'kan* «орел» (SKES II : 224). В орнитониме *куткыж* И. С. Галкин выделяет суффикс *-ыж,* не соглашаясь с Лехтисало, который возводит его к финно-угорскому **s*-овому суффиксу, и с Э. Беке, выводящему из *-ks.* Считает, что финно-угорский *-s* перешел в *-z* в волжско-пермское время, а затем в удмуртском и марийском *-z* дало *-z* (Галкин 1966 : 43).

Вариант *куткыж* является древнемарийским, а горное *кучкыж* — результат перехода *т* > *ч.*

ШАЛЕНГГЕ Л (МРС 691) «луговой ястреб», *шалангы* Г (МРС 690), *мардеж йӱшӧ вараш* (МРС 54) «сарыч», *мардеж вараш* Л, В (Корамас Волж., Лепешкино Бирс.). Прилетает сарыч в апреле, улетает в сентябре. Обитает в лесах, где много полян. Интересен способ его охоты: парит кругами в воздухе и выслеживает свою добычу, поэтому марийцы и назвали его *мардеж йӱшӧ вараш* «ястреб, пьющий ветер» и *мардеж вараш* «ветряной ястреб». Подобным способом образованный орнитоним имеется и в эстонском языке: *tuulekull (tuuli* «ветер»+*kull* «ястреб»).

Название *шаленге* генетически связано с удмуртским

шаланги «коршун» (Борисов 1932 : 336), чувашским *шаланка* «сарыч, коршун» (Егоров 1964 : 330). М. Р. Федотов считает, что в чувашском языке оно заимствовано из марийского языка (Федотов 1968: 208). В. Г. Егоров неопределенно заключает: «неизвестно, кто у кого заимствовал» (Егоров 1964 : 330). Финно-угорское происхождение данной лексемы подтверждают материалы И. С. Галкина, который выделяет мертвый суффикс *-нге* (первоначально было только *-ге*) (Галкин 1966 : 23). В чувашский язык оно могло быть заимствовано как из марийского, так и из удмуртского языков.

КУРНЫЖ Л (морк-серн., й-олин.), *курмыж* (Корамас, Липша, Карай Волж.; Калтаково Менз.), *курнуж* (Малм., Мишк., Балт., Бирс., Белеб.), *кугыварақш* (Мари Отар, Карай Волж.), *кугывараш* (Починок-Кучук Елаб.), *кӹршшӱнгыш* Г (Саваткова 1981 : 74) «коршун» (Milvus korschun Gmelin).

Курныж — слово звукоподражательного происхождения (SKES I, 135—136, Mäger 1967 : 152—153). Имеет соответствия во многих финно-угорских языках: фин. *kaarne* «ворон», коми *кырныш* «ворон», удм. *кырныж* «ворон», морд. э. *кренч* «ворон», м. *кранч* «ворон»; саам. *gārânâs* «ворон, ворона»; юрак. *harona, harna, harŋa* «ворон» (КЭСК 154). В этом названии И. С. Галкин и Б. А. Серебренников выделяют суффикс *-ыж* (Галкин 1966 : 43, Серебренников 1968 : 146), восходящий к финно-угорскому суффиксу **-s* отыменных имен существительных. Появление ауслаутной *-ж* в марийском *курныж* относится к явлениям более поздним. В варианте *курмыж* отмечается чередование переднеязычного апикального смычного сонанта *н* с губно-губным смычным носовым сонантом *м*. Такое чередование для марийского языка является характерным: *лондем* и *ломдем* «порог», *умдыла* и *ундыла* «клоп».

Орнитоним *кугывараш (кугывараки)* отмечает сравнительно с другими ястребами большой размер коршуна: *кугы* < *кугу* «большой» + *вараш* «ястреб».

Горномарийское *кӹршшӱнгыш* показывает, что компонентом пищи коршуна является и рыба: *кӹрш, кӹрыш* «ерш» + *шӱнгыш* < *чӱнгышӧ* «клюющий». Подбирает снулую и больную рыбу, очищая наши водоемы. Элемент *кырш* является финно-угорским (Основы... 404).

В данной статье рассмотрению подверглась лишь небольшая часть марийских названий птиц. Но и отсюда

ясно видно, что они как по происхождению, так и по способу образования весьма разнообразны.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. 1928, Словарь чувашского языка. Казань.

Борисов Т. К. 1932, Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск.

Васильев В. М. 1928, Марий мутер. Москва.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка, ч. I. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1960, Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Даль В. И. 1956, Толковый словарь живого великорусского языка. Москва.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Жизнь... 1970, Жизнь животных. Том V, птицы. Москва.

Иванов И. Г. 1969, Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края.— СФУ, № 2.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.

Карпенко Ю. А. 1981, Названия звездного неба. Москва.

Козлова К. П. 1978, Очерки этнической истории марийского народа. Москва.

Основы... 1974, Основы финно-угорского языкознания. Москва.

Птицы... 1977, Птицы Волжско-Камского края. Неворобьиные. Москва.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. II — 1899, IV — 1911. СПб.

Севортян Э. В. 1978, Этимологический словарь тюркских языков. Москва.

Серебренников Б. А. 1968, Об уральской лексике восточного ареала.— Этимология 1966. Москва.

Серебренников Б. А. 1973, К этимологии некоторых марийских слов.— В кн.: Вопросы марийского языкознания, вып. III. Йошкар-Ола.

Саваткова Л. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.

Федотов М. Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. ч. II. Чебоксары.

Itkonen E. 1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und den permischen Sprachen.— FUF, XXXI.

Mäger M. 1967, Eesti linnunimetused. Tallinn.

Paasonen M. 1912, Zur geschichte des finn.-ugr. S-lauten.— FUF, XII.

Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki. (MSFOu XLVIII).

Wichmann Y. 1906, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen aulautenden S- und C-laute im Tscheremissischen.— FUF, VI.

MSzFE — A magyar szókészlet finnugor elémei Etimológiai szótár. Budapest, I — 1967, II — 1971.

NyK — Nyelvtudományi Közlemények

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I (Y. H. Toivonen), Helsinki, 1955, II (Y. H. Toivonen, E. Jtkonen, Aulis, J. Joki). Helsinki, 1958.

В. И. Вершинин

ПРОЗВИЩА В ЕЛАБУЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Прозвища представляют интерес не только для лингвистов, но и для этнографов и историков, так как в них отражаются особенности языка, быта, культуры, психологии и сознания представителей той или иной социальной или этнографической группы. Но изучению марийских прозвищ пока еще не уделено достаточного внимания. Опубликованы лишь тезисы работы А. А. Саватковой «Имена и прозвища людей в горном наречии марийского языка» (Саваткова 1976 : 75).

Среди елабужских мари до недавнего времени были сравнительно широко распространены самые различные прозвища. Значительная часть из них — клички, иногда обидного характера, которые в подавляющем большинстве случаев употреблялись в среде подростков и детей. С переходом носителя такого прозвища в категорию взрослых оно чаще всего выходит из употребления, но иногда может и закрепиться за его носителем и даже передаваться по наследству от родителей к детям, превращаясь, таким образом, в семейно-родовое прозвище или неофициальную фамилию. В таких прозвищах нередко сохраняются старинные имена людей или даже слова, уже давно вышедшие из повседневного употребления. Например, в одних деревнях елабужских мари антропонимы *Мазет* (у детей часто *Мазит,* вероятно, по аналогии с русским словом мазать), *Чомпо́й, Кашáй, Мачй, Мустáй, Шектáй, Шикатáй* и др. являются (или же по крайней мере считаются большинством односельчан, исключая отдельных лиц преклонного возраста, помнящих, что они когда-то были личными именами) прозвищами (чаще всего неофициальными, или уличными, фамилиями, а иногда, особенно среди детей, и обидными кличками), в других деревнях они еще продолжают фигурировать как личные имена. Иногда прозвища могут быть объяснены только на материале других ма-

6. Заказ № 909.

рийских диалектов или даже других языков. Например, несколько прозвищ, звучащих как *Макмак,* имеются в разных деревнях елабужских мари, хотя прозвище Макмак не имеет вполне определенного лексического значения и воспринимается как неофициальная фамилия, оно по традиции произносится в какой-то мере насмешливо. А это позволяет предполагать, что Макмак могло быть нарицательным словом с определенным значением и возможно его соотнесение с горномарийским словом *мӧкмӧк* «недотепа». В фонетическом плане это не вызывает особого сомнения: ср. ЛВ *маска* «медведь» и Г *мӧска* «тж». Правда, чаще лугово-восточному *ӧ* соответствует горномарийское *а: ЛВ йӧраташ* «любить», *йӧраш* «годиться», *сӧрвалаш* «умолять, упрашивать», *сӧсна* «свинья» и горномарийские фонетические варианты *яраташ, яраш, сарвалаш, сасна* с теми же значениями. Но это показывает, что в диалектах марийского языка гласный *ӧ* может соответствовать гласному *а. Макмак* и *мӧкмӧк,* без сомнения, являются фонетическими вариантами одного слова и имеют одинаковое ономатопоэтическое происхождение, возможно, по звукоподражанию мычания теленка, ср. чув. *мак* «подражание короткому мычанию или блеянию». В эстонском языке имеется слово *mökitama* «мекать, блеять», которое можно сопоставить со словами *mökutama* «мямлить» и *mökutaja* «мямля». В елабужском говоре весьма распространены прозвища звукоподражательного характера типа *Выть-выть* «о крике перепелки», *Бакбак* «о крике утки», *Вызвыз* «о жужжании осы» и т. д. Это говорит о возможности появления прозвища *Макмак* как подражания мычанию теленка. Наличие в марийском литературном языке выражения *мык-мук лияш* «запнуться, осечься, не знать, что сказать» (у писателя М. Рыбакова также имеется персонаж Мик-мек с контекстным значением «ни рыба, ни мясо; ни то, ни сё») дает основание полагать, что марийский язык знал слово *макмак* со значением «недотепа».

Хотелось бы подчеркнуть, что в старинных прозвищах, имеющих характер неофициальных фамилий, могут сохраниться слова, которые могут безвозвратно исчезнуть из языка, и поэтому сбор материала по марийским прозвищам необходим и не может откладываться на многие годы. Точно так же в прозвищах могут сохраняться старинные имена, уже давно исчезнувшие из

марийского именника. Правда, возможны случаи, когда трудно решить, скрывается ли за прозвищем устаревшее личное имя или же слово, давно вышедшее из употребления в говоре. Например, прозвище *Коскар,* которое воспринимается как неофициальная фамилия *(Коскар Ольксн),* не имеет лексического значения, если не считать обозначения конкретного лица и некоторой эмоциональной окрашенности. Имеется русская фамилия Кашкаровы (тюркского происхождения), в башкирском языке имелось слово *кашкар* или *каскар* «волк» (Илимбетов 1973 : 89). Возникает вопрос: наличествовало ли когда-либо в говоре слово *коскар*<*каскар* (переход *о*<*а* для елабужского говора характерен в большей степени, чем для остальных лугово-восточных говоров, например, лит. *чарама́тырын* «голым по пояс» — елаб. *чарамото́рын* «тж», лит. *парема́ш* «выздоравливать, выздороветь» — елаб. *поремаш* «тж») вместо нынешнего *пире* «волк» или наряду с ним, или же это забытое имя, перешедшее в разряд прозвищ и воспринимаемое исключительно как прозвище? У мари в настоящее время нет личных имен, связанных с тотемистическим культом животных, как, например, у башкир или у удмуртов, где древнейший пласт имен связан с тотемистическими представлениями. Они, по всей вероятности, у мари не сохранились до нашего времени. К тому же, если у тюркских народов волк является символом хитрости, мужества и решительности (Илимбетов 1973 : 90), то у мари волк— символ жадности в еде. Поэтому мала вероятность того, что среди елабужских мари бытовало имя *Коскар,* скорее *коскар* было нарицательным словом, одним из табуистических названий волка. Правда, нельзя совершенно исключить заимствования башкирского личного имени Каскар, хотя в марийском именнике такое личное имя не встречается.

Среди множества прозвищ елабужских мари по их собственно антропонимическому значению можно выделить: 1) неофициальные, или уличные, фамилии; 2) лично-индивидуальные, это чаще всего обидные клички, указывающие на конкретные лица; 3) коллективно-территориальные — прозвища целых групп людей (обычно деревень). Надо отметить, что между первой и второй группами прозвищ невозможно провести четкую грань, так как неофициальные (семейные) фамилии-прозвища нередко закрепляются за конкретным лицом, или же

начинают относиться преимущественно к одному из группы близких родственников, а лично-индивидуальные прозвища могут легко начать относиться ко всей семье первого носителя этого прозвища. Неофициальные фамилии типа *Музей, Социал-Демократ, Кашай, Кыршай* обычно не имеют заметной эмоциональной окрашенности, передаются по наследству, по функции называния приближаются к отчествам и фамилиям. В обращении они не употребляются. Из этих трех групп лично-индивидуальные прозвища являются наименее долговечными, обычно по наследству не переходят, так как часто как-то характеризуют конкретное лицо или же являются именованием-заменителем (обычно у детей и подростков), в них может выражаться и дружески-шутливое, и неприязненное отношение окружающих. Коллективно-территориальные прозвища в речи активно не употребляются, но они сохраняются в памяти большой группы населения в несколько тысяч человек и, вероятно в них отражаются события в жизни населенных пунктов, жители которых являются коллективными носителями этих прозвищ. В коллективно-территориальных прозвищах могли отразиться недружественные отношения между общинами из-за спорных участков земли до Октябрьской революции.

Лексический состав прозвищ елабужских мари довольно-таки сложен. Одной из самых многочисленных групп прозвищ-кличек являются прозвища с использованием названий самых различных животных. Такие прозвища могут даваться безо всяких мотивов, но могут и метко характеризовать человека: *Каза* «коза» — обычно за подвижный, непоседливый характер, *Маска* «медведь» — крепкий, кряжистый; *Мераҥ* «заяц» — обычно не имеющий официального отца; *Мӧртага* «кузнечик, а буквально: ягодный, клубничный баран» — человек, готовый браться за дела, которые ему явно не по плечу или в которых он мало что смыслит; *Пире* «волк» — с волчьим аппетитом, жадный в еде; *Пӱчӧ* «лось» — за высокий рост; *Таркан* «таракан» — бесцеремонный, нахальный, часто лезущий в чужие дела; *Ӱшкыж* «бык» — молчун, но способный постоять за себя; *Шогертен* «сорока» — болтливый; *Чывзик* «трясогузка» — хвастливый и бойкий человек; *Кутко* «муравей» — маленький ростом, трудолюбивый. Такие прозвища имеются почти в каждой деревне елабужских мари, они, характеризуя

человека (т. е. являясь кличкой), могут иметь и функцию называния — являться неофициальными фамилиями (т. е. прозвища могут быть одновременно и кличками и неофициальными фамилиями), односельчане и жители соседних марийских деревень по этим прозвищам легко и быстро отличают их от других: *Пире Стапан, Таркан Олькси, Шогертен Вася, Пӱчӧ Лена,* а по фамилии и имени узнаются они обычно не сразу. Односельчане, прожившие много лет в дальних краях, часто не могут вспомнить ни имен, ни фамилий своих давних знакомых или соседей, пока на помощь не приводятся сочетания с прозвищем и именем.

Следует отметить, что прозвища елабужских мари редко носят оскорбительный характер. Даже прозвища типа *Кӱрка* «индюк», *Тага* «баран», *Сӧсна* «свинья» до недавнего времени не имели той эмоциональной окрашенности, как в русском языке. Нам кажется, в современном марийском языке эти слова получили свое переносное значение из русского языка. На это указывает и происхождение этих прозвищ: прозвище *Кӱрка* возникло из-за разведения индюков (индюки в хозяйствах елабужских мари были редкой домашней птицей, что могло служить отличительным признаком семьи), *Сӧсна* — имелось в нескольких деревнях, это прозвище присваивалось за заведование свинофермой, за уход за свиньями, лишь один раз за внешний вид (полнота) и голос (визгливый), но ни в одном из этих случаев прозвище не указывало на характер. А что касается слова *тага,* то, судя по поговорке «Шорык коклаште веле тага, тага коклаште пача» (Только среди овец — баран, среди баранов — ягненок), оно в марийском языке могло иметь переносное значение «самостоятельный, храбрый». С появлением новых переносных значений у слов *кӱрка, тага, сӧсна* под влиянием других языков употребление подобных неофициальных фамилий практически прекратилось из-за осуждения окружающих (исключая школьные обидные клички, причем для выражения неприязни чаще всего используются русские слова типа *индюк; баран*). В среде школьной молодежи прозвища-клички с использованием названий животных часто могут возникать и немотивированно, т. е. они не отражают ни черт характера, ни внешности его носителя. Например, *Агытан* «петух», *Когарше* «моль», *Казапаран* «козленок», *Комак* «крыса», *Комбо* «гусь», *Пардас* (Пардаш) «язь»,

Пачемыш «оса», *Пингвин* «пингвин», *Рывыжиге* «лисенок», *Чигыр* и *Тигр* (в первом варианте выражено ироническое отношение подростков к сверстнику, который совершил «тигровый» прыжок на своего товарища), *Корак* «ворона», *Пудй* «клещ», *Сӱслик, Пигол* «усач», *Пырыс* «кот, кошка», *(Пырыс Семон), Чыве* «курица» *(Чыве Бова), Шиште* «дятел» *(Шиште Геня), Попо* «лошадка в языке детей» *(Попо Павл), Шакал (Шакал Володя)* и т. д. Часто такие прозвища просто выдумываются детьми и подростками, иногда в отместку за выдуманное прозвище. Нередко выдуманная кличка закрепляется за самим подростком, выдумавшим ее. Бывают случаи, когда для подростка придумывается не один десяток прозвищ, прежде чем одно из них закрепится за ним. По-видимому, даже просто выдуманные прозвища не бывают совершенно произвольными: к подростку, пользующемуся уважением окружающих, вряд ли привьется прозвище *Умдыла* «клоп» или *Комак* «крыса». Попытки закрепить за кем-либо прозвища типа *Шорыкумдыла* «овцеклоп (или овца-клоп) обычно не могут увенчаться успехом из-за абсурдности понятия для носителей говора и громоздкости слова.

Небольшая часть прозвищ от названий животных обязана своим возникновением личному имени или фамилии: *Коляйге* «мышонок»<*Коля, Николай; Чывгенʼе, Чывигене* «цыпленок»<Евгений; *Ленкол* «линь-рыба»<*Лена, Елена; Козёл*<*Козлов; Баран*<*Баранов; Ишак*<*Ишимов* (случай нарочито ложной этимологии) и т. д.

Часть прозвищ образовалась из звукоподражательных слов: «выз-выз» — о жужжании осы *(Вызвыз Миша)*, «выть-выть» — о пении перепелки *(Вытьвыть Володя)*, «бак-бак» — звукоподражание крику утки *(Бакбак Люда)*, «чик-чирик» — о чириканье воробья *(Чикчирик Петя)*, «чйок» — о писке цыпленка или мышонка *(Чиок Илья)* и т. п. Все эти прозвища, в общем-то не характеризующие человека, обычно используются в речи детей и подростков, часто для маскировки имен своих товарищей. Иногда прозвища звукоподражательного характера могут и характеризовать каким-то образом его носителя, например: *Тыптып* (из «тып-тып» — о быстрой, слегка притопывающей походке), *Апчик (Апчик Лена)* — «о чихании, за частые простуды».

Небольшая лексико-семантическая группа прозвищ появилась путем использования названий растений:

Крен «хрен» (Крен Павл), *Лорек* (Лорек Миша, от «лорх» — название сорта картофеля), *Тамка* «табак; табачный» (Тамка Пашай, Тамка Миклай — за курение табака в раннем возрасте), *Пиште* «липа, липовый» (Пиште Миклай — его отец сочинил песню о липе с бортью, медом из которой можно завоевать симпатии девушек), *Сорняк, Понго* «гриб», *Йошкаролма* «красное яблоко», *Кéшыр* «морковка», *Памидóр* «помидор», *Паренге* «картошка».

Более значительна по количеству группа прозвищ (кличек и даже неофициальных фамилий) по названиям еды: *Кыстывй* «пирог с кашей», *Лапáш* «болтушка; тж жидкое месиво» (слово *лапаш* может быть и нарицательным, означающим «тот, кто болтает много и бестолково»), *Нéмыр* «мучная каша» — Немыр Валя (у елабужских мари имеется также выражение *реве немыр* «каша, пюре из тертой репы»—о неповоротливом, тяжеловесном человеке), *Нöнджйк* «тесто», *Пöрмеч* «шаньга», *Шишара* «домашний бублик», *Шокшылем* «горячий бульон», *Шоктáн* (Шоктáн Пéтыр)—от *шокта* (лит. *сокта*) «домашняя колбаса с кашей и с салом» по фамилии Колбасов, *Шӱраш* «крупа», *Пиве* «пиво (не домашнее)» — *Пйве* Ивай, *Пӱчымыш* «каша» — за невнятное бормотание во время разговора и т. д. Некоторые из таких прозвищ, как *Шишара, Шӱраш*, давно утеряли, а иногда и вовсе не имели характера обидной клички, *Шишара* (Шишарáй Иван) — прозвище получил из-за пристрастия к домашним бубликам, *Шӱраш* (Шӱрáш Миклай) — за обладание ручной мельницей-крупорушкой, которой пользовались все соседи. Такие прозвища служат только для различения их носителей среди множества носителей широко распространенных имен типа Иван, Миклай (Николай), Пет(ы)р и т. д.

Причинами возникновения прозвищ являются: 1) стремление создать более яркое, чем ничего не говорящие имена и фамилии, именование; 2) значительное однообразие личных имен и даже фамилий. Обычно лица, носящие необычные имена, редко получают прозвища; 3) прозвища (клички и неофициальные фамилии) выполняют функцию различения-узнавания намного эффективнее, чем официальные личные имена и фамилии.

В большинстве своем неофициальными фамилиями являются также прозвища, отражающие внешний вид

или особенности поведения их носителей. Обычно такие прозвища употребляются только в сочетании с личным именем: *Изе Вася, Изе Миклай, Изе Миша* (елаб. *изе* «маленький», обычно такое прозвище дается отличающимся малым ростом, реже оно указывает на младший возраст), *Куго Миша* (елаб. *куго* «большой; старший»), *Вияш Миклай* «Прямой, Стройный Миклай (Николай)», *Кужо Лена* «Длинная Лена», *Пӱшкыдо Васи́* «Мягкий Вася», *Мыжи́ Геня́* «Медлительный Гена», Веселый Вася «тж» (прозвище дано по контрасту — за угрюмый, необщительный характер), *Йӱшӧ Марджа* «Пьяница Мария», *Коя Петя* «Жирный Петя», *Мы́скынь Вӧдыр* «Достойный лучшей участи (Бедненький, Бедняжка) Федор» — из-за сварливой жены-притеснительницы, *Кӱдыр Лиза́* «Кудрявая Лиза», *Манеш Марджа* «Сплетница Мария, буквально: Говорят-Мария», *Кӱкшо Катри* «Сухая Катерина», *Но́чко Катри́* «Мокрая Катерина» (эти два последние прозвища имеют случайное происхождение), *Чӧкай Марджа* «Косноязычная Мария», *Чола́к Серге́й* «Увечный Сергей», *Пондаш Володя́* «Борода Володя», *Йошкарвӱй Андри* «Красноголовый Андрей». Лишь некоторые из них (обычно детские клички) употребляются без сочетания с личным именем: *Ше́мыч* «Чернец, черный», *Мочылайо́л* «Мочальные (т. е. слабенькие) ножки», *Тагынайыма́л* «Подкорытник» — за малый рост, *Пангá* «деревянный обрубок, катышек» — маленький (или по росту, или по возрасту), *Сузи́ге* «Салага» (буквально: Глухаренок») и т. п. *Менга*—мужское прозвище и *Менгай* (женское прозвище) — клички людей с родимым пятном на лице и т. п. Все эти прозвища (кроме Кукшо и Ночко Катри) прямо характеризуют человека.

Имеется небольшая группа прозвищ с использованием названий различных предметов: *Кӧршек* «горшок», (несколько прозвищ, один из носителей в старину делал горшки), *Муштук* «мундштук», *Каструль* «кастрюля», *Калай* «жесть, жестянка», *Коляса* «колесо», *Кындыктӱндӹк* «шкворень-дундук», *Кӹртньӹпӱ* «железный зуб», *Мешак* «мешок», *Тагына* «лоток для муки», *Томбра Ондри* «Балалайка Андрей» — прозван так за болтливость, *Тумыш Миклай* «Заплата Мик(о)лай»—по фамилии Заплаткин, *Чылым Миклай* «Трубка (Чилим, Чубук) Мик(о)лай». Это в основном (кроме последних трех) школьные клички.

Имеется только одно прозвище, образованное от топонимов,— *Кетэ́к* «название марийской деревни, вернее: группы деревень с центром Китяк» (Кетэк вел «Китякская сторона»), это прозвище в виде неофициальной фамилии неоднократно встречается во многих деревнях елабужских мари. Вероятно, сюда же можно отнести прозвище в форме *Ке́тык* (фонетически это оправдано, ср. лит. *э́ӈгыр* — елаб. *эӈэ́р* «удочка», *э́ӈгыж* «малина» в старинных песнях елабужских мари имеется фонетический вариант эӈе́ж), которое встречается два раза. Интересно отметить, что прозвищ (неофициальных фамилий) с использованием топонимов типа *Элнет, Йырсе, Варале, Вожай, Шия, Сармак* и других названий деревень елабужских мари нами не обнаружено. (Не считая Кетэ́к, Ке́тык, а также Ло́мыж «зола» (Ломыж Валерий) — по коллективному прозвищу жителей д. Ерыкса (Йырсе) и Купчо — Купчо Генька (Купчо, официальное название: Кузнецово, был русский хутор в Удмуртской АССР, жители разъехались). *Ломыж* и *Купчо* являются скорее кличками, чем неофициальными фамилиями, т. к. употребляются от случая к случаю, хотя *Ломыж* и указывает на происхождение из д. Ерыкса (Йырсе). То, что, несмотря на интенсивное перемешивание марийского населения смежной территории Татарии и Удмуртии в недавнем прошлом, имеются прозвища (неофициальные фамилии) топонимического характера только как Кетэ́к, Ке́тык, говорит о том, что, по-видимому, выходцы Китякской стороны считались елабужскими марийцами представителями другой этнографической группы.

Жители отдельных деревень имеют коллективно-территориальные прозвища, например, *Тамка̀гирка́* «табакерка» — так в свое время, по воспоминаниям старшего поколения, называли жителей д. Ильнеть (Элнет), которые, по преданию, первыми начали курить табак, *Маска́лак* «Медведи» — так иногда и сейчас называют жителей деревни Маскиял (официально — Мари-Гондырево, марийское *маска* и удмуртское *гондыр* означают «медведь», *Маскиял* < *Маска ял,* буквально: Медвежья деревня), *Кишвӱ́йлак* «Смоляные головы»—так когда-то называли жителей деревни Актазики (Памашэнгер), *Тӱгдешинча́лак* «Мелкоглазые» — прозывались жители д. Ижбобья (Починга). Интересно отметить, что жители марийских деревень, не имеющие прямыми соседями другие марийские деревни, обычно не имеют коллектив-

но-территориальных прозвищ. Представителей луговых мари елабужские мари нередко в шутку называют *«Шамычлак»* (в говоре суффикс множественности *-шамыч* не употребляется).

Имеется несколько прозвищ (неофициальных фамилий, т. е. употребляющихся обычно в сочетании с личным именем, и кличек, обычно без сочетания с личным именем) по названиям профессий: *Почтальон Галя, Апшат Семон, Печник* (от фамилии Печников), *Инженер, Аптекарь* и т. д. Прозвищами, заменителями имени являются наименования, возникшие по способу обратного образования или нарочитого искажения фамилии: *Соловей<Соловьева, Китай<Китаев, Балтай<Балтаев, Чорай<Чураев, Козел<Козлов, Росток<Ростов, Лавра<Лаврентьев.* Прозвище может образоваться и по сходству фамилии и личного имени с каким-либо словом, например: *Ростовчанка<Ростов Санька.* Но такие прозвища не имеют высокой частотности в употреблении.

Прозвища, образованные от этнонимов, обычно являются неофициальными фамилиями. Это *Китай* «китаец; китайский», *Монгол* «монгол, монгольский». *Япон* «японец, японский», *Сӱас* «татарин, татарский», *Сӱасвате* «татарка», *Узбек* «узбек, узбекский», *Чыган,* тж *Чиган, Цыган* «цыган, цыганский», *Нӗмыс* «немец, немецкий», *Македон* «македонец, македонский» и т. д. В подавляющем большинстве случаев такие прозвища образовались случайно: путешествие в чужие края, ошибка в разговоре, возникновение благодаря личному имени (Македон Александр<Александр Македонский) и т. д., лишь в единичных случаях имеется некоторая связь с характеристикой свойств и черт, приписываемых елабужскими марийцами носителям этих этнонимов. Но ни в одном случае (исключая неофициальную фамилию *Мари* «мариец, марийский», которая появилась из-за пожелания записаться под такой фамилией в начале 30-х гг. 20 века; эти лица отказались от своего намерения, но прозвище закрепилось за ними) прозвища из этнонимов не указывают на этническое происхождение. Таким образом, прозвища (точнее: неофициальные фамилии, которые вполне могли в определенный период развития общества стать официальными фамилиями), образованные от этнонимов, возникают вследствие множества причин, и не всегда этническое происхождение является главной причиной их появления.

В деревнях елабужских мари имеется значительная группа прозвищ, образовавшихся в результате искаженного или неправильного произношения различных слов будущими носителями этих прозвищ: *Апи́* (Апи Миклай) — из-за детского искажения слова *увыш* «шапка», *Баттин* (за искажённое произношение названия города Вятка, ныне Киров), *Котáй* — из-за искажения слова *кочай* «дедушка», *Кля* (искаж. Коля, Николай), *Межи́ге* (буквально «шерстяной детеныш», за случай употребления этого несуществующего слова вместо обычного в говоре *паран* «ягненок»), *Болло<Володя, Тулли<Толик, Целло<Сережа, Заяза* (Заяза Иван) по искажению русского слова *зараза, Пӱжӓр* — искаженное произношение слова *пужар* «настругу», *Аша* — прозвище человека, произносящего согласный *с* близко к *ш*. Большинство из таких прозвищ быстро выходит из употребления, и лишь некоторая часть из них превращается в неофициальные фамилии.

Среди елабужских мари получили также распространение прозвища (в основном среди детей и подростков), созданные, по всей вероятности, из нарочито непонятного, нередко бессмысленного сочетания звуков, но создающие некоторый эффект своим необычным звучанием: *Шабá, Чма, Вачукóн, Бальштú, Какú, Кокó, Койн, Мык, Наша́, Н'ӧтн'ӧр, Нюгыз, Ламбарджú, Сӱкрып, Тӱкрú, Тыпыш, Чича́, Чукú, Барбын'й* и т. д. Как нам кажется, большинство из них создано искусственно подростками для использования только в своей среде в качестве заменителей официальных личных имен. Но можно предполагать, что некоторая часть из них появилась путем сильного (часто преднамеренного) искажения личных имен, а иногда слов и прозвищ, например, *Вачукон<Вася, Бальшти<Валентина, Дюкрин<Юрий, Чыгычи*, по словам информатора, из *шӱгычшӧ (кет'д'ерым)* «лущащий (семечки)», *Чма<Чима<Тима*. Прозвища-клички могут создаваться и из необычного соединения двух слов, например, *Тӱмбрлӱ́* из *тӱмбр* «барабан; ботало» и *лу* «кость», это прозвище, по словам информатора, указывает на необычно крупнокостное телосложение его носителя.

Небольшая группа прозвищ (это в основном обидные клички) образовалась от реалий социального и политического характера: *Социал-Демократ, Активист, Спекулянт, Басмач, Бандит, Деникин, Колчак, Чомбо* (иска-

жен. от *Чомбе,* фамилии реакционного политического деятеля в Конго, ныне Заир). Все они являются временными кличками подростков (исключая прозвище Социал-Демократ, которое возникло очень давно и передавалось от отца к сыну и стало таким образом неофициальной фамилией.

В прозвищах елабужских мари используется не только марийская лексика, но также слова и словосочетания из языков других народов, например: *Курикпуз*— удм. *курег пуз* «куриное яйцо», *Тагырмач* (Ваня) <тат. *тәгәрмәч* «колесо», *Каймак* (Виктыр) <тат. *каймак* «сливки из топленого молока», *Чӧмыз* <тат. *чүмеч* «ковш, чумичка» — кличка возникла из-за кражи ковшика в татарской деревне; особенно много слов из русского языка: *Байбак, Бармалей* (носитель клички чуть не утонул), *Барсук, Гусак, Закон* (за любовь к точному исполнению законов), *Беспалый, Индюк, Козел* (отфамильное прозвище), *Кузнечик, Кухарик* (в значении: домосед, возм., от русск. обл. *кухарь* «повар»), *Отец, Пупок, Лесник* (т. к. заблудился и долго плутал в лесу), *Мельник, Сизый Нос, Сын, Цыган, Цыганочка, Снегурочка, Чебурашка* и т. п. Через русский язык (русскую литературу, радио, кино, телевидение) входят слова и имена персонажей в качестве прозвищ: *Бывалый, Моргунов, Плюшкин, Гаврош* и т. д. Например, прозвище *Попик* в одном классе возникло при чтении «Разгрома» А. А. Фадеева. Это наглядно свидетельствует и том, что русская речь у елабужских мари, особенно у молодежи, становится все более активным средством общения.

Наиболее распространенными прозвищами (чаще: неофициальными фамилиями, хотя между неофициальными фамилиями и кличками нет четкой и постоянной грани, т. к. неофициальные фамилии нередко используются, обычно детьми и подростками, для выражения антипатии к их носителям, а клички, потерявшие эмоциональную выразительность, т. е. когда в них перестает ощущаться связь с исходным нарицательным смыслом слова, могут превращаться в неофициальные фамилии) являются вышедшие из активного употребления старинные имена, которые обычно кажутся молодому поколению неблагозвучными. Да и представителям старшего поколения новые, современные личные имена кажутся более красивыми. Старинные имена елабужских мари,

выпавшие из именника и попавшие в число прозвищ, можно распознать по следующим признакам: 1) По фонетическому облику, напоминающему личные имена, еще бытующие в других более отдаленных марийских деревнях или же говорах марийского языка, а также по антропоформанту *-ай*, часто встречающемуся в марийском именнике, который у елабужских мари иногда может звучать как *-ой* (например, *Чапай* и *Чопой*, слово *авай* «мама» в обращении нередко звучит как *awой*), а в подговорах, где имеется гласный *ӓ*, и как *-ӓй*. 2) По высказываниям представителей старшего поколения, считающих, что то или иное старинное личное имя неправильно используется молодыми как прозвище. 3) По частоте повторения прозвищ, не имеющих лексического значения, в деревнях, значительно удаленных друг от друга. 4) По фонетическим вариантам таких прозвищ, встречающихся в нескольких деревнях в двух-трех и более вариантах, например: *Шектай, Шекытай, Шикатай, Шöктай.*

Ниже дается список прозвищ, имеющих характер неофициальных (уличных) фамилий, происхождение которых идет, по нашему мнению, от старинных личных имен. В скобках указаны названия деревень, где они бытуют, деревни Мари-Возжай, Мари-Гондырево, Мари-Сарамак даны как Возжай, Гондырево, Сарамак, Старый Куклюк — как Куклюк.

Абзай (Гондырево), *Авзай* (Актазики), *Айти* (Актазики), *Ӓкай* (Куклюк), *Акпаши* (Актазики), *Амача* (Ильнеть, Карманково), *Анди* < *Андрей* (Актазики), *Аптраш* и *Аптри* (Актазики), *Атай* (Ерыкса), *Атыл'и* (Ерыкса), *Багави* (Возжай), *Вес'и* (возм., от Василий; Сарамак), *Ибрай* (Сарамак), *Изи* (Гондырево. В говоре *Изи* «женское имя», в отличие от слова *изе* «маленький, меньший, младший», очень часто используемого как прозвище-определитель), *Йивика* (Сарамак), *Йокой* (Ерыкса), *Йупай* (Ижбобья), *Йываш* < *Ивашка* < *Иван* (Ерыкса). (Следует отметить, что звук *й* в анлауте представителями елабужских мари очень часто произносится как ж, дж или д'). *Каври* < *Гавриил* (Актазики, Ерыкса), *Кайви* (Ерыкса), *Кайвуш* (Ерыкса, Актазики), *Кал'ин* < *Калина,* в нарицательном значении «недоросток» (Гондырево), *Каника* (Ерыкса), *Кӓмӓли* (Куклюк), *Качи* < *Кати, Катя* (Ерыкса), *Кашай* (Ильнеть), *Кивур* (Ерыкса), *Кырак* (со слов информатора, прозв-

вище по личному имени деда; Карманково), *Комике* (Черкас), *Конди́* (Куклюк, Самарак), *Кӧсте́й*<*Костя* (Гондырево), *Кӧсти*<*Костя* (Возжай), *Куки́* (Возжай), *Кӱбӹрджин* (Гондырево), *Кӹвзи́* (Ерыкса), *Кыршай́* (Возжай), *Левсе́й*<*Алексей* (Гондырево), *Лепсе́й*<*Алексей* (Варали), *Луки́*<*Лука* (Ерыкса), *Мазе́т* (Ильнеть), *Макма́й* (Актазики), *Манди́* (Карманково, Актазики), Марджи, Марджа (часто нарицат.: «легкомысленная, глуповатая женщина»<*Марья;* Ижбобья, Карманково, Гондырево), *Мачи*<*Мати*<*Матвей* (Ерыкса), *Мачу́ш*<*Матвей* (Ильнеть), *Мена́й* (Ижбобья), *Мерон*<*Мирон* (Ерыкса), *Мети́*<*Дмитрий* (Сарамак), *Мирон* (Ерыкса), *Мичук*<*Дмитрий* (Карманково), *Мрат*<*Мурат* (Ильнеть), *Мтай*<*Митяй, Дмитрий,* (Варали), *Музапа́р* (Возжай), *Музи́* (Куклюк), *Мура́ш* (Возжай), *Мустай* (Возжай), *Мучук* (Возжай), *Мыжа́й* (Ильнеть), *Мырзан* и *Мырзанай* (Возжай), *Мыти́* (Куклюк), *Нямат* (Актазики), *Окча́й* (Актазики), Ондырджан (нариц. «обещалка»<*Андриян* (Ерыкса, Ильнеть), *Он'ос*<*Анисим* (Куклюк), *Опанас*<*Афанасий* (Ерыкса), *Опоч* (Варали), *Орай* (Сарамак), *Осоп*<*Иосиф* или *Юсуп* (Ерыкса), *Очи* (Ерыкса), *Сама́р* (Возжай), *Сапрай* (Возжай, Ерыкса, Ильнеть), *Седор*<*Сидор* (Актазики), *Ӧчӓй*<*Александр* (Куклюк), *Павлюк* (Ерыкса), *Паиз* (Черкас), *Паляй* (Ижбобья), *Пангроль*, возм., от *Панкрат* (Карманково), *Пангрок* (тж; Актазики), *Папо́й* (Возжай), *Парпе́ш*<*Парфеша* (Гондырево), *Патэт* (Куклюк)<*Фатих, Пахри́* (Куклюк), *Пеки́* (Ерыкса), *Печи́*<*Пети*<*Петя* (Сарамак), *Пика́й* (Ерыкса), *Пли*<*Филипп* (Ерыкса, Ижбобья, Ильнеть), *Помай* (Ильнеть), *Пӧди*<*Пети*<*Петя* (Ерыкса), *Пӧтай*<*Петяй*, нариц. тж. «враль» (Ерыкса, Ильнеть), *Пӧти*<*Пети*<*Петя* (Сарамак), *Пӧтнай* тж. нариц. «враль, любящий приврать» (Актазики), *Прача́й* (Ерыкса), *Пркоп*<*Прокофий* (Актазики), *Таки* (Варали), *Тамба́й* (Ерыкса, Актазики), *Татипо́н* (Актазики), *Тектере́к* (Ерыкса), *Темра́й* (Возжай), *Темырса́н* (Сарамак), *Токи́* (Возжай), *Токма́ш* (Черкас), *Токмырза́* (Актазики), *Тӧндрет* (Ижбобья), *Тӧска́н* (Куклюк), *Трамба́й* (Актазики), *Чака́* (Возжай), *Чапа́й*<*Стяпан* (Актазики), *Чеке́й* (Ерыкса), *Чеко́т* (Ерыкса), *Чемо́й* Карманково; а в д. Варали это нариц. слово: «неряшливая женщина»), *Чиапа́й* (Куклюк), *Чомпой*<*Тимофей* (Возжай, Гондырево), *Чопой* (Актазики), *Чӧкай* (Акта-

зики, Ерыкса, Ижбобья, Ильнеть; во всем говоре тж. означает «немой, косноязычный»), *Чуки* (Актазики), *Чыма, Чма* (возм., от Тима; Ижбобья, Ильнеть), *Чымёк* (Починок-Кучук, например, Чымек насыл «род Чымеков»), *Чыми* (Каргали), *Чымырй* (Гондырево), *Шангрой* возм.<*Шамрай* (Актазики, Карманково), *Шарапи* (Варали), *Шектай, Шекытай* (Актазики, Возжай), *Шикатай* (Ильнеть), *Шöктай* (Актазики), *Шумат* (Гондырево), *Шуматай* (Ижбобья), *Шурбай, Шурмет* (Актазики), *Шуркá*<*Шура,* чаще всего употребляется в нариц. значении: «безалаберная, легкомысленная женщина» в деревнях Актазики, Варали, Возжай, Ерыкса, Карманково), *Шымай* (Гондырево), *Эмзай* (Возжай), *Эндей*<*Андрей* (Гондырево), *Эшман* (Ильнеть), *Эшым*<*Ншим* (Сарамак), *Якынай* (Гондырево), *Ялпай* (Карманково).

Как видно из примеров, в качестве прозвищ (чаще всего: неофициальных фамилий, реже: обидных кличек) используются, за редким исключением, только мужские имена. Это объясняется тем, что в качестве уличных, или неофициальных, фамилий, использовались исключительно мужские личные имена (имя отца, деда, прадеда и даже более далекого предка). Если даже у человека не было официального отца, то в этом случае нередко употреблялось личное имя предполагаемого отца, а иногда слово *меран* «заяц». В случаях, когда в качестве прозвища использовалось женское личное имя, можно предположить, что это перешло сначала в рязряд нарицательных слов, а затем снова перешло в разряд собственных имен, т. е. в прозвище. Например, *мардж'á* «бестолковая и легкомысленная женщина вообще» или *шуркá* «неумная, безалаберная женщина вообще» могли стать неофициальными фамилиями каких-либо конкретных нечистоплотных и легкомысленных женщин (Марджа или Шурка).

Следует отметить, что прозвища, произошедшие от мужских личных имен, могут относиться не только к лицам мужского, но и женского пола; например: *Атай* (Люда), *Луки* (Люба), *Окчай* (Галя), *Опанай* (Насти), *Тимбай* (Тамара), *Пашай* (Клава), *Чекей* (Тамара), *Чомпой* (Нäсти), *Эндей* (Настачи). Все они являются неофициальными фамилиями от личных мужских имен, выпавшими из современного именника елабужских мари. Прозвище-кличка на основе мужского имени для лица

женского пола может образоваться путем нарочитого искажения женского личного имени: *Вася* < *Васса*. Мужское имя в качестве прозвища может перейти в разряд нарицательных слов, характеризующих женщину, например, *Чемой* (Чемой Япык) в д. Карманково является неофициальной фамилией (вероятно, от мужского имени Тима, Тимофей), а в д. Варали, в 16 км от д. Карманково, это уже нарицательное слово, означающее «неряшливая женщина».

В приведенном списке отыменных прозвищ имеются прозвища, напоминающие женские личные имена, например, *Кайви, Изук, Ачи,* но они вполне могут быть и мужскими именами или их искажениями, их фонетическими вариантами. Женских, судя по фонетическому облику, вышедших из активного употребления личных имен, используемых в качестве прозвищ, буквально единицы (все они неясного характера): *Йивика, Комике, Каника.*

Нельзя не отметить, что не только прозвища, но и личные имена в елабужском говоре вплоть до настоящего времени часто могли иметь некоторую эмоциональную окраску и оценочный элемент. Дело в том, что многочисленные варианты одного и того же личного имени представителями говора воспринимались, в некоторой мере воспринимаются и сейчас, как разные, пусть сходные по звучанию, личные имена. Например, все варианты официального личного имени *Василий: Василй́, Васлй́, Вайсй́, Васй́, Васькá, Васю́к, Вайсá, Вачй́, Вачáй, Вачу́к* — в сознании елабужских мари, мало общавшихся с русским населением, были разными личными именами, причем некоторые из них в какой-то мере ощущались сниженными или неблагозвучными именами (Васькá, Васю́к). Варианты *Пети, Пётай, Пётнай, Петыр, Петрай, Петруш, Петруша, Петю, Петя, Петька, Петро* относятся к одному официальному личному имени *Петр,* но соседи (односельчане и жители соседних марийских деревень), знающие их носителей, никогда не спутают Пети с Пёти, Петруш с Петрушá и т. д. Петрушан Петрай и Пети Петыр одинаково означают «Петра (сын) Петр», т. е. Петр Петрович, но это только официально, для коренных представителей говора это разные имена с разными неофициальными фамилиями. А варианты от имени Петр (кстати, имевшего прозвищное происхождение) Пётай, Пётнай, Пёти

в говоре могли быть не только личными именами и прозвищами-неофициальными фамилиями, но и нарицательными словами со значением «враль, любящий приврать».

Среди мари елабужского говора неофициальные фамилии (они очень часто являются отчествами) и употребляемые вместе с ними (точнее: после них) личные имена представляют собой многочисленные варианты наиболее распространенных русских имен. Например: **Павел** — *Павыл, Павлюк, Павл, Пашай, Пал, Павлуш;* **Александр** — *Саня, Санька, Сандыр, Альыксандыр, Очан, Очандр, Очи, Шурик;* **Семен** — *Семэн, Семон, Семенга, Сомка, С'омка, Семей, Сеня, Сенька;* **Степан** — *Стапан, Степан, Стьопан, Стапи, Чапай, Чапой, Чапи, Чопи, Чопой;* **Иван** — *Йыван, Йывай, Иван, Ванька, Ванюш, Ванюшка;* **Елена** — *Лена, Ленка, Ленька, Елей, Ольона, Ленук;* **Ольга** — *Ольга, Оля, Олюш.* Как видно из примеров, женские имена имеют меньшее количество вариантов. Это объясняется тем, что женские личные имена у елабужских мари применялись в основном только при обращении, а в функции различения очень часто применялось сочетание типа «того-то жена», например, *Йыван вате* «Йывана жена». А что касается происхождения вариантов этих распространенных русских имен, то в большинстве случаев они были заимствованы непосредственно из русского языка, правда в несколько измененном виде, а часть вариантов образовалась на почве языка говора: *Пал, Пётнай, Чапай, Елей.* Варианты имен, заимствованные в более поздний период, подверглись меньшему фонетическому изменению.

С ростом влияния русского языка началось размывание четких различий между фонетическими вариантами личных имен елабужских мари, которые по своей функции до самого последнего времени были личными именами, а не диминитивами или другими формами имен. В неофициальных фамилиях это различие сохраняется в большей степени. Например, при вежливом обращении Пли Йыван и Пилькан Ванька уже произносятся одинаково: Иван Филиппович, но в остальных случаях Пли Йыван и Пилькан Ванька все еще сохраняют различие в функции называния. А что касается оценочного элемента, уменьшительно-пренебрежительный смысл личных имен в форме (в вариантах) Ванька, Борька, Коль-

ка, Юрка и т. д. уже фиксируется в сознании носителей елабужского говора, которые, характеризуя какого-либо человека, могут сказать: *Сай, ушан адеме лиэш гын, шонгеммешкыже Ванька огыт ман ил'е тудым* «Если бы был хорошим, умным человеком, не называли бы его до самой старости Ванькой». Но до начала активного влияния русского языка на елабужский говор фонетические варианты русских личных имен не имели того оценочного элемента, что в русском языке (т. е. уменьшительно-пренебрежительный характер вариантов русских имен ощущался слабо и только в редких случаях), так как по своей функции являлись личными именами.

Личные имена марийского и тюркского происхождения обычно не имели фонетических вариантов.

Списки прозвищ являются удобным материалом для изучения фонетических процессов в говоре (например, только среди прозвищ нашелся фонетический вариант к обычному *Шемéч — Шéмыч*), в прозвищах могут сохраниться некоторые исчезнувшие топонимы: *Кӱпчо, Кéтык*. В некоторых прозвищах временного характера выявляются слова и выражения, уже не встречающиеся в обиходе: *авзи, анти* «непослушный», *аяр мужо, каткан* «скаредный», *копток, кӧтарчык «хвастун»* в детск. языке, *трес* (обычно в сочетании: *лентяй трес*), *пӧшан* «обжора», *пислáнге, пызлáнге* «трусишка; крайне нерешительный и бестолковый», *пошкет* (в выражении: *шыде пошкет*) «злюка, зловредный», дӱнджӓ шояк «готовый всех обмануть», *моча пӓри, моча пальтак* «дух бани». Большинство из этих слов неизвестно среднему и младшему поколению, точное значение некоторых из этих слов не известно даже старшему поколению, поэтому они редко закрепляются как прозвища (исключения: *Пӧшан, Моча Пӓри*), но иногда служат для выражения неприязни или, реже, шутливой доброжелательности

ЛИТЕРАТУРА

Алдарова Н. Б. 1976. О зооморфных антропонимах в монгольских языках.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск.

Архипов Г. А. 1973. Прозвища жителей деревни Средние Юри.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа.

Белицер Б. И. 1976. Антропонимы в песенном творчестве народа коми.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Бражникова Н. Н. 1976. Русские бытовые имена в Свияжской писцовой книге 1565—1567 гг.— Там же.

Ванюшечкин В. Т. 1971, Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Веселовский С. Б. 1974, Ономастикон. М.

Визгалов П. И. 1971, Соответствие прозвища объекту.— В В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Визгалов П. И. 1973, Синонимия и вариантность прозвищ.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Гордеев Ф. И. 1980, Этимологии марийских антропонимов.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола.

Данилина Е. Ф. 1976, К составлению русского антропонимического атласа.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Илимбетов Ф. Ф. 1973, Личные имена как источник при изучении древних верований башкир.—В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Исаева Т. А. 1973, Морфемные типы и география неофициальных фамилий в Горьковской области.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Кавтаськин Л. С. 1976, Языческие и христианские имена в мордовской народной поэзии— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Кельмаков В. К. 1973, Три этапа в истории удмуртской антропонимии.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Кельмаков В. К. 1976, Форманты тюркского происхождения в личных именах удмуртов.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Мокшин Н. Ф 1973, Происхождение фамилий у мордвы.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3

Никонов В. А. 1976, География фамилий Поволжья.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Саваткова А. А. 1976, Имена и прозвища людей в горном наречии марийского языка.— В кн.: Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы за 1971—1976 гг. Йошкар-Ола.

Сидоршина А. И. 1976, Прозвища и бытовые имена в речи молодежи.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Симина Г. Я. 1973, История отчеств.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Субаева Р. Х. 1973, Особенности бытования календарных русских имен у татар-кряшен.— Там же.

Суперанская А. В. 1969, Структура имени собственного. М.

Суперанская А. В. 1973, Общая теория имени собственного. М.

Тепляшина Т. И. 1971, Бесермянские семейно-родовые имена.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2.

Тепляшина Т. И. 1971, Удмуртские личные имена, связанные с этнонимами.— В кн.: Этнография имен. М.

Федянович Т. П. 1973, Неофициальные фамилии и прозвища мордвы.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3.

Черных С. Я. 1978, Марий калыкын ер лумжо-влак.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.

Черных С. Я. 1978, Шернур кундемысе вер-шӧр-влакын лӱмышт.— Там же.

Черных С. Я. 1980. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами (этноантропонимы).— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Шайхулов А. Г. 1976, Семантика личных прозвищ в татарских диалектах.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Шварцкопф Б. С. 1976, О социальных и эстетических оценках личных имен.— В кн.: Ономастика и норма. М.

Ширманкина Р. С. 1976, Неофициальные наименования у мордвы.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4.

Шубаева Б. К. 1971, Казахские прозвища.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2.

МДЭ 80 № 198 (Фонд МарНИИ).

МДЭ 81 № 223 (Фонд МарНИИ).

Ф. И. Гордеев

ЭТИМОЛОГИИ МАРИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ*

Публикуемая часть этимологий марийских собственных имен заканчивает букву А. В основе многих географических названий мари лежат имена основателей селений или других географических объектов, так или иначе связанных с личными именами людей. Поэтому мы не ограничивались лишь произвольным отбором антропонимов, а стремились охватить всю марийскую антропонимическую лексику, независимо от границ и степени распространения их в диалектах марийского языка, а также частотности их употребления. Ибо в собственных именах, как и вообще в словарном составе языка, отражается многовековая история, культура его создателя, многогранные связи марийского народа со своими близкими в территориальном отношении современными соседями и с ушедшими в историю исчезнувшими племенами.

В процессе работы использован не только личный фонд автора, собранный в полевых условиях во время диалектологических экспедиций кафедры марийского языка и литературы Марийского госпединститута им. Н. К. Крупской в разные районы республики и областей нашей страны с марийским населением, но и богатый фольклорный, диалектологический, этнографический материал, систематизированный ономастической группой Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории под руководством ее руководителя профессора И. С. Галкина. Большую помощь в сборе ономастики оказывали и продолжают оказывать учителя-мароведы школ Марийской, Башкирской, Удмуртской, Татарской АССР, а также студенты русско-марийского отделения Марпединститута им. Н. К. Крупской, которым автор выражает сердечную благодарность.

* Начало см.: Гордеев Ф. И. Этимологии марийских антропонимов.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1980. Выпуск 2, с. 79—143.

Учтены и публикации предшествующих и современных историков, краеведов.

427. Алипä В (дд. Айгильд., Акуди, Баймурз., Бикшик., Н.-Кульчуб., Турбек., Чишма), *Ялипа* В (дд. Бекмурз. Ишим., Кайрак., Памаш), *Алипа* 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в Казан. у.: Износков А. И.— РФ НБ КУ, № 1406, л. I), В (дд. Бабаево, Баймурз., Ст. Акбулат.), Л (дд. Ильпанур, Олоры, Пикурык) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Алифä* (<араб.: СЛИН 1979: 101; Гаф. А. ЛК 165) — назв. первой буквы арабского алфавита+показатель ж.р.-*а*.

428. Алис I В (дд. Иж-Бобья, Н.-Васьк., Рефанды), *Алисä* Г (с. Еласы, д. Зап. Пертнуры), *Алиса* Г (д. Кожважка) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Алиса* (СРЛИ 1966 : 243) — ласкат. вариант ж.и. *Александра*.

429. Алис II В (дд. М.-Сухояз., Шелкан.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Халис* (СЛИН 1979 : 145<араб. Гаф. А. ЛК 235), букв. «чистый, без примеси».

Алиса, Ялисä — ж.и., см. Алис I.

430. Алистар Л (дд. Кузнецы, Кукморь Сов.), Г (д. Шактенважы), *Алистрат* Л (с. Исменцы) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Калистрат* (разг. *Листрат, Калистар*) — м.и., в свою очередь восходит к греч. источнику (СРЛИ 1966 : 128).

431. Алия В (дд. Ст.-Ямурз., Т.-Елга) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Альфия* (СЛИН 1979 : 152) — ж.и.

432. Ялиян *(Ялийан)* В (д. Ст.-Ямурз.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Али* (<араб.: Гаф. А. ЛК 163)+ *жьан* «душа, дух».

433. Алкан В (д. Н.-Васьк.) — м.и. Тот же антропоним сохранился в составе гидронима *Алканга* [в русском оформлении с суф. *-г(а)*] около д. Арбажка в Кундыжск. в. Яран. у. Вят. губ. (МФЭ МарНИИ — 1966, тетр. № 32, л. 120), ойконима *Алканка* в Кикнурск. в Вят. губ. Согласно тополегенде, д. Алканка СЗ основана пришельцами из Малошалайск. в. Яран. у. Вят. губ. в 1846 г. (Там же: 114). Соответственно и ф. *Алканов* Л (д. В.-Азъял Волж.) Заимств. из тат. яз.: *Алихан* — м.и., широко распространенное среди тюркоязычных народов, представляет контаминацию *Али* и *Хан*. Последний композит выступает в составе имен сказочных героев: *Ак-кан* — злейший враг одного из героев в алтайских сказках (Валитова А. А.— 1960 : 206).

434. Алкарем В (д. Н.-Кульчуб.) — м.и. Заимств

из тат. яз.: *Али+Кәрим* (СЛИН 1979 : 137) — м.и., оба компонента которого восходят к арабскому источнику — букв. «возвышенно благородный, возвышенно великодушный».

435. Алкен В (д. Н.-Васьк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Али+Гинят* (<араб.: Гаф. А. ЛК 177)—м.и.

436. Алкеч (Ялкайн 1959 : 185), В (дд. Елыш., Ишим., М.-Сухояз., Нововаськ., Н.-Сорок., Староарзамат., Усак. Бир., Чишма) — м.и., Алкечев В 1891 г. (д. Н.-Пукшинеры Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1702, л. 9)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Алп*— м.и.+*кеч* «?» (не от *кичә* «вчера») или отглагольное имя сущ. от *бирү* «брать», образованное с помощью суф. *-кеч*, ср. *белгеч* «специалист» от *белү* «знать».

437. Алки В (дд. М.-Сухояз., Н.-Кульчуб., Ст.-Васьк), *Алкий* В 1883 г. (Ерусл. II. ЧРС 9) (дд. Бахтыб., Бикмурз., Бирюбаш., М.-Ярмино, Староарзамат.).— м.и. и соответственно ф. *Алкиев*. Сохранился и в составе микротопонимов *Алки ото* Л. (д. Кожлаер: мар. *ото* «роща»), *Алкий шүдымө корем* В (д. Бекмурз. Бир.: *корем* «овраг», *шүдымө* «расчищенный живой лес; чащоба, вырубленный участок в лесу»)—назв. мольбищ. *Алкия* В (д. Кайрак.) — гидроним. Заимств. из тат. яз.: *Алки*— в составе ойконимов: тат. *Алкино*—ряд селений в Алметьевск., Бугульминск., Мамадышск. рр. ТАССР (ТАССР АТД 252). Образовано от *Али* — м.и. с помощью уменьш.— ласкат. суф. *-кай (-кәй)* и вокативн. форманта *-ий*.

Менее подходит для этимологизации русск. *Алкивиад* (<греч.: СРЛИ 1966 : 45).

438. Алкима В (дд. Бирюбаш, Н.-Кульчуб., Н.- и Ст.-Васьк., Ст.-Акбулат.), *Алкима* В (д. Ишим.), *Алкимә* В (д. Н.-Кульчуб.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Али+Камилә* (СТЛИ 1973 : 72) — ж.и., если в начале рассматриваемого антропонима не представлено тат. *ал* «алый, розовый, румяный».

439. Алкой В (д. Ст.-Акбулат.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: ал«?» («румяный; алый, розовый» или *Али*— м.и.<араб. «возвышенный») + *көй* «мотив, мелодия, напев».

440. Алла — широко распространенное среди мари ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Алла* (СРЛИ 1966 : 45) — ж.и.

441. Аллаяр В (Баймурз. Октябрьск. р. Пермск.

обл.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *алла* «бог, господь, всевышний»+*яр* «возлюбленный, милый, любимый». Ср. *Алияр* (Гаф. А. ЛК 164)—м.и., восходит к арабск источнику, букв. «друг всевышнего».

442. Алмазов В (д. Быргында) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Алмаз: Ерофей Иванович Алмаз,* 1653 г., Вологда (Вес. С. Б. Он. 12) — м. и. К тому же следует возводить и тат. м. антропоним *Алмаз* (СЛИН 1979: 130).

443. Алмай В (д. Ст.-Ямурз. Балт.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *алма* «яблоко»+вокативн. суф. *-и(й).*

444. Алмалче В (дд. Н.-Кульчуб., Ст.-Васьк.)—ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алма* «яблоко»+суффиксоид *-алче,* развившийся из *алче* «получатель».

445. Алмантай В — м.и,. сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Магашлы-Алмантаево* — офиц. назв. мар. д. *Кавырга,* Заимств. из тат. яз.: (тюрк.) *алман* «толпа народа, чужой»+*тай* «родство по материнской линии». И остальные компоненты восходят к тат. источнику:

1. *Магашле* — м.и.<тат. *Майгашлы* — назв. драгоценного камня, м.и. составлено из *май* «масло; жир; сало»+*кашлы* «драгоценный камень».

2. *Кавырга* — м.и. от тат. аппелятива *кабырга* «ребро».

Во всех случаях наблюдаем следующее развитие семантики: *аппелятив → прозвище → мужское имя.*

Наимен. дано по именам трех основателей селения.

446. Алмат В (д. М.-Возж.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алмәт < Алмәхәкмәт* (<араб.: Саттаров Г. Ф. Авт. д/д 42) — м.и.

447. Алмек В (д. Мари-Олык Мишк.) — м.и. Заимств. из тат. яз: *алу* «брать, взять»+суф. *-мак(-мәк),* указывающий на результат указанного в основе (глагола) действия.

448. Алмет В (д. М.-Буляр) — м.и. и соответственно ф. *Алметов* Л (с. Кокшамары, дд. Мари-Кугланур, Ярань-Мучаш). Сохранился в составе микротопонима *Алмет агур, Алмет мучаш* Л (д. М.-Кугунур Орш.: МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118: 89 — мар. *агур* «омут», *мучаш* «конец»). Заимств. из тат. яз.: *Алим+Мөхәммәт* (<араб.) — м.и.

449. Алми В (с. Мишк.), *Алмий* В (д. Бирюбаш)— м.и. Заимств. из тат. яз.:? *алми* «не бери».

450. Алмияр В (дд. Бирюбаш, Н.-Сорок.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алми* (см. выше)+*яр* «возлюбленный, милый, любимый».

451. Алмурзинов В (д. Б.-Ерыкса Граховск. в. Елабуж. у. Вят. губ.: НСО.— ВЕВ 1888, № 18 : 543)— ф. Заимств. из тат. яз.: *Али* — м.и.+*морза* (<др.-тат. **мурза*, кирг. *мурза*) «господин; человек. принадлежавший к привилегированному классу».

452. Алмӱхәмәт В (дд. Аккуб., Анач., Маг.-Алмант., Туктаево Балт., Чабаевка)—м.и. и соответственно *Алмухамадов* — ф. Заимств. из тат. яз.: *Али*+*Мөхәммәт* (СЛИН 1979 : 139)—м.и.

453. Алнабика В (дд. Искуш, Маядык) — ж.и. Вероятно, новообразование с помощью суффиксоида *-бика* «госпожа, барыня; хозяйка» от *Ална*<русск. *Алина* (СРЛИ 1966 : 46) — ласкат. вариант ж.и. *Альбина*.

454. Алой В (д. Уял) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Алоня, Алония* — ж.и., *Алоний* (СРЛИ 1966 : 46) —м.и.

455. Алпаялче В (д. Рефанды) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алп* (кирг.) «великан, богатырь, храбрец»+*-аялче* (в мар. варианте *-алче*) от *алучы* «получатель».

456. Алтайкин В (д. Мишкино)—ф. Заимств. из тат. яз.—восходит к аппелятиву (кирг.) *алтай, алтайы*— эпитет наиболее сильных зверей волчьей породы (волка, собаки, лисы). С тем же тат. источником связан удм. *Алтаево* в Бураевск. р. БАССР (БАССР АТД 111).

457. Алтий В (д. Актуган. Калт.)—м.и. Вероятно, той же тат. основы, что и *Алтай(кин)*, представленной в вокативной форме с суф. *-ий*.

458. Алтубай СЗ — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Алтубино* в Яран. у. Вят. губ., 1804 г.: ЦГАДА, ф. 1355, № 359 : 45 — запись И. С. Галкина). Заимств. из тат. яз.: *алтын* «золото»+*туй* «свадьба»+*бай* «богач; хозяин; муж».

459. Алтым СЗ — м.и., представленное в составе мар. ойконима *Алтымсола* в Совет. р. Киров. обл. (МФЭ МарНИИ — 1966, тетр. № 32 : 38; мар. *сола* «деревня»). Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *алтын* «золото». Менее вероятна связь с имперфектной формой глагола *алдым* «я взял».

460. Алтын СЗ — м.и., сохранившееся в составе мар. ойконима *Алтын полук* (МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118 : 70)—мар. назв. мар. д. *Алтубино* в Яран р.

Киров. обл. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *алтын* «золото».

Второй (конечный) компонент *полук: Алтын полук* выступает в составе:

а) ойконимов: *Элеволка*+мар. назв. мар. д. *Алеево* в Совет. р. Мар. АССР (*Эле*<*Ӓли*<тат. *Али*—м.и.);

б) назв. улиц: *Матик полк* — наимен. одной из улиц с. Кокшамары Л, *Чодыра полк* — «тж» в д. Усола Корамас Л (*Матик* — м. и.,*чодыра* «лес»).

Исторически восходит к русск. *полк* (Галкин И. С. 1964 : 63). Однако первоначально в период русско-марийских языковых контактов русск. *полк* имело значение не «вооруженная часть людей», а — «род». Ср. *Угыл полка* (*угыл* «уголок»), *Яку полка* (*Яку* — м.и.), *Лура полка* (*Лура* — м.и.: Акцорин В. А. ТМОВ 169) — названия родов (по материалам мар. фольклора). Да и в самом русск. яз. в то время оно имело семантику «род», ср. *Святополк* и *Ярополк* (Вельтман Ал.— 1840 : 175) — легендарные личности русской истории. Развитие семантики в анализируемом слове происходило по такой схеме: *«людский состав дома (рода)»→«народ»→«вооруженный народ»→«вооруженная часть народа»* (Сорокалетов Ф. П. 1970 : 47; Ледяева С. Д. 1980 : 13). Не случайно в «Ландратских книгах и ревизских сказках» 1700—1740 гг., хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (г. Москвы), не упоминаются мар. слова *ял, сола* «деревня», а указываются лишь жители со своими семьями, т. е. *илемы* (мар. *илем* «жилье, жилое место, усадьба»: С. Я. Черных — 1981, № 5 : 80—81).

461. Алтынбезäк В (д. Еммет.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алтын* «золото»+*бизäк* «украшение; узор, отделка».

462. Алтынбий В 1888 г. (д. Ильнеть Граховск. в. Елабуж. у. Вят. губ.: КВЯ.—МЦВ 1888, № 28 : 355; ВЕВ 1888, № 12 : 367) — ж.и., официально—*Александра*. Заимств. из тат. яз.: *алтын* (см. *Алтынбезäк*)+*биби* уст. «хозяйка дома, госпожа».

463. Алтынсьäсь В (д. Калмаш, Сус.-Эбал.), *Алтынчäш(сь)* В (дд. Аккуб., Калмаш, Н.-Бура, Нуреево) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алтын* «золото»+*чäч* (башк. *сäс*) «волос, волосинка».

464 Алтынсуло В (дд. Бирюбаш, Б.-Шиды, Ре-

фанды) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алтын* «золото»+*сылу* «красавица».

465. Алтынча В 1686 г. (Кунгурск. у.: КА XVII в: 99) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *алтын* «золото»+*чач* «волос, волосинка».

466. Алтынчеч XVI в. (Васин К. Ушн. 5), *Алтынчешь* В (д. Аккуб.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, представляет один из фонетических вариантов *Алтынсьäсь* (см. выше).

467. Алтыш (Коведяев И.— 1918: 17; Васин К. Ушн. 130) — м.и. и соответственно *Алтышев* СЗ 1891 г. (д. Б.-Падашево. Яран. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1819, л. 9) — ф. К имени одного из основателей его восходит и мар. ойконим (поч.) *Алтышево* Л 1804 г. (Великопольск. в. Яран. у. Вят. губ.: ЦГАДА, ф. 1355, № 359, тетр. И. С. Галкина, л. 54). Заимств. из тат. яз.: *Алтышка* Пектеев XVII в., *Алтюшка* Таир (Борисов В.— ЧОИДР 1899, кн. I: 44, 43), *Алтышев* Алыш 1586 г. (Вес С. Б. АПА 1915: 36) — татары.

К тат. же источнику восходит и морд. *Алтыш: Алтыш* Яковлев 1694 г. (Золотн. Н. И.— ТЧАС 1884: 160) — мордвин.

468. Алтышбай В (Коведяев И.— Мар. кал. 1918: 14) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алтыш* (см. выше)+*бай* «богатый, самостоятельный; богач; хозяин».

469. Алу В (д. Кайрак.)—ж.и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, восходит к *Алсу* (СЛИН 1979: 151) — ж.и.

470. Ӓлӱк В (дд. Н.- и Ст.-Васьк.), *Ӓльӱк* В (д. Калмаш) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓлӱзӓ* (СЛИН 1979: 165) — ж.и. В мар. варианте антропонима выступает уменьш.-ласкат. суф. *-ук*, восходящий к русск. источнику. Ср. мар. *Оля — Олюк* Л (д. Ирмучаш) — ж.и.

471. Алфей (СЕЧЯ 1906: 108) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Алфей* (СРЛИ 1966: 46) — м.и., восходит к одному из гидронимов Древней Греции.

472. Алша — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Алша памаш* Л (д. Лапка Памаш Серн.-- мар. *памаш* «ключ, родник, источник»), *Алша Микал* Л (с. Ст.-Торъял)—прозвище *Михаила*. Заимств. из тат. яз.— сложного образования: *Али+Шайх* — м.и., восходящие в свою очередь к арабск. источнику.

473. Ӓлыкӓй В (дд. Бикмурз, Кузеево, Балт., Редьк., Чаки Илыш.), *Ӓлыкей* В (д. Актуг. Калт., Н.-Татья, Чабаевка), *Алыкей* В (д. Сабактур), *Алы-*

ки Л (дд. Токперд., Чодраял Волж.) — м.и. и соответственно *Алыкеев: Алыкеев Тойборис* 1710 г., Серн. в. (Черных С. Я.— 1981 г., № 5, 81), *Алыкеев* Л 1897 г. Л (д. Изишурга Себеусадск. в. Царевококшайск. у. Казан. губ.: РФ НБ КУ № 1406 : 9) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Али* — м.и.+уменьш.-ласкат. суф. *-кай (кәй)*. В мар. варианте *Алыкей, Алыки* выступают также вокативные форманты *-ей, -ий*. Ср. мар. *ачей, ачай* — зват. формы от *ача* «отец».

474. Алыкбай В (д. Нововаськ.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алык* (см. выше *Алыкәй*) + *бай* «богатый, состоятельный; богач; хозяин».

475. Алыкбек В (д. Ст.-Васьк.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алык* (см. *Алыкбай*)+*бек (бәк)* «князь, господин; начальник» — встречается почти во всех тюркских языках.

476. Алыкеч Л (д. Арбор)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Али* — м.и. (<араб. букв. «возвышенный»)+*кече* «малый, маленький» — первоначально «родившийся в четверг Али».

477. Алыксан Л (д. М.-Сенда), В (дд. Айбылат, Н.-Васьк.), *Алыксән* В (дд. Камеево, Н.-Сорок., Ст.-Акбулат.) — м.и. Заимств. из русск. яз.— представляет усеченный вариант антропонима *Александр*.

478. Алыксәндр В (дд. Актуг Калт., Кузеево Балт., Маг.-Алмант.), *Алыксандр* В (дд. Анач., Усак. Бир.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Александр* (<греч.: СРЛИ 1966 : 44), букв. «мужчина, защитник».

479. Алыксәш В (дд. Н.-Васьк. и Староваськ.), *Алыксаш* В (д. Айбылат) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Алексашка, Алексюшка* (СРЛИ 1966 : 243) — ласкат. варианты антропонима *Александр*.

480. Алыксей 1877 г. (Износков И.— ТЧАС 1884: 150), *Алкыси* В (дд. Акуди, Ирсаево, Сус.-Эбал., Н.-Качмаш, Кузеево Балт., Маг.-Алмант., Т.-Елга), *Алыксий* В (дд. Мари-Олык, Анач, Старотураево), *Алыкси* В (дд. Калмаш, Н.-Татья, Чабаевка), *Алыкси* Л (д. Кукморь Совет.), В (дд. Н.-Васьк., Редьк.) — м.и., а также антропоним, представленный в составе мар. ойконима *Алыкси ял* — мар. назв. мар. д. *Пузырниково* Л (мар. *ял* «деревня»). В диалектологических записях *Алыксыпочинга* Л (Пузырниково: МФЭ МарНИИ — 1972 г., тетр. № 69: Л — мар. *починга* «починок»). Заимств. из русск.

яз.: *Алексей* (<греч.: СРЛИ 1966 : 44—45), букв. «защитник».

481. Алым — м.и. мар. сказочного богатыря (Четкарев К. А. 1941, т. I : 58), «герой, выдержавший тяжелые испытания судьбы, набирается всегда сил, когда прикасается к ржаным, ячменным и овсяным стогам; при каждом упоминании о стогах хлеба у него прибавляются силы» (К. Васин и др. ИИРФ 1966 : 17), *Алымпатыр* В (д. Шурма Киров. обл., МНС 1945 : 5 — мар. *патыр* «богатырь; силач») — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алим* (<араб.: Баскаков Н. А.— РЯ 1975, в. III : 99), встречающийся в различных вариантах *(Алым≈Алим)* в тюркских языках. К тому же источнику следует возвести гидроним *Алым* — р. в бассейне Камы, *Алымка* — приток Иртыша, вопреки предположениям многих исследователей, ошибочно усматривающих в нем финно-угорское наследие с типичным топоформантом на *-ым, -им* (см.: Серебренников Б. А. — 1968, т. XX : 90).

482. Алымбек В (дд. Илик, Мишк., Рефанды)— м.и., а также в составе лимнонима *Алымбек ер* Л (д. Сосновка Мишк.: МДЭ МарНИИ — 1974 г., тетр. № 154 : 2; мар. *ер* «озеро»). Заимств. из тат. яз.: представляет контаминацию двух именных основ *Алим* (<араб.: Гаф. А. ЛК 163, букв. «знающий, ученый») и *бек* «господин».

483. Алымберда Л 1717 г. (д. Серн. в.: Черных С. Я.— 1981 г., № 5, 81): *Алымберда Токсубин*—м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет сращение *Алым*< *Алим* — м.и. и *бирде* «дал (а, о)».

484. Алынбаев В 1891 г. (д. Кадряк. Елабуж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1631 : 9) и В. (дд. Баймурз., Букленды—Ямде лий, 1976, 29 мая : 2)— ф., а также представленное в составе микротопонима *Алынбай ераш* В (д. Староарзамат.— мар. *ераш* «маленькое озеро, лужа»). Заимств. из тат. яз.: *Алим+бай* «богатый; богач; хозяин».

485. Алынбаш В — м.и., сохранившееся в составе лимнонима *Алынбаш ераш* В (д. Староарзамат.— мар. *ераш* «маленькое озеро, лужа»). Заимств. из тат. яз.: *Алим* — м.и.+*баш* «голова; глава». Ср. мар. *Сарбаш* В (д. Редьк.) — м.и., образованное контаминацией аппелятивов *сары* «желтый» и *баш* «голова, глава».

486. Алынъяс В (д. Сосновка Мишк.) — ж.и.

Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию *алтын* «золото» и *чач* (башк. *сьәсь*) «волосы».

487. Алыпай В (Коведяев И.— 1918 : 18) — м.и. Вероятно, представляет фонетический вариант антропонима *Алынбай* — м.и. (см. *Алынбаев.*)

488. Алышпай В (д. Калмаш)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Алишкы* (Гаф. А. ЛК 41) — м.и.+*бай* «богатый, состоятельный; богач; хозяин».

489. Алю Л (дд. Б. Янаево, Куркумбал Сов., Ст. Юледур) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аля*+мар. вокативн. суф. *-у*, который употребляется и в мар. говорах в других случаях: *дигу-дигу* Л (д. Кожласола Серн.) — подзывное слово для гусят при том же для гусей в виде *дига-дига; казю-казю* Л (д. Колокуда) — слово, которым призывают коз (мар. *каза* «коза»); *Печу* Л (д. Рушродо Морк.) «Петенька»<*Петь* — м.и.+суф. *-у*.

490. Алюк I В (дд. Василово, Н.-Кульчуб.) — м.и. *Алюкова* Л (с. Кокшамары) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Аля*+уменьшит.-ласкат. суф. *-ук*. Ср. *Ваня* и *Ванюк, Ванюков* — широко распространенные среди горных мари антропонимы, в свою очередь восходящие к русск. источнику.

491. Алюк II Л (дд. Шаплак, Колокуда), В (дд. Б.-Шиды, Ст.-Васькино, Чаки Илишевск.)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Алюка* — ласкат. вариант антропонима *Алевтина.*

492. Аля I — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима: Выселок по ключу Алянур из д. Сухой речки Качминск. в., д. Кощово 1804 г. В (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, № 357—тетр. И. С. Галкина : 38). Заимств. из русск. яз.: Аля — ласкат. вариант м.и. *Алевтин, Александр, Алексей, Алим, Альберт* (СРЛИ 1966 : 244), т. д.

493. Аля II — широко распространенное ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аля* — ласкат. вариант ж.и. *Алевтина, Александра, Алина* (СРЛИ 1966 : 244), т. д.

494. Алюш Л (Ядыбеляк) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Алюшка* — ласкат. вариант м.и. *Олимпиан* (СРЛИ 1966 : 241), *Алфей, Алфий.*

495. Алябышев В 1891 г. (д. Шой Малорожкинск. в. Малмыж. у. Вят. губ. — ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1687 : 9) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Алябьев* (ОГДР 1797 г., ч. I : 70) — дворянин польского происхождения.

496. Алякä (Алäкä) Г — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Алякäн пичы* В (д. Са-

рамбаево — мар. Г *пичы* «ограда, изгородь»). Вероятно, заимств. из русск. яз.: *Аляха* (СРЛИ 1966 : 245) — ласкат. вариант м.и. *Алексей.*

497. Алям В (д. Сосновка Мишк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Галлям* (СРЛИ 1979 : 133) — м.и.

498. Алят В. (д. Н.-Васьк.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Галлäведдин, Галлäйетдин* (СЛИН 1979 : 133) — м.и.

499. Аляшка Л 1678 г. (Яран. в. Вят. губ.: Архив Айпл. Г. II : 506) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аля* (СРЛИ 1966 : 244) — ласкат. вариант м.и. *Алевтин, Александр, Алексей, Алим, Альберт.*+уменьш.-ласкат. суф. *-шк(а).*

500. Альберт — широко распространенное м.и. Заимств. из русск. яз.: *Альберт* (СРЛИ 1966 : 46) — представляет контаминацию двух антропонимов *Аля* и *Бери* — м.и.

501. Альбина — широко распространенное ж.и. В отдельных говорах *Альвина* Л (д. Усола Волж.)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Альбина* (<лат.: Угрюмова А. РИ 1962 : 67), букв. «светлая, утренняя; блондинка».

Соответствие *б* ~ *в* вызвано особенностями мар. говоров, ср. *вуфет*<русск. *буфет, вокал*<*бокал, винт*<*бинт* (см.: Грузов Л. П. 1969 : 179).

502. Алькан В (д. Мари-Олык-Мишк.) — м.и. Вероятно, представляет усеченный вариант тат. сложного антропонима, составленного из *Али*+*Кäбил* (<араб.: СЛИН 1979 : 76; Гаф. А. ЛК 163, 196), букв. «возвышенно сильный, умелый».

503. Альметев В 1891 г. (д. Черем. Возжай Граховск. в. Елабуж. у. Вят. губ., ГАКО. ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1634 : 1) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Äлмäт* — тат. назв. тат. с. Альметьево в Сармановск. р., поч. *Кече Äлмäт* «Малое Алметьево» в Елабужск. р. ТАССР (ТАССР АТД 60, 79).

Представляет собой контаминацию двух арабоязычных имен *Али*+*Мöхäммäт* (СЛИН 1979 : 78; Гаф. А. ЛК 164) — м.и.

К тому же тат. источнику восходят и удм. антропонимы *Алмаметко, Алмаметев* XV, XVII вв., обнаруженные в исторических документах Т. И. Тепляшиной (1979 : 99).

504. Äльмукамат ~ *Äльмукамет* В (д. Чашка Калт.: МДЭ МарНИИ — 1959 г., № 70 : 93), *Альмухамет*

В (дд. Н.-Сусадыбаш, Сус.-Эбал., Ирдуган. Янаульск.) — м.и. Заимств. из тат. яз., см. *Альметев.*

505. Альна В (д. Шелкан.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Алина* — ж.и.

506. Альфера В (д. М.-Суксы), *Альфира* В (д. Анач.) — ж.и. Вероятно, заимств. из русск. яз., хотя непосредственных соответствий в русских говорах нам обнаружить не удалось. Ср. *Альфредка* (СРЛИ 1966: 244) — ласкат. вариант антропонима *Альфред.*

507. Альфинä В (дд. Анач., Сус.-Эбал.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Альвинка* (СРЛИ 1966 : 244) — ласкат. вариант ж.и. *Альвина.*

508. Альфия В (дд. Анач., Калтак.) — ж.и. Встречается и у татар в пос. Мочалище, Майский Мар. АССР. Заимств. из русск. яз.: *Альфия* (СРЛИ 1966 : 46).

509. Альфред Г (д. Усола), *Альфрит* В (д. Анач.) — м.и. Встречается и у татар в пос. Майский, ст. Шелангер Мар.АССР в виде *Альфрит.* Заимств. из русск. яз.: *Альфред* (СРЛИ 1966 : 45) — м.и.

510. Амаза — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Амазиха* в Советск. р. Киров. обл. (—МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118 : 57). Вероятно, заимств. из тат. яз.: *Хамаза* (<араб.: Гаф. А. ЛК 251) — м.и., букв. «острый, жгучий».

511. Амак Л (с. Исменцы: картотека топонимов МарНИИ) — м.и., сохранившееся лишь в составе лимнонима *Амак куп* (мар. *куп* «болото»), но которое широко употреблялось в прошлом, например: *Амаков* Л 1678 г. (с. Пораты: Архив Г. Айпл. II : 538) — ф. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *амак* (ДСТЯ 1969 : 97) «прорезь или выемка на коре деревьев».

512. Амар — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима: *Амар ер* Л (д. Пезмучаш Волж.: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 150 : 1 — мар. *ер* «озеро»). Заимств. из тат. яз.: *Гамар* (<араб.: Гаф. А. ЛК 176, 197), букв. «луна».

513. Амач В (дд. Нововаськ., Рефанды) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Амочка, Ама* — ласкат. варианты ж. антропонимов *Амалия, Амата, Пиама.*

514. Амбай Л — м.и.., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Амбайкино* (Мар.АССР АТД 1955 : 65). В народно-разговорной речи — Ямбайкино, что указывает на более древнюю форму: **Ямбай.* Заимств. из тат. яз.: *жьан* «душа, дух» или *ямь* «красота, красота»+*бай*

«богатый; богач; хозяин». Более вероятно сближение начального компонента с тат. *жьан* «душа, дух», если обратиться к тем же удмуртским антропонимам XV—XVII вв., заимствованным из тат. источника: *Анбайко, Анбаев, Янбайко, Зянбайко* (Тепляшина Т. И. 1978 : 99, 117). Следовательно, развитие *н* в *м* произошло на мар. почве: *Жьанбай>Ямбай>Амбай.*

515. Амер В (д. Нововаск.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Амер* (Гаф. А. ЛК 164) — м.и. Подобное расхождение в принадлежности к мужскому или женскому полу имеет место и в других именах.

516. Амидӓ В (д. Чишма), *Амиза* В (д. Ишим) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Хӓмидӓ* (СЛИН 1979 : 164) — ж.и. В свою очередь восходит к арабск. источнику (Гаф. А. ЛК 233), букв. «славящая, восхваляющая».

517. Амиза В (д. Ишим) — ж.и., см. выше *Амида.*

518. Амик В (дд. Н.-Васьк., Н.-Кульчуб.) — ж.и. Возможно, восходит к русск. источнику, ср. *Ама* — ласкат. вариант ж. и. *Амалия, Амата, Пиама* (СРЛИ 1966: 245) + уменьш.-ласкат. суф. *-ик(а).*

519. Аминь В (д. Н.-Кульчуб.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓминӓ* (<араб.: СЛИН 1973 : 64; Гаф. А. ЛК 164), букв. «безопасная».

520. Амидав (СЕМЯ 1906 : 3) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Амидав* (теоним в библии).

521. Амирзян В (д. Гарейка Балт., Калтак., М.-Буляр) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Амиръян* (СЛИН 1979 : 69) — м.и. Фонетическое соответствие *з~й* в указанных антропонимах отражают диалектные особенности того говора, откуда рассматриваемое м.и. проникло в мар. яз.

522. Амит Л (с. Кр. Яр.) — м.и. Происхождение не ясно. Возможно, заимств. из русск. яз., хотя могли бы связать с татароязычным антропонимом *Ямет* Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк) — м.и.

523. Амиш В (д. Ст.-Яш) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓмӓ* (см. выше *Ӓмий*) + ? *иш* «чета, пара; товарищ, друг».

524. Ӓминӓй В (д. Ст.-Васьк.), *Амней* В (д. Чишма) — м.и. Заимст. из тат. яз.: *Ӓмин* (СЛИН 1979: 150) + мар. вокативн. форманты *-й* и *-ей.*

525. Амон (СЕМЯ 1906 : 4) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Амон, Аммон* (СРЛИ 1966 : 47) — м.и.

526. Ампис Г (дд. Алешк. Красноволжск., Усола),

Амписа Г (дд. Зап. Пертнуры, Петух., Чувак.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Анфиса* (<греч.: СРЛИ 1966: 53) — м.и., букв. «цветущая».

527. Ампия В (д. Еммет.)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Амфианка* (СРЛИ 1966 : 44) — ж.и.

528. Амри В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Амир* (СЛИН 1979 : 150) — м.и.+ мар. вокативн. суф. *-и(й)*.

529. Амуз Л (д. Ст. Юледур) — м.и. Возможно, заимств. из русск. яз.: *Амося, Амоська* (СРЛИ 1966: 245) — ласкат. варианты м.и. *Амос*.

530. Амук В (дд. Айбылат, Василово, Ишим, Калмаш, Кельтей, Ст.-Васьк.) — м.и. Заимств. из русск. яз., на что указывает конечный формант *-ук*, выступающий в мар. яз. лишь в составе русских антропонимов: *Ваня, Ванюк, Оля — Олюк*, т. д. В русских словарях соответствий обнаружить нам не удалось.

531. Амун В (д. Актуган. Калт.), Л (д. Пуял) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аммун* (<др.-евр.: СРЛИ 1966 : 47) — м.и., букв. «искусный мастер, художник».

532. Амур Л (д. М.-Иваново Волж.: МДЭ МарНИИ — 1975, тетр. № 150; 24; дд. Карай, Эмек.)— м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Амур капка* (мар. *капка* «ворота». Заимств. из русск. яз.: *Амур* (СРЛИ 1966 : 47) — в античной мифологии «Бог любви». По всей вероятности, такого же происхождения и антропоним *Амур*, выступающий лишь в составе топонима *Амур урем* В (д. Старобедеево Нуриман.: МФЭ МарНИИ — 1973, тетр. № 73 : 2 — мар. *урем* «улица».

533. Амуса В (дд. Н.-Татья, Чаки Илиш.), *Амусь* В (дд. Калмаш, Норк.), *Амуч* В (с. Мишк., дд. Умари, Чишма, Шелкан.) — ж.и. Возможно, через тат. посредство проникло из русск. яз. Ср. *Амос* — м.и. и соответственно женский вариант мог быть в форме *Амося*. Ср. *Муся* — ласкат. вариант русских имен: *Герман, Дмитрий, Моисей* — м.и.; *Германа, Марина, Мария, Матрона, Тамара* (СРЛИ 1966 : 327) — ж.и. На тат. посредство указывает и *о~у*: тат. *завут*<русск. *завод, спур*< *спор, кантур*<*контора* (Ахуиз. Э. РЗТЯ 237), т.д.

534. Амушев В (д. Василово) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Ама* (СРЛИ 1966 : 46—47)—ж.и. в умеьш.-ласкат. форме с суф. *-уш(а)*, ср. *Надя — Надюш, Надюша*.

535. Амыр В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга) — м.и.

Заимств. из тат. яз.: *Ӓмир* (<араб.: СЛИН 1979 : 150; Гаф. А. ЛК 161), букв. «предводитель, повелитель».

536. Амыржьан В (д. Калтак.), *Ӓмӹрзьйӓн* В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга), *Ӓмӹръйӓн* В (дд. Ст.-Ямурз. Балт., Тӧрсола, Тибил., Тузлуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Амиржьан* (СЛИН 1979 : 150) — м.и., в котором выступают два самостоятельных компонента: *Ӓмир* (см. *Амӹр*) и *жьан* «душа, дух».

537. Амыча В (д. Н.-Качмаш) — ж.и. Вероятно, заимств. из тат. яз., а в последнем восходит к русск. источнику, см. *Амуса*.

538. Амыш В (дд. Н.-Качмаш, Сус.-Эбал.) — м.и. Заимств. из русск. яз., см. *Амушев*.

539. Анагильда В 1883 г. (Ерусл. П. ЧРС) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *жьан* «душа, дух»+вокативн. суф. *-й*+имперфектная форма к*ильде* «пришел».

540. Анай — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Анаево* в Яран. у. Вят. губ., 1804 г. (ЦГАДА, ф. 1355), оп. 1, № 358 : 45 — тетр. И. С. Галкина: картотека по ономастике МарНИИ). Заимств. из тат. яз.: *Янбай* — русск. д. в Дуванск. р. БАССР (БАССР АТД 130). Образовано контаминацией апеляативов *жьан* «душа, дух» и *бай* «богатый, богач; хозяин».

541. Аналче В (дд. Курман., Н.-Кульчуб., Сосновка Мишк.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— представляет образование с помощью суффиксоида *алучы* «получатель» от *жьан* «душа, дух».

542. Ананий Л (д. Эмек.), Г (с. Арда. дд. Ахперка, Зап. Пертн., Мазик., Ю.-Кушерга, Юльялы) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Ананий* (<др.-евр.: СРЛИ 1966: 48), букв. «бог милосердия, милостив».

Встречается и в памятниках русской письменности: *Ананий* XVII в. (ППК XVII в. : 99) — м.и. Представлен и в составе географических названий: с. *Ананьино* в Вологодск. губ. (МОЗВГ 1907, т. 2, в. 1 : 146), д. *Ананьинская* в Орловск. у. Вят. губ. (МПСВГ 1886, т. 3, ч. 2 : 144), рч. *Ананька* в Костр. губ. (МДГСР 1861 : 58).

К русск. же источнику восходит и чув. *Анани* (Ашмарин Н. И. 1928 : 99) — м.и.

543. *Ӓнӓсьийӓ* В (дд. Ирдуган. Янаульск., Сус.-Эбал.) — ж.и. Возможно, заимств. из русск. яз.: (Анастасия), если не представляет вариант татароязычного ж.и. *Анась (Ӓнӓсь)* В — ж.и.

544. Анберде Л 1804 г.— м.и., сохранившееся лишь в составе ойконима *Анбердино,* или Елембаево, в Буйск. в. Уржумск. у. Вят. губ. 1804 г. (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, №354 : 31 — тетр. И. С. Галкина — картотека МарНИИ по ономастике) — обрусевшая мар. д., ныне в Новоторъяльск. р. Мар. АССР. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию *жьан* «душа, дух» и *бирде* (<др.-тат. **берде*) «дал(а, о)».

545. Андршан В — м.и., сохранившееся в составе мар. оронима *Андршан курык* В (Свердловск. обл.: МФЭ МарНИИ — 1968 г., тетр. № 36 : 39 — мар. *курык* «гора»). Согласно тополегенде, на горе жил мариец по имени *Андршан,* в котором вычленяется русская основа *Андр* «Андрей» (ср. у старокрещенных татар *Әндрей* «Андрей» — Воскр. А. РТС 371) и суффиксоид *-шахн,* обычно выступающий в арабоязычных именах: *Шахназар* (Гаф. А. ЛК 237), если вообще *-шан* не представляет аппелятив *шайх* (<араб., букв. «старец, духовный глава») в генетиве с формантом *-н.*

546. Анчык Г — м.и., сохранившееся лишь в составе лимнонима *Анчыкшор* (картотека МарНИИ по ономастике), официально называемый «Собачье болото» (мар. *шор* Г «грязь, засалина, а также засалина от кипяченой воды; болото, образовавшееся после разлива весенней воды»). Заимств. из русск. яз.: *Антечка, Антик* (СРЛИ 1966 : 247) — м.и.

547. Антыл СЗ — м.и., сохранившееся лишь в составе ойконима *Антыл ял* в Советск. р. Киров. обл. (МФЭ МарНИИ — 1966 г., тетр. № 31 : 60, мар. *ял* «деревня»). По всей вероятности, заимств. из русск. яз.: *Анатол, Анатолик, Анатолька* — ласкат. варианты м.и. Анатолий (СРЛИ 1966 : 245).

548. Аня — широко распространенное среди мари ж. и., *Ану* Л (д. Ст.-Крещено) — один из его вариантов, как и *Аню* Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк, Яндимирово), в которых вычленяется уменьш.-ласкат. (вокативн.) формант *-у (-ю).* Заимств. из русск. яз.: *Аня* — ласкат. вариант многих русских антропонимов:

Ангий, Анин, Анисий, Фабиан, Христиан — м.и.

Агния, Андрона, Анисья, Анна, Антонина, Анфина, Христиана (СРЛИ 1966 : 248) — ж.и.

549. Апай I Л (с. Кукнур: Ямде лий, 1935, 10 апр.: 3; д. Олоры), В (д. Курзаево: Мар. ком., 1964, 25 ноября: 4) и в основе микротопонимов *Апай олык* Л (д. Б.

Корамас Волжск.— мар. *олык* «луг»), *Апай корем* Л (д. Уртем-Варангуж: МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118 : 24, мар. *корем* «овраг»), Апай В (дд. Б. и М. Кельтей, Ст.-Яш) — м.и., соответственно широко распространенная среди луговых мари (в особенности среди моркинско-сернурских) и восточных ф. *Апаев*. Антропоним бытовал и среди горномарийцев, о чем свидетельствует ойконим *Апаево* Г — офиц. наимен. мар. д. *Кувшинсола,* оба варианта которых исторически восходят к именам их основателей данного селения *Ӓпӓй* и *Кувшин*. Последнее заимств. из русск. яз. Ср. Иван Иванович *Кувшин* Заболоцкий, 1500 г. (Вес. С. Б. Он. 167) — от аппелятива *кувшин*. Компонент *-сола: Кувшинсола* представляет мар. имя сущ. *сола* «деревня».

Антропоним *Апай (Ӓпӓй)* восходит к тат. источнику — по всей вероятности, образовался от аппелятива *апа* «немой»: «имя прилаг.» → «прозвище» → м.и. Ср. широко распространенное в памятниках русской письменности русск. *Немой* (Вес. С. Б. Он. 218) — м. и.

С татарским же словом связано м.и. -ф. *Апаев,* встречающееся в русских говорах, вопреки В. А. Никонову (—Этим. 1973 : 138), рассматривающему как марийско-мордовское проникновение. Вариант *Опай*, о котором пишет В. А. Никонов, не может быть сопоставлен с русским *Апаев* — отчество с русским суф. *-ев,* так как для фонетического состава русских заимствований не характерно соответствие русск. *а* ~ мар. и морд. *о*, как и развитие звуков *а* > *о*, *о* > *а*. Колебания *а* ~ *о* объясняются лишь особенностями самих русских говоров, т. е. они подчеркивают северновеликорусский характер заимствований: как известно, местные русские говоры, окружающие языки волжско-пермской группы, входят в вологодско-кировскую группу северновеликорусского наречия. Мар. и морд. имена *Опай (Опа)*, на что ссылается В. А. Никонов, опираясь на данные Н. Ф. Мокшина и В. К. Магницкого, восходят к русск. *Опа (Опа, Опка, Опонька, Опочка, Опушка)* — ласкат. варианты м.и. *Каллиопий* (СРЛИ 1966 : 335 < греч.— от аппелятивов *kallos* «красота» и ѳрѕ «голос: речь».

550. Апай II и *Апие (Апайе)* Л (д. Энгервож) — ж.и., в котором вычленяется вокативн. суф. *-(а)й* + слогообразующий формант *-е*. Заимств. из русск. яз.: *Опа*— ласкат. вариант ж.и. *Миропиян* (греч.: СРЛИ 1966 : 335,

159)—от апеллятивов *myron* «миро, благовонное масло» и *ops* «голос; речь».

551. Апакет В (дд. Маг.-Алмант., Н.-Иван., Ст.-Ямурз. Балт., Т.-Елга) — м.и. Заимств. из тат. яз. По всей вероятности, представляет контаминацию двух самостоятельных основ: *Апак* (<*аппак* «пребелый, очень белый») и *кет*, что, возможно, восходит к основе повелительного наклонения ед. ч. 2 л. *кит* (др.-тат. **кет*) «уходи» (при кирг. *кет* «тж»). Тот же композит выступает и в составе удмуртских мужских имен: *Ешкет, Ушкет, Юшкет* XVI—XVIII вв., тождество конечных компонентов в которых Т. И. Тепляшина (1978 : 20) объясняет неточностями в передаче произношения имен, чуждых и незнакомых для писцов. «Так, например, имя *Ёшкет ёчкыны* при коми *етшкыны* «кольнуть, стрельнуть; бить, ударять»: *Кайса Ешкетов* и его сын *Юшкет»*,— продолжает Т. И. Тепляшина. К сожалению, она не обратила внимания на антропонимический характер имен народов Восточной Европы: группа имен, характеризующаяся общностью аффиксации (все имена имеют один и тот же префикс или суффикс, композит) или формально совпадающая какими-то одинаковыми сегментами имени и использующихся в пределах одной и той же семьи для наречения детей (братьев или сестер). Иными словами, антропонимическая серия проявилась и проявляется в марийском и удмуртском языках в следующем: имена детям одной семьи даются с учетом созвучности начальных или конечных частей имени ребенка с именем отца, матери или старших братьев и сестер.

552. Ӓпӓлӓй В (д. Н.-Кульчуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ӓпӓ* «немой»+-уменьш.-ласкат. суф. *-лӓй (-лай)*. Заимств. из тат. яз. Ср. тат. *бушлай* «даром» от *буш* «пустой, порожний», *бӧтенлӓй* «целиком» от *бӧтен* «весь».

553. Апалий В (д. Н.-Иван.), *Ӓпӓлий* В (дд. Аккуб., Байгильд. Дюрт., Б. и М. Кельтей, Ст.-Яш)—м.и. и соответственно ф. *Апалиев* В. Тот же антропоним представлен в составе микротопонима *Ӓпӓлий корем* В (д. Байгильд. Дюрт.— мар. *корем* «овраг»). Древняя форма заимствованного из тат. яз. м.и. может быть реконструирована в виде **Ӓпӓлий*, в котором следует усматривать контаминацию уменьш.-ласкат. образования с помощью суф. *-ий*: *Ӓпӓ* — м.и. (см. выше) и *Али* — м.и.

554. Апалон В (д. Б. Кельтей) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Аполлон* (<греч.: СРЛИ 1966 : 54) в античной (греческой) мифологии «бог мудрости, солнца».

555. Апалче В (д. Калмаш) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— вычленяются два компонента: *Апа* (<*äпä* «немой») + суффиксоид *алче*, восходящий к сущ. *алчу* «получатель».

556. Апалька В (д. Кулегаш) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Апелька, Апеля, Апелечка, Апеленька* — ласкат. варианты м.и. *Аппеллий, Апелл* (<греч.: СЛИН 1966 : 248, 53).

557. Апан Л (дд. Вонжедур, Немецсола) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Пана* — ласкат. вариант антропонима *Апанаска* (СРЛИ 1966 : 337, 248) «Афанасий».

558. Апанай 1897 г. Л (д. Изишурга Себеусадск. в. Царевококшайск. у. РФ НБ КУ, № 1406, тетр. № 2 : 1) — м.и. Тот же антропоним выступает в составе мар. ойконима *Апанаево* — офиц. назв. мар. д. *Панайка (Апанаевы*: ПККГ 1868 г. : 50), которое в свою очередь восходит к имени одного из основателей упомянутого селения. Вероятно, заимств. из тат. яз.: *Апанаев* (ЖЧВВУЗ 1855, № 451 : 305; Бабст И.— МЗП 1852, т. 1 : 489; Фукс. А. КТ 127) — казанский татарин (купец). Возможно, в основе татарского антропонима лежит аппелятив (кирг.) *апан* «неуклюжий», хотя Е. Койчубаев (КТСК 36) в широко распространенном в Казахстане гидрониме *Апансай* усматривает контаминацию лексем *апан* «огромная яма» и *сай* «ложбина». В тат. словарях соответствующего слова обнаружить нам не удалось.

559. Апанасн Л (дд. М.-Луговая, Ташнур, Часовенная, Энгервож) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афанасий*, или *Апанаска* (<греч.: СРЛИ 1966 : 61, 248) — м.и., букв. «бессмертие». Рассматриваемый антропоним является более поздним русским заимствованием, нежели *Опанас* — тот же вариант окающего говора русского языка, широко распространенного среди луговых мари. Такого же характера мар. ойконим *Опанассола* Л — мар. назв. мар. д. (мар. *сола* «деревня»), названной по имени одного из основателей ее *Опанас* «Афанасий».

560. Апаньде Л (д. Усола Волжс).— м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афоний* — ласкат. вариант м.и. *Афанасий*. Фонетическое различие их обусловлено особенностями волжского говора лугового диалекта мар. яз.

561. Апаньи *(Апани)* Л (д. Кумужъял) — м.и.

Заимств. из русск. яз., ср. *Апаньде*. Конечный *-и: Апани* является вокативным суф. мар. яз.— *-и(й)*.

562. А п а р 1886 г. В (д. Актазик Кураковск. в. Елабуж. у. Вят. губ.: ВЕВ 1888 г., № 18 : 542) — м.и. Тот же антропоним встречается в составе гелонима *Апар куп* Л (д. Данилк.— мар. *куп* «болото»). Заимств. из тат. яз.: *Гафар* — м.и., широко распространенное почти во всех тюркск. языках — восходит к арабск. источнику (СТЛИ 1973 : 31; Гаф. А. ЛК 177), букв. «воспрещающий». Ср. *Аббас* и *Габбас* — одно и то же арабского происхождения м.и., встречающееся в тюркск. языках с чередованием *0* (нуля) ~ *Г* (Гаф. А. ЛК 174, 157). Следовательно, отпадение начального *г* в антропониме, как и развитие *ф* в *п*, вызвано особенностями самой тюркской фонетики.

563. А п а с — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонимов *Апас корем* Л (д. Бизюргуб: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 148 : 20), В (д. М. Малмыж Малмыжск. р. Киров. обл.: МДЭ МарНИИ — 1963 г., тетр. № 110 : 27 — мар. *корем* «овраг»), *Апась чельник* Л (д. Карай: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 150 : 20 — мар. *чельник* «пчельник»). Заимств. из тат. яз.: *Аббас* 1740 г. (МПИ БАССР, т. 1 : 547) — татарин, тат и башк. *Аббас* (СЛИН 1969 : 68, 129) — м.и. Восходит к арабск. *Аббас* (Гаф. А. ЛК 27) — имя пророка.

Сюда же следует отнести отатарившуюся мар. д. *Апас* в Маритурекск. р. Мар. АССР (согласно тополегенде: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 53 : 2; 1365 : 1), (дд. Б. и М. Кельтей, Н.-Бура, Тюльди) — м.и. Широко распространено и в марийских загадках (см.: Китиков А. Е. МНЗ 79). Встречается и в фамильных образованиях: *Апасеева* Г (д. Емангаши, с. Виловат.), *Апасейкин* Г (д. Чувак.). Сюда же следует отнести и *Апаси* Л (д. Сергушк.) — м.и., в котором конечный гласный *-и* восходит к вокативному показателю мар. яз. *-ий*, ср. *ача* «отец» — *ачий*—обращение к нему. Огубленный вариант представляет *Опась* В (д. Тюльди) — м.и., отражение особенностей северновеликорусского наречия.

Рассматриваемый антропоним сохранился и в составе микротопонимов: *Апась чельник* Л (с. Кр. Яр — мар. *чельник* «пчельник»), *Апась лапаш* Л (д. Памашенгер Волж.— *лапаш* «низкое место, низина»), а также в составе мар. ойконима *Апасево* — офиц. назв мар. д. Пермесола в Краснокамск., р. В (*Пермесола* < *Перме*

«ферма»+*сола* «деревня» — по расположению свиноводческого комплекса).

Этимологизируемый нами антропоним восходит к тат. источнику. Ср. *Апасеев: Артабай Апасеев* 1668 г., Кунгурск. у. (КА XVII в.) — татарин (купец). В свою очередь этимологически связан с араб. *Аббас* (<араб.: Гаф. А. ЛК 158), букв. «суровый, воинственный». Тат. назв. тат. с. *Апас* (офиц. Апастово) — в Тетюшск. р (ТАССР АТД 202) также антропонимического происхождения. Однако в последнем, по всей вероятности, арабоязычное м.и. наращено суффиксоидом *-тай (-тәй)* «дядя и дед по матери или человек средних лет».

564. Ӓпӓт В (д. Н.-Дюртюк. Балт.), *Апат* В (д. Марино Илиш.), *Ӓпӓтӓй* В (дд. Н.-Кильбахт.< *Ӓпӓт*+вокативн. суф. в уменьш.-ласкат. значении *-ӓй*) — м.и. Сюда же относим *Апатий* Г (с. Усола) — м.и. и соответственно ф. *Апатеев*. Ср. *Апатеев* А. И. Г (д. Наумово) — известный автор школьных учебников для горномарийских школ и его супруга Т. Г. *Апатеева* (бывшая Ефремова, Шурканова) — литератор и автор учебников и учебных пособий для марийских школ; А. *Апатеев* Г (д. Наумово) — горномар. поэт. Заимств. из русск. яз.: *Апатин* и *Апатов* — широко распространенные антропонимы, образованные от канонического м.и. Ипатий (Никон В. А.— Этим. 1973 : 139), в свою очередь восходящего к греч. источнику (СРЛИ 1966 : 123), букв. «вышайший». К тому же антропониму восходит и назв. русск. д. *Апатово* в Верховск. в. Солигаличск. у. Костр. губ. (СНМКГ 1908 : 242).

Вариант с гласным *а*: *Апат*, в отличие от *ӓ*: *Ӓпат*, мог быть заимствованным через тат. посредство из русск. яз.: русское *а*, по исследованиям фонетистов (Богородицкий В. А. 1953 : 211), является более передним сравнительно с татарским, более глубоким, что могло благоприятствовать сближению русского гласного с татарским *ӓ*: *парта*>тат. *пӓртӓ, карта*>тат. *кӓртӓ*.

565. Апатыр (Коведяев И.— 1918 : 17) — м.и. По всей вероятности, восходит к тат. источнику: *Акпатыр* < *Акбатыр*<*ак* «белый»+*батыр* «герой; богатырь».

566. Апач I Л (с. Кр. Яр), В (д. Тюльди), *Апачко* 1676 г. Л (д. Пинжан-Кукморь: Архив Айпл. Г. II : 423), *Апачи* Л (дд. Б.-Сосновка, Данилк.)—м.и., Л (дд. Отымбал, Учейк.) — м. прозвище, в котором вычленяется вокативн. формант *-ий*. Оно выступает также и в соста-

ве микротопонимов: *Апач урем* Л (д. Ярамор Волж.— мар. *урем* «улица»), *Апачи ер* Л (д. В.-Азъял Волж.: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 150 : 13 — мар. *ер* «озеро»), *Апачи олык* Л (с. Кр. Яр — мар *олык* «луг»), *Апачи куп* Л (д. Карай: МДЭ МарНИИ—1975 г., тетр. № 50 : 18).— мар. *куп* «болото»). Заимств. из тат. яз.: *Апачко* 1646 г., Казань (МИТ 1932 : 118) — татарин; тат. д. *Апачево* — офиц. наимен. тат. д. *Апач* в Мензелинск. р. ТАССР (ТАССР АТД 130). В последнем, по всей вероятности, восходит к русскому источнику. Ср. *Апач* по выговору старокрещенных татар Казан. губ. м.и. *Апанас* (Воскр. А. 1894 : 371) — м.и.

567. Апач II В (дд. Малосухояз., Староарзамат. — ж.и. Заимств. из тат. яз.— представляет женский вариант антропонима *Апач* I (см. выше).

568. Апашай — м.и., сохранившееся в составе мар. ойконима Челыкино Л. Следует сопоставить с чув. *Апаш* — чув. назв. чув. с. *Абашево* в Чебоксарск. у. (Ашмарин Н. И. 1928 : 278), которое образовалось по имени одного из основателей упомянутого селения. Встречается и в составе чувашских загадок: *Апаш кĕпери пуç-хирле* (СЧЯ 1 : 278) «Абашевский мост стоит вверх ногами, т. е. очень крут» (вышивка на грудном разрезе рубахи).

В мар. *Апашай* выступает вокативный суф. *-(а)й*. Общетюркское **а* начального слова в чув. яз. не сохранилось в своем первоначальном виде (Егоров В. Г. 1954 : 162—163), оно выступает лишь в заимствованной из других языков лексике. Поэтому следует интерпретировать мар. *Апашай* и чув. *Апаш* как заимствованные из тат. источника, в котором в свою очередь представляет арабское проникновение: *Аббас* (Гаф. А. ЛК 157) — м.и.

569. Апдалек (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), *Апдялек* В (д. Староваськ.) — м.и. Праформа может быть реконструирована в виде **Апдäлек*. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию трех компонентов: *ап* «очень, пре-» + *дäу* «большой, крупный; старший» и *лäк* «?».

570. *Апделгäний* В (д. Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию двух антропонимических арабоязычных основ: *Абдел* [(<*Аб*+ *Адил* <араб.,) букв. «справедливый»] и *Гäни* (<араб.: Гаф. А. ЛК 161, 176). Вполне возможно, что *а*: *Гани* (ср. тат. *Гани:* СТЛИ 1973 : 30) > *ä* : *Гäни* в мар. ва-

рианте произошло на почве заимствовавшего языка под влиянием предыдущего гласного *а* (проявление закона гармонии гласных).

571. Апдӱш В (д. Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.— составлено из *ап* «очень, пре-» и *тӧш* (др.-тат. **тӱш*) «семя, зернышко, ядрышко» или же? *тӧш* «полдень, время обеда».

Апдялек В — м.и., см. *Апдалек*.

572. Апек В (дд. Ирдуган., Курман., Чупаево Шаран., Ст.-Ямурз. Балт.) — м.и. Выступает и в составе микротопонима *Апек олык* В (д. Рабак — мар. *олык* «луг»). Заимст. из русск. яз.: *Апка* — ласкат. вариант м.и. *Апол, Аполлинарий* (СРЛИ 1966 : 248).

573. Апи Л — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонимов: *Апи корем* (д. Б. Корамас: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 148 : 3. Согласно тополегенде, в овраге стояла усадьба марийца по имени *Апи;* д. Нурмучаш Волж.— мар. *корем* «овраг»). В восточном диалекте употребляется и поныне: *Апи* В (д. Редьк.), *Апий* В (дд. Ирдуган., Сус.-Эбал.) — м.и. Вычленяется вокативн. суф. *-и(й)*. Заимств. из русск. яз.: *Апа* — ласкат. вариант м.и. *Аполлинарий* (СРЛИ 1966 : 248).

574. Апик (Коведяев И.— 1917 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 135), В (д. Редьк.) — м.и. Вычленяется уменьш.-ласкат. суф. *-ик,* что указывает на русск. источник заимств.: *Апа* (СРЛИ 1966 : 248) — ласкат. вариант м.и. *Аполлинарий.*

575. Апика (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85) — ж.и. Заимств. из русск. яз.— представляет женский вариант антропонима *Аполлинария* с уменьш.-ласкат. значением.

576. Аписар (Черных С. Я. — 1978, в. I : 85) — м.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный формант *-сар,* выступающий в составе татароязычных антропонимов и географических названий, образованных от собственных имен:

а) антропонимы: *Янсар:* Янсар Олекин (Вес. С. Б. 1918: 37) — арзамасский татарин (апеллятив *жьан* «душа, дух»).

б) ойконимы: тат. д. Новое *Байсарово* (Янга Байсар), тат. с. Старое *Байсарово* (Иске *Байсар*) в Мензелинском р. ТАССР (ТАССР АТД 138); башк. д. *Байсарово* в Янаульск. р. БАССР (БАССР АТД 311); казах.

оз. *Байсары* в Кокчетавск. обл. (Койчубаев Е. КТСК 28) при аппелятиве *бай* «богатый; богач; хозяин».

Примечательно то, что данный антропоним проник и в мар. яз. из тат. источника: *Пайсар* В (Худяков М. Г.— Архив ЛО АН СССР, ф. 274, оп. 2, ед. хр. 7, л. 9) — мар. князь в Буртеке (Малмыжск. у. Вят. губ., XVI в.); *Пайсаров* 1891 г. В (Граховск. в. Елабужск. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1634 : 9)—ф.; поч. *Пайсарово* в Пилинск. в. Уржумск у. Вят. губ. (МПСВГ 1887, т. 2: 110).

Существительные с суф. *-сар* обозначают место, которое изобилует тем, что выражено основой: *каенсар* (ССТЯ 1974 : 145) «березняк».

577. Апия В — ж.и. Заимств. из русск. яз.— представляет женский вариант антропонима *Апи* (см. выше).

578. Апкалек (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (дд. Б.-Шиды, Бирюбаш, Н.-Васьк., Рефанды, Памаш Мишк.), *Апкалек* В (дд. Кузеево, Балт., Новодюртюк., Стародюртюк., Н.-Бура. Староакбулат.), *Апкалик* В (д. Тиблеево Балт.) — м.и. и соответственно ф. *Апкаликов, Абкалеков.* Заимств. из тат. яз.: *Ап* «?»+*Халик* (<араб.: Гаф. А. ЛК 233; СТЛИ 1973 : 58) — м.и., букв. «создатель».

579. Апканай В (д. Ст.-Яш) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ап* (<*Абу*)+*Гани* (СТЛИ 1973 : 30) — м.и.+ вокатив. суф. *-ай.*

580 Апкандер В (д. Бирюбаш Мишк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ап* (<*Абу*)+*Кандер* (:*Искәндәр* «Искандер») — м.и.

581. Абкәний В (дд. Акуди, Маядык, Н.-Бура, Чишма, Староямурз. Балт.), *Абкани* В (дд. Курман., Оръебаш, Тынбаево, Н.-Яш), *Абканий* В (д. Василово)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ап* (<*Абу*)+*Ганий(й)*— м.и.

582. Апкәрем В (дд. Бирюбаш Мишк., Маг.-Алмант., Т.-Елга), *Апкарим* В (д. Новодюртюк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абу*+*Кәрим* (СТЛИ 1973 : 38; <араб.: Гаф. А. ЛК 198 — букв. «щедрость, великодушие»).

583. Апкәри В (дд. Староямурз. Балт., Т.-Елга)— м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ап* (<*Абу*)+*Кәри* «?» (<*Гәрәй*).

584. Апкерян В (д. Новокульчуб. Бир.) — м.и.

Заимств. из тат. яз.: *Ап (Абу)+Керян* (<*Кäримжäн*—СТЛИ 1973 : 38) — м.и.

585. Аплаз (Коведяев И.—1918 : 17; Черных С. Я.—1978, в. I : 85) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абу+Лäззат* (СТЛИ 1973 : 39; < араб.: Гаф. А. ЛК 200 — букв. «сладость, удовольствие»).

586. Аплай (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (д. Новокульчуб. Бир.), *Äплäй* В (дд. Гарейка, Кузеево Балт.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ап* (<*Абу*)+уменьш.-ласкат. суф. *-лай(-лай)*.

587. Аплакай (Черных С. Я.—1978, в. I : 85), В (дд. Актуг, Калт., Кузеево Балт., Новоямурз. Бир., Стародюртюк., Ст.-Яш, Тибилево) — м.и. и соответственно ф. *Аплакаев*. Заимств. из тат. яз.: *Абла* (см. *Абла:* Гордеев Ф. И. 1980, в. II : 88)+уменьш.-ласкат. суф. *-кай (-кäй)*.

588. Апласай (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85)— м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию *Абла* (см. выше *Аплакай*) и суффиксоида *-сай* «мелкий, неглубокий (о реке); мелкое место в реке; сухое русло реки, покрытое гальками».

589. Аплатов СЗ (д. Ошары) — ф. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию аппелятивов *ай* «луна» и *булат* «сталь».

590. Аплатон (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), *Äплäтон* В (дд. Бирюбаш, Укозяш) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Äбү (:Äбүбäкер*—м.и.)+*платон (плäтон)* «?»

591. Аплеев В (дд. Ирдуган. Янаульск. Сус.-Эбал.) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Апелл, Апеллий* — ласкат. варианты м.и. *Аполлинарий*.

592. Äплекäй В (дд. Маг.-Алмант., Ст.-Ямурз. Балт. Т.-Елга)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Аблей* (Аблаев 1774 г., Уфа — татарин: ДСППВ 1975 : 328)+уменьш.-ласкат. суф. *-кай(-кäй)*.

593. Аплон Л (д. Б.-Лужала Серн.)—м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аполлон*.

594. Апнасыр В (дд. Маг.-Алмант., Новоямурз. Балт.) — м.и. По всей вероятности, представляет тат. проникновение, о чем можно догадаться по характеру конечного композита, восходящего к аппелятиву *сыр* «грань; резьба, узор, резной узор».

595. Апозяк (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85) —м.и. Очевидно, заимств. из тат. яз.: *ап* «очень, пре-» или *Абу (Äбү)* — м.и.+*Озак* (*Азяк*, у татар *Äзäк*)—м.и. Ср. тат.

с. Верхний *Азяк* (Югары *Әзәк*) в Арск. р. ТАССР, Булуш-*Озяк* -- топоним у башкир, 1603 г. (МПИ БАССР, ч. I : 153) при мар. *Азакъял (Озакъял)* — назв. д. (мар. *ял* «деревня»).

596. Апок (Коведяев И.— 1918 : 17)—м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аполка* — ласкат. вариант м.и. *Аполл* (Аполлон). Ономаст В. А. Никонов (— Этим. 1973 : 140) отмечает отчество *Апокин* из нецерковного м.и. *Опока,* но только под вопросом. По всей вероятности, последнее *(Опока)* отражает окающий вариант анализируемого нами антропонима, т. е. представляет северновеликорусскую форму того же м.и.

597. Апока В (дд. Иж-Бобья, М.-Возж.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.— представляет ласкат. вариант того же женского имени, что и м. *Апок* (см. выше).

598. Аполлон Л (пос. Морки, с. Кр. Яр), Г (д. Усола) — м.и. Также встречается в мар. сказках: *Аполлон кугыжа* (Четкарев К. А. 1950 : 18) — владыка Аполлон (мар. *кугыжа* «царь»). Заимств. из русск. яз.: *Аполлон* — широко распространенное среди русских м.и.

599. Апон В (д. Ильнеть ТАССР) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Апонька* — ласкат. вариант м.и. *Аполл, Аполлинарий.*

600. Апонас (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85)—м.и. Заимств. из русск. яз.: *Апанаска, Апанасушка* (СРЛИ 1966 : 248) — ласкат. варианты м.и. *Афанасий.*

601. Апор (Коведяев И.— 1918 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Апроня* — ласкат. вариант м.и. Апроний (СРЛИ 1966:249). Транспозиция звуков могла произойти на мар. почве.

602. Апоч В (д. Бирюбаш Мишк.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аполенька, Аполечка* — ласкат. варианты ж.и. *Аполлинария, Апфия* (СРЛИ 1966 : 248).

603. Аппак В (с. Байса Уржумск. р. Киров. обл.)— м.и., Л (д. Читово) -- м. прозвище: *Аппак Геня; Аппаков* Л (д. Читово) — ф. Тот же антропоним сохранился и в составе мар. ойконима *Мари-Аппаково (Аппаксола*— мар. *сола* «деревня»). По наимен. соседней мар. д. образовался ойконим Русское *Аппаково* в Мар. АССР.

Антропоним *Аппак* заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию *ап* «очень, пре-»+*пагым*>*аппагым* ласк. «беленький мой» или же *бака* (<араб.: Гаф. А. ЛК 168) «вечность, постоянство». Ср. тат. *Баки* (СТЛИ 1973 : 26) — м.и.

604. Апракси Г (д. Яштуга; Ильяков Н. 1957: 19) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Апраксейка* (<греч.: СРЛИ 1966 : 249, 104) — ласкат. вариант ж.и. *Евпраксия*. Букв. «счастье, благоденствие».

605. Апраска Л (д. Уржум-Ноля) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Апрося* — ласкат. вариант м.и. *Ефросин* (СРЛИ 1966 : 249, 114).

606. Апремова Г. (д. Крайн. Шешмары, Яшмолк.) — ф. Вероятно, заимств. из русск. яз., хотя в существующих словарях русских личных имен нам не удалось обнаружить подходящих соответствий.

607. Апсадек (Черных С. Я.—1978, в. I : 85), В (дд. Нововаськ., Староваськ., Староарзамат.), *Апсадек* В (с. Калтаса, д. В. Сорокино) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абу* (ср. *Абсалям:* СТЛИ 1973 : 21) и *Садыйк* (<араб.: Гаф. А. ЛК 222), букв. «истинный».

608. Апсай В (д. Сосновка Мишк. и Мар. комм., 1968, 23 янв.: 4) — м.и. Заимств. из тат. яз.— состоит из двух частей: *Абу* (ср. *Абузар* «Абузар»+*сай* «мелкий, неглубокий...» или же представляет усеченный вариант арабоязычного антропонима *Сайид, Сайад* (Гаф. А. ЛК 222) — м.и.

609. Апсалай (Черных С. Я. — 1978, в. I : 85) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абу*—м.и.+*Сала* «?» при мужских антропонимах *Сала: Салават, Салах* (СЛИН 1979: 141).

610. Апсалам В (дд. Б. и М. Кельтей, Новодюртюк. и Стародюртюк., Н.-Качмаш, Н.-Татья, Тёрсола Балт., Староямурз., Чаки Илиш.), *Апсалам* В (д. Рефанды) — м.и. Встречается и в составе микротопонимов: *Апсалам курык, Апсалам корем* В (д. Новокильбахт.— мар. *курык* «гора», *корем* «овраг»), *Апсалам олык* В (д. Редьк.— мар. *олык* «луг»). Заимств. из тат. яз.: *Апсалам* (<араб.: СТЛИ 1973 : 21) — м.и. при чув. *Епсслем* (Ашмарин Н. И. 1929 : 22) — м.и.

611. Апсалек (Черных С. Я. — 1978, в. I : 85), В (дд. Ирдуган., Рефанды, Сосновка Мишк.), *Апсалек* В (дд. Н.-Качмаш, Баймурз. Мишк., М.-Кельтей, Староямурз. Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Абу*+*Салих* (СТЛИ 1973 : 51) — м.и.

612. Апсалий В (дд. Б. Кельтей, Новокульчуб. Бир.), *Апсалий* (Черных С. Я. — 1978, в. I : 85), В (дд. Старокульчуб. Мишк.) — Заимств. из тат. яз.: *Абу*+*Сали* — возможно, усеченный вариант мужских

антропонимов *Салих* или *Салик*, каковые, например, употребляются в туркм. яз. (Гаф. А. ЛК 223).

613. Апсәлик В (дд. Ирдуган., Сус.-Эбал.), *Апсалик* В (с. Чураево) — м.и. соответственно ф. *Апсаликов*. Заимств. из тат. яз.— см. *Апсалек*.

614. Апсәм В (д. Маг.-Алмант.) лишь в составе микротопонима: *Апсәм пӱйӓ* (мар. *пӱйӓ* «пруд»), *Апсам* (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (д. Курман.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Апсәләм*>*Апсәм* — возможно, на почве западного диалекта тат. яз.

615. Апсатар (Коведяев И.— 1918 : 17), В (дд. Байгильд. Дюрт., Б. и М. Кельтей, Калтак, Курман., Новодюртюк, Рефанды, Староямурз. Балт., Филимон.)— м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абӱ*+*Саттар* (<араб.: Гаф. А. ЛК 225) — м.и.

616. Апсатыр (Черных С. Я. — 1978, в. I : 85)— м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абӱ* — м.и.+*Сатыр* «?» — возможно, представляет редуцированный вариант антропонима *Саттар*.

617. Аптай (Коведяев И.—1918 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (д. Рефанды) — м.и. Заимств. из тат. яз : *Абӱ* — м.и.+*тай* «дядя и дед по матери».

618. Аптас (Коведяев И.— 1918 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), *Аптась* В (дд. Б. Кельтей, Н.-Качмаш, Н.-Татья, Такия, Чабаевка) — м.и. В луговом диалекте мар. яз. сохранился лишь в составе гелонима *Аптас куп* Л (д. М. Пораты — мар. *куп* «болото»). Заимств. из тат. яз.— возможно, представляет контаминацию м.и. *Абӱ* и *Дастан*.

619. Аптелгали В (д. Староямурз. Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдел*+*Гали* (СТЛИ 1973 : 30) — м.и.

620. Аптеней В (Черных С. Я. — 1978, в. I : 85)— м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абӱ*—м.и.+*Тен* «?»+вокативн. суф. *-и(й)*.

621. Апти В (с. Мишк.), *Аптий* (Коведяев И.—1918: 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (дд. Н.-Качмаш, Новокильбахт., Староямурз. Балт., Т.-Елга), *Апти* В (дд. Ирдуган., Староакбулат. Мишк., Сус.-Эбал.), *Аптий* В (д. Калтак.) — м.и. У горных мари отмечается лишь как древнемарийское м.и. (давно умерших предков): *Апти* Г (д. Яштуга) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абӱ*— м.и.+*Тай* «?»

622. Аптола В (дд. Н.-Татья, Чабаевка), *Абдол-*

ла В (д. Анач.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдулла* (СЛИН 1979 : 129) — м.и. Встречается почти во всех тюркских языках как арабское проникновение — букв. «раб Аллаха».

623. Аптрай (Коведяев И. — 1918 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), *Аптрай* В (д. Бирюбаш) — м.и. и соответственно ф. *Аптраев*. Заимств. из тат. яз.: *Абдур: Абдуррахман* (<араб.: Гаф. А. ЛК 159, 219) — м.и. букв. «раб милостивого Аллаха»). В мар. усеченном варианте конечным компонентом выступает вокативн. суф. *-ай*.

624. Аптраки В (д. Новокульчуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдуррахи<Абдуррахим* (<араб.: Гаф А. ЛК 159, 219) — м.и.

625. Аптраш (Черных С. Я.—1978, в. I : 85) — м.и. Заимств. из тат. яз.: Абдур+уменьш.-ласкат. суф. *-аш*.

626. Аптри (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (дд. Н.-Бура, Новоключево), *Аптрий* В (дд. Иж-Бобья, Н.-Татья, Курман, Такия, Новокульчуб.), Л, В (Коведяев И.— 1918 : 17; Юзыкайн А. 1967 : 13), *Аптри* В (дд. Анач., Акуди, Усак. Бир., Тюльди), *Аптыри* В (дд. Б. и М. Кельтей, Маг.-Алмант.) — м.и. и соответственно ф. *Аптриев*, в том числе в произведениях мар. худ. литературы 20-х гг. нашей эпохи («У илыш», 1925, № 11—12 : 20). Ср. *Аптриевы* Д. К и А. К. (д. Бабаево Бир.) — мар. просветители и собиратели фольклора в начале XX в.

В прошлом широкое распространение имел антропоним *Аптри(й)* и среди луговых мари, о чем говорит, например, микротопоним *Аптри корем* (мар. *корем* «овраг») возле д. Большой Нольдур Куженерск. р.: по рассказам старожилов, в глубокой древности на этом месте была мар. д. *Аптри*, жители которой после повальной болезни покинули ее, обосновав вблизи новые илемы (мар. *илем* «усадьба; жилое место, жилье»), откуда ныне берут свои начала современные мар. дд. *Куго Нольдур (Большой Нольдур)*, *Ывансола (Ивансола* — мар. *сола* «деревня» — Петров Л.— 1980 : 3).

Анализируемый антропоним *Аптрий (Аптрий)* этимологически восходит к тат. источнику. Ср. *Абдрей: Абдрей* Ибраев (ДСППВ 1975 : 329) — татарин, сподвижник восстания Е. И. Пугачева, 1773 (<араб *Абдир* (Гаф. А ЛК 159). В мар. варианте конечный компонент *-ий*, как

и тат. *-ей: Абдрей,* представляет вокативную форму в уменьш.-ласкат. значении.

627. Аптрик Л — м.и., сохранившееся лишь в микротопониме *Аптри корем* (д. Койсола — мар. *корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз.: *Абдрей* (>мар. *Аптри*)+ уменьш.-ласкат. суф. *-ик*. Осложнение морфологическим формантом, следует полагать, произошло уже несколько позднее на мар. почве.

628. Аптрос (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85) — м.и. Вероятно, заимств. из русск. яз.: *Апрося* (СРЛИ 1966: 249) — ласкат. вариант м. и. *Ефросин.*

629. Аптрук Л (д. Шурашенгер)—м.и. Заимств. из тат. яз.— см. *Аптри(й),* но на мар. почве он был осложнен уменьш.-ласкат. суф. *-ук,* в свою очередь заимствованным из русск. яз.

630. Аптук В (дд. Н.-Татья, Чабаевка) — м.и., и соответственно ф. *Аптукаев* В (д. Калмаш: Мар. комм., 1973, 12 июля: 4). Заимств. из тат. яз.: *Абдулкай* — м.и. <*Абдул*+уменьш.-ласкат. суф. *-кай(-кäй).*

631. Аптул В (д. Норкино) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул.* Фонетическое видоизменение арабоязычного антропонима *Абдул>Аптул* могло произойти на тат. почве, на что указывают данные памятников тат. письменности: *Аптулов: Аптулов* Ейлев 1735 г. (В. В Вельям-Зернов — 1864, № 6 : 18) — татарин.

632. Аптула В (дд. Ирдуган. Янаульск., Староакбулат., В.-Никольск. Аскинск., Сус.-Эбал.) — м.и. и соответственно ф. *Аптулаев.* Заимств. из тат. яз.: *Абдулла* (<араб.: Гаф. А. ЛК 158), букв. «раб Аллаха».

633. Аптулай В (дд. Кузеево Балт., Кояново, Норкино, Сус.-Эбал.) — м.и. Жители указанных селений антропонимы *Аптула* и *Аптулай* различают как самостоятельные имена, хотя в сущности различие между ними лишь условное: в первом выступает вокативн. суф. *й* в уменьш.-ласкат. значении, во втором же зват. форманта нет.

634. Аптулбалий: *Аптулбалиевна* (1906 г. рожд.) В (д. Ирдуган. Янаульск.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдулвали* (<араб.: Гаф. А. ЛК 158), букв. «раб. Святого».

635. Аптуликсан В (д. Ирдуган. Янаульск.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдулихсан<Абдул+Ихсан* (СТЛИ 1973 : 38) — м.и.

636. Аптулман В (дд. Курман., Рефанды, Чу-

паево), *Аптылман* (Юзыкайн А.— 1975 : 211) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдулманнан* (<араб.: Гаф. А. ЛК 158), букв. «раб Щедрого (Аллаха)».

Аптулов В — широко распространенная среди восточных мари ф. Заимств. из тат. яз.— см. *Аптул.*

637. Аптуш В (дд. Ирдуган. Янаульск., Новокульчуб. Бир., Курман., Рефанды) — м.и. Однако в том же говоре д. Рефанды тот антропоним выступает в виде *Аптӱш,* что в свою очередь позволяет реконструировать праформу рассматриваемого антропонима в виде *Аптӱш,* который, на наш взгляд, образовался на тат. почве контаминацией *Ап* «?» (< ? *ап* «очень, пре-») и **тӱш* «ядро; семя» или же «полдень, время обеда» — т. е. «родившийся в полдень». **Тӱш* в данном случае отражает более древнюю форму оригинала, чем современное (тат.) *төш.* Ср. кирг. *тӱш* «тж».

638. Аптӱк В (д. Рефанды) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Әбӱ : Әбӱбәкер, Әбӱзәр* (СТЛИ 1973 : 21) — м.и.+ *тӱк (төк)* «?».

639. Аптыган (Черных С. Я.—1978, в. I : 85)—м.и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, восходит к антропониму *Абдулгани* (Гаф. А. ЛК 158), хотя конечный формант *-ган(-гән)* должен был бы предполагать его отглагольное образование. Ср. (тат.) *йоклаган* «уснувший; спящий» при *·йоклау* «спать, дремать»; *күргән* «виденный» при *күрү* «видать, видеть».

640. Аптык (Коведяев И.—1918 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (дд. Баймурз. Мишк., Н.-Татья, Такия, Чабаевка), *Әптәк* В (д. В.-Никольск. Аскинск. р., Акуди, Усак. Бир) — м.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает башк. ойконим *Аптиково* в Ишимбайск. р. БАССР (БАССР АТД 169). По-видимому, составлен из *ап* «очень, пре-» и *тек* «?».

641. Аптыкай В (дд. Курман., Н.-Бура, Новокульчуб., Сосновка Мишк.), *Әптыкәй* В (дд. Б. и М. Кельтей) — м.и.: Коведяев И.—1918 : 17; Черных С. Я.—1978, в. I : 85) и соответственно ф. *Аптыкаев* В (д. Баймурз. Октябрьск. р. Пермск. обл.). Заимств. из тат. яз.— представляет образование с помощью уменьш.-ласкат. суф. *-кай(-кәй)* от *Аптык* (см. выше).

642. Аптыкий В (Коведяев И.— 1918 : 17; Черных С. Я.—1978, в. I : 85), Л (д. Вожнедур) — м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет осложнение мар. вокативн. суф. *-ий* тат. антропонима *Аптик* См. *Аптык.*

643. Аптыкәрем В (д. Н.-Качмаш)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Әптик+Кәрим* (СТЛИ 1973 : 38)—м.и.

644. Аптыл (Черных С. Я.—1978, в. I : 85), В (дд. Нуреево, Чупаво, Осиновка Муслюм.), *Әптәл* В (дд. Акуди, Усак. Бир.) — м.и. Заимств. из тат. яз.—см. *Әптул*. Трудно указать на причину появления гласных *ә* и *ы* в мар. варианте *Әптәл*.

645. Аптылай (Черных С. Я.—1978, в I : 85), В (д. Н.-Бура)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Әптул+*вокативн. суф. *-ай* в уменьш.-ласкат. значении.

646. Аптылбай В (Черных С. Я.—1978, в. I : 85)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Әптул+бай* «богатый; богач; хозяин».

647. Аптәлбәли В (дд. Калтак., М.-Буляр), Аптәлвәли В (д. Кузеево Балт.), Әптәлвәлий В (д. Н.-Качмаш), Аптылбали В (д. Чишма) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Әптул+бала* «дитя» (*бәлли: бәлли бау* «баю-бай, баиньки».)

648. Аптәлгәни В (дд. Маг.-Алмант., Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул+Гани* (СТЛИ 1973 : 31) — м.и.

649. Аптылбахет В (д. Бирюбаш)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул+бәхет* «счастье, удача».

650. Аптылгарай В (д. М.-Буляр)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул+Гәрәй* (СТЛИ 1973 : 30)—м.и.

651. Аптылман (Коведяев И.— 1918 : 17; Черных С. Я.— 1978, в. I : 85), В (д. Маг.-Алмант.), *Әптәлмән* В (дд. Бирюбаш, Кузеево Балт., Рефанды)—м.и. Заимств. из тат. яз.: Абдулмәнан<Абдул+*Мәннан* (СТЛИ 1973 : 40) — м.и.

652. Аптылназар В (Черных С. Я.— 1978, в. I : 85) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул+Назар* (СЛИН 1979 : 135) — м.и.

653. Аптырай В (д. Рефанды), *Әптырәй* В (д. Б. и М. Кельтей)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдур* [<*Абдурраби* < араб.: Гаф. А. ЛК букв. «раб Воспитывающего (Аллаха)»] + вокативн. суф. *-ай* в уменьш.-ласкат. значении.

654. Аптәраш В (дд. Б. и М. Кельтей), *Аптыраш* (д. Н.-Татья) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдуррашид* (<араб.: Гаф. А. ЛК 159) — м.и.

655. Әптәрвәли В (д. Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдур+бәлли: бәлли бау* «баю-баю, баиньки».

656. Аптырганий В (д. Кузеево Балт.), *Аптырганий* В (д. Маг.-Алмант.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдур Гани* — м.и.+вокативн. суф. *-ий*.

657. Аптырий В (дд. Н.-Бура, Н.-Качмаш, Редьк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдур*+вокативн. формант *-ий*. Такого же арабоязычного происхождения и чув. антропоним *Ептёри* (Ашмарин Н. И. 1929 : 22)— м.и.

658. Аптыш (Черных С. Я.—1978, в. 1 : 85), В (Н.-Качмаш) — м.и. Сохранилось также в составе микротопонимов: *Аптыш лук* Л (Куженерск. р.: МДЭ МарНИИ—1970 г., тетр. № 155, л. 37; записи И. С. Галкина — мар. *лук* «угол») — назв. поля; *Аптыш корем* Б (д. Чемаево Каранд.— мар. *корем* «овраг»), *Аптыш тарла* В (д. Калтаево — мар. *тарла* В «речушка, протекающая в узком овраге», заимств. из тат. яз.: *тарлау* «тж», башк. *тарлауык* «ущелье; теснина; узкое место: проезд, проход в горах»).

Восходит к тат. источнику — по всей вероятности, представляет отыменное образование с помощью суф. *-тыш* от *йăп* (ДСТЯ 1969 : 182) «ветвь дерева». Отпадение *й* как в начале, так и в конце слов наблюдается и в других случаях мар. яз. Ср.:

йытын Л, В, *итын* Г, СЗ «лен» — проникло из тат. яз.: тат. *жытен, йитен,* чув. *йётён* «тж»;

йытыр Л, В, *итыр* Г, СЗ «скакалка» — восходит к чув. источнику: *йётёр* «тж» — считается персидским заимствованием: перс. *jendere* (ЭСЧЯ 1964 : 81) «скакалка».

659. Апуй В (дд. Акуди, Н.-Качмаш) — м.и., соответственно и ф. *Апуев* В (д. Усак. Бир.). Заимств. из тат. яз.: *Абу* (<араб.: Гаф. А. ЛК 160) — м.и.

660. Апук В (дд. Актуг. Калт., Н.-Качмаш, Озерки Мишк.), *Апук* В (д. Кузеево Балт., Ст.-Яш) — м.и. Возможно, восходит к тат. источнику: *Апуй*+(мар. уменьш.-ласкат. суф.) *-ук*.

661. Апул В (дд. Б. и М. Кельтей, Актуг. Калт.)— м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абулфазл* (<араб, букв. «превосходный»), *Абулфатх* (<араб.: Гаф. А. ЛК 160, букв. «победитель») — м.и.

662. Апулай В (д. Рефанды)—м.и. Заимств из тат. яз.: *Абулфазл, Абулфатх.* Конечным компонентом выступает зват. формант *-(а)й*.

683. Аргамач—м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Аргамач*—офиц. назв. мар. д. *Аргамсир*

через посредство тат. яз. из русск. источника: *Апрося* — ласкат. вариант ж.и. *Ефросиния*.

664. Апуч В (д. Нововаськ., Рефанды) — ж.и. Заимств. из тат. яз., см. *Апусь*.

665. Апуш В (д. Кузеево Балт.)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Опушка* — уменьш.-ласкат. вариант ж.и. *Опа* (СРЛИ 1966 : 335).

666. Апӱк В — м.и. Заимств. из тат. яз., см. выше *Апук*.

667. Апӱсь В — ж.и. Заимств. из тат. яз., см. *Апусь*.

668. Апӱт В (д. Редьк.) — м.и. Возможно, проникло из тат. источника — представляет контаминацию аппелятивов *ай* «луна» и *бута* (ДСТЯ 1969 : 98) «пояс».

669. Апхалек В (д. Ст.-Яш.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдулхалек* (<араб.: Гаф. А. ЛК 158), букв. «раб Создателя (Аллаха)».

670. Апча В (д. Н.-Татья) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Овочка* — уменьш.-ласкат. вариант ж. антропонима *Иова*.

671. Апчай В (дд. Рефанды, Стародюртюк. Балт.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Овочка* — уменьш.-ласкат. вариант. м. антропонима *Иов*. В конце его выступает суф. звательной формы *-(а)й*.

672. Апчеп В (д. Н.-Татья.) — м.и. Возможно, восходит к русск. источнику: *Овочка→Овочев→Апчеп*.

673. Апчи В (д. М.-Буляр)—м.и., Л (д. В.-Азъял)— м. прозвище, а также сохранилось в составе лимнонима *Апчи ер* Л (д. В.-Азъял — мар. *ер* «озеро») и бранного выражения *Апчи меран* Л (д. В.-Азъял — мар. *меран* «заяц») — о трусливом человеке. По всей вероятности, представляет русск. заимств.: *Апча* (см. выше)+вокативн. суф. *-и(й)*. Такого же происхождения *Апчиков* Л (д. Данилкино Волж.) — ф.

674. Апшат — один из компонентов мар. псевдонима мар. журналиста, поэта, редактора журнала «Ушлыш» и газеты «Автостроевец» (г. Горький) Кузнецова Максима Васильевича. Представляет кальку с русск. *Кузнецов* на мар. яз.: *апшат* «кузнец».

Ему паронимичны образования в составе микротопонимов: *Апшат урем* Л (д. Кожлаер — *урем* «улица») — назв. дано по месту проживания — расположения дома кузнеца Павла; *Апшат йӓр* Л (д. Сарамбаево) — мар. *Г йӓр* «озеро») — кузница возле озера, т. д.

675. Апылай В (д. Актуг. Калт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абдул*+вокативн. суф. *-ай*.

676. Апыс В (д. Чабаевка) — ж.и. Вероятно, представляет редуцированный вариант ж. антропонима *Апусь* (см. выше).

677. Апъяли В (дд. Стародюртюк. Балт.), *Апъялий (Ӓпъйӓлий)* В (дд. Актуган. Калт., Ст.-Яш) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Абу+Ямали* (СЛИН 1979 : 149) — м.и.

678. Апъяндов Л (д. Усола Волж.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Абу+жьанд* «?».

679. Аракаш Д (д. Кузнецы Новоторъяльск.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аракашка* — уменьш.-ласкат. вариант антропонима *Аркадий*.

680. Аракче В (д. Ст.-Ямурз. Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз., как и русск. *Аракчей, Аракчеевы* от аппелятива *аракы* «водка; вино», образованного с помощью суф. *-чы (-че)*, придающего существительному результат действия — букв. «делающий водку; пьяница». Ср. *Аракчей:* Василий Фомич *Аракчеев*, помещик, 1619 г., Новгород; Евстафий *Аракчей*—крещенный татарин, дьяк великого князя Василия Темного, середина XV в. (Вес. С. Б. Он. 14): *прозвище→антропоним*. Встречается и в составе русских микротопонимов: пос. *Аракчино* в Киров. обл., наимен. которого Ф. Г. Гарипова (—1980: 149) этимологически связывает с ногайским этнонимом *оракши (>аракчино)*, принимавшим участие в этническом сложении тат. народа, что фонетически *(-кшы> -кчы)* для русско-татарских звуковых соответствий сомнительно.

681. Арарат Л (д. Шургесола Морк.) — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Арарат урем* (мар. *урем* «улица»). Заимств. из русск. яз.: *Арарат* — гора в Турции, у границы с Армянской ССР.

682. Арафин Г (д. Паулкино) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Арефка, Арефий* (<араб.: СРЛИ 1966: 55—56) — м.и.

683. Аргамач — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. *Аргамач* — офиц. назв. мар. д. *Аргамсир* Килемар. СЗ. Восходит к имени одного из основателей селения *Аргамач*, заимств. из русск. яз.: *аргамак* «рослая породистая восточная лошадь», *аргамачник* (Даль I : 21) «конник, конный воин».

684. Аргус Г — псевдоним классика мар. литера-

туры Н. В. Игнатьева (Васин К. ПМЛ 12—13). Заимств. из русск. яз.: *Аргус* (<греч.: Даль I : 21).— м.и. букв., «человек, зоркий во все стороны».

685. Ардуш В (д. М. Кельтей) — м.и. Заимств. из русск. яз., на что указывает конечный компонент *-уш*, широко представленный в русских антропонимах как уменьш.-ласкат. суф.: *Оптуш* XVII в. (Селищев А. М. 1968 : 126) — уменьш.-ласкат. вариант м.и. *Онтон* (Антон).

686. Арена В (д. Н.-Иванаевка Балт.) — м.и. Вероятно, заимств. из русск. яз.: *Аринка* — ласкат. вариант ж. и. Ирина (СРЛИ 1966 : 249).

687. Арий — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Арий* — народное назв. мар. д. *Артемейково* в Ачитск. р. Свердл. обл. (: МДЭ МарНИИ—1960, тетр. № 76, л. 3 — запись И. С. Галкина). Наимен. дано по имени одного из основателей селения *Арий*, как и Артемей. Оба антропонима заимств. из русск. яз.: *Арий* (<др.-евр., букв. «лев»), *Артемий* (СРЛИ 1966: 56, 49; греч., букв. «невредимый, здоровый»). Тот же антропоним выступает и в составе лесного массива *Арирезка* в Кундыжск. в Яран. у. Вят. губ. (МФЭ МарНИИ— 1966 г., тетр. № 32, л. 111).

688. Арик — м.и., сохранившееся лишь в составе гидронима *Арик энер* Л (д. Весьшурга: МДЭ МарНИИ—1964 г., тетр. № 118 : 22—мар. *энер* «река»). Заимств. из русск. яз.: *Арик* (СРЛИ 1966 : 248)—ласкат. вариант мужских имен *Арефий, Ариан, Арий, Арикс, Арион, Аркадий, Архип*. Параллельное назв. того же гидронима *Арым энер* также этимологически восходит к одному из только что приведенных м. антропонимов — *Арион*, в котором *н*>*м* могло произойти на мар. почве.

689. Арин I Л (с. Ст.-Торъял) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Ариан* (<греч.: СРЛИ 1966 : 249, 56), букв. «лев».

690. Арин II (д. М.-Купта)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ариадна* (СРЛИ 1966 : 56), букв. «очень нравиться».

691. Арина Л (д. Юледур Совет.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Арина* — народная форма ж. антропонима *Ирина* (СРЛИ 1966 : 56).

692. Аристэ — ф., заимств. через посредство русских из эст. яз. Восходит к эстонизированному антропониму *Аристон* (<греч.: СРЛИ 1966 : 249, 56), букв.

«самый лучший». *П. А.Аристэ* — один из ведущих современных финно-угроведов, сделавший большой вклад в развитие и в подготовку научных кадров для Мар. АССР.

Этот же антропоним встречается и в фольклорно-диалектологических записях МарНИИ: русск. д. *Аристово* в Никольск. с/с Яран. р. Кировск. обл. (МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118 : 73); русск. д. *Аристово* в Зубцовск. у. Твер. губ. (СНРИ 1862, т. XLIII : 137). Встречается и в осет. яз., которое мы должны рассматривать как пароним: *Аристахой* — назв. горы в Ингушетии: *арист* значит «люди» от иран. *arsa* (Алборов Б.—1929, т. I : 93), букв. «человек» в форме мн. числа.

693. Аркади Г (д. Юнго-Кушерга, также отмечает и А. А. Саваткова — 1969 : 89), В (дд. Анач, Тюльди, Курман., Новокульчуб, Бир., Н.-Татья, Осиновка), В (дд. М.-Буляр Муслюм.), Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк, Шеменермучаш; с. Кокшамары) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аркадия* (<греч.: СРЛИ 1966 : 57), букв. «уроженец Аркадии».

К тому же русскому источнику восходит термин *Аркади юмо* Л (д. Кораксола Морк.—мар. *юмо* «бог»).

694. Аркась Л (д. Кужмара Зв.) — м.и. Возможно, заимств. через чув. посредство из русск. яз.: *Аркадий*. Ему паронимичен микротопоним *Аркаси* Л — так называют кокшамарцы жителей соседней деревни Липша Зв., восходящий к чув. источнику. Ср. чув. д. *Аркасы* (об этом см.: ЭСМЯ I : 145).

695. Аркати Л (с. Кр. Яр) — м.и. Заимств. из русск. яз., ср. с. *Аркатово* в Казан. губ. (Крылов С. М. — 1914, в. 2 : 6), д. *Аркатово* в Грязовецк. р. Волг. обл. (Волг. обл. АТД : 165) : наимен. даны по именам одного из основателей селения, на что указывают и соответствующие антропонимы, сохранившиеся в памятниках русской письменности: *Аркат, Аркатовы—Аркат* Семенович Малыгин, 1568 г., г. Ярославль; Иван Семенович *Аркатов*, 1604 г., г. Казань (Вес. С. Б. Он. 15).

696. Аркäш В (д. Анач.), *Аркаш* Л (сс. Н.-Торъял, Сернур: Саваткова А.А.—1969 : 89), *Аркäшä* В (д. Актуган Калт.) — м.и. Заимств. из русск. яз.— представляют ласкат. вариант антропонима *Аркадий*.

697. Арки Л — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. назв. *Арки починга* (офиц. Осиновый ключ) в Серн. р. (МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118:49):

мар. *починга* < русск. *починок*. Наимен. дано по имени одного из основателей селения *Арки*, заимств. из русск. яз.: *Арка* (СРЛИ 1966 : 248) — ласкат. вариант м.и. *Армений, Тарах* + мар. вокативн. суф. *-и(й)* в уменьш.-ласкат. значении.

698. Аркип Л (д. Шурашенгер Серн., Эмеково), *Аркип* (д. Айбылат) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Архип* — разг., *Архипп* (< греч.: СРЛИ 1966 : 59) — офиц. К тому же русск. источнику восходит м. антропоним у крещенных татар *Аркип* 1894 г. (Воскр. А. 1894 : 37) «Архипп».

699. Аркит Л (дд. Бахутк., Б. Кулеял, Эмеково, Часовен., с. Кр. Яр) — м.и. Они представлены и в составе гелонима *Аркит куп, Аркит лап* Л (Кукшенерск. с/с Волж., МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 188 : 11 — мар. *куп* «болото», *лап* «низина; низкий; низко»), годонима *Аркит урем* Л (д. Кожласола Петьяльск.: МДЭ МарНИИ — 1975 г., тетр. № 150:27 — мар. *урем* «улица»). *Л* > *т* для мар. фонетики не характерен, соответствующих параллелей не удалось обнаружить и в русских справочниках по антропонимике. Очевидно, рассматриваемое м.и. восходит к русск. диалектному источнику: *Архип* — м.и.

700. Аркия В (д. Н.-Татья) — ж.и. Заимств. из русск. яз. — представляет ласкат. вариант *Арка* (СРЛИ 1966 : 249) — ж.и.

701. Аркуль В — мар. назв. мар. д. *Аркуль* в Кильмезск. с/с Киров. обл.: МДЭ МарНИИ — 1963 г., тетр. № 110 : 31). Наимен. дано по имени одного из ее основателей, заимств. из русск. яз.: *Аркуля* — по-видимому, представляет уменьш.-ласкат. образование с помощью форманта *-ул(я)* антропонима *Арка* (СРЛИ 1966 : 249) — ласкат. вариант м.и. *Армений, Тарах*. Ср. *Миша — Мишуля, Саша — Сашуля*.

702. Аркуш Л (д. Старокрещено Орш.) — м.и. Заимств. из русск. яз. — представляет ласкат. вариант антропонима *Арка* (см. выше) — м.и.

703. Аркыси Л (д. Сидельник.) — назв. одной из частей мар. д. Сидельниково Зв. Согласно тополегенде, микротопоним связан с его географическим характером — восходит к аппелятиву *аркасе* Л, В «находящийся на возвышенности, на холме» (*арка* «возвышенность, холм» + суф. относит. прилаг. *-се*). Вероятно, заимств. из русск. яз.: *Аркасия* — ласкат. вариант м.и., ср. *Аркась*

Л (д. Кужмара Зв.)—м.и. (см. выше). К тому же русск. источнику, на наш взгляд, восходит и чув. *Арккуç* (Ашмарин Н. И. 1929, в. II : 3) — личное язык. имя женщины.

704. Арляки Л (д. Тошнер), *Арлякий* Л (д. Янашбеляк) — м.и. Заимств. из русск. яз.— вероятно, представляет акающий вариант м. антропонима *Орлик* В мар. варианте его выступает вокативный показатель *-и(й)*.

705. Ӑрмӓншӓ В (дд. Актуган. Калт., Кузеево Балт., Стародюртюк., Тӧрсола) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӑрмӓншӓ* — ж.и., составленное из (<араб.-перс. *ӓрмӓн* «желание, стремление, чаяние; печаль, сожаление, раскаяние; неисполненное желание, заветная мечта, греза»: АТРСЗ 1965 : 742)+*-шӓ*, выступающий в татароязычных антропонимах: *Арапша* 1377 г. (ВТ — 1880, № 7—8: 14) — татарский царевич, союзник Мамая; компонент *-шӓ* восходит к аппелятиву (тат.) *шӓйх* (АТРСЗ 1965 : 708) «старик, старец; шейх, глава племени; предводитель; духовный вождь; ишан». Ср. *Арман (Ӑрмӓн)*— широко распространенное среди тюрков м.и. (Гаф. А ЛК 165) при вышеуказанном аппелятиве *арман* «чаяние, мечта».

706. Армурза В (дд. М.-Буляр, Осиновка Муслюм.) — м.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *-мурза* (<др.-тат. *мурза* кирг. *мурза* «господин») при современном тат. *морза* «господин; человек, принадлежащий к привилегированному классу». Начальный композит, по всей вероятности, связан с аппелятивом *ӓр* «стыд; самолюбие».

707. Арна — м.и. сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Арнамучаш* СЗ 1804 г. в Яран. у. Вят. губ. (ЦГАДА 1904 г., ф. 1355, № 358 : 47 — записи И. С. Галкина: мар. *мучаш* «конец»). Заимств. из русск. яз.: *Арноша* (СРЛИ 1966 : 249) — ласкат. вариант м.и. *Арнольд*.

708. Ӑрнӓ В (с. Чураево), *Арни* В (д. Староакбулат.), *Арний* В (д. Айбылат), *Арняй* В (д. Нововаськ.)— ж.и., в конце которых выступают форманты зват. формы *-ий, -(а)й*. Заимств. из тат. яз.— см. *Арнявий*.

Арни — ж.и., см. выше *Ӑрнӓ*.

Арний В — ж.и., см. выше *Ӑрнӓ*.

Арняй В — ж.и., см. выше *Ӑрнӓ*.

709. Арнявий Л (д. Изоткино Зв.)—ж.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает суффиксоид *-бий*, восходя-

щий к аппелятиву *бий* «особа знатного происхождения», узб., туркм. *бэй* «тж».

710. Арпаш Л (с. Кукнур) — м.и. Заимств. из тат. яз., ср. тат. д. *Арбашево* в Аскин. р. БАССР (БАССР АТД 34), тат. с. *Арбаш* в Арск. р. (ТАССР АТД 27) — вычленяется формант *-баш,* этимологически связанный с аппелятивом *баш* «голова».

711. Арпик I Л (дд. Кораксола Морк., Коркат, Кукмарь Сов., Кюшнур Медв., Маскародо Сов., Посанур, Пуял, Ст. Юледур, Читово, Чодраял Куженер., Яльчик, с. Великополье) — м.и. Заимств. из русск. яз.: Арпик — по-видимому, отражает диалектный вариант антропонима *Архипп.* Ср. *Арька* (СРЛИ 1966 : 250) представляет ласкат. вариант м.и. *Архипп.*

712. Арпик II — псевдоним мар. драматурга и критика 20-х гг. XX в. (Васин К. ПМЛ 13) Архипа Дмитриевича Белкова. Заимств. из русск. яз., см. *Арпик.* В основе псевдонима лежит его собственное имя.

713. Арсанай Л (Галютин Ю.— Мар. комм 1976, 8 мая: 41) — м.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный формант *-анай,* выступающий в составе тат. слов. Ср. *багана* «столб» < *баг* «предмет для связывания» + *-ана(й)* (Ган. Ф. СССТЯ 128).

714. Арсебек СЗ — м.и., сохранившееся в составе мар. ойконимов (поч.) *Арсебеково,* или Черемисское Тарасово, д. *Арсебеково,* или Красногорье, в Пибаевск. в. Яран. губ. (ММСВГ 1893 г., т. IX, ч. 2: 14,3). Сюда же относится д. Русское Тарасово, или поч. *Арсебеков* в той же волости — назв. дано по наименованию соседней мар. д. Заимств. из тат. яз.: *Арсай* 1852 г. (Бабста И. 1852 г.: 105) — татарин + суффиксоид *-бек,* исторически восходящий к аппелятиву *бек* «князь, господин; дворянин». Такого же тат. происхождения русское *Арсебеков* (с. Галицкое Николаевск. в. Яран. у. Вят. губ. (ГАК 574, оп. 1, ед. хр. 1819).

715. Арсек I Л (дд. Энгервож Зв., Янашбеляк) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Арсека* — ласкат. вариант ж.и. *Арсения* (СРЛИ 1966 : 250).

716. Арсек II Г (д. Куликалы) — м.и. и соответственно ф. *Арсеков.* Заимств. из русск. яз.: *Арсек* (СРЛИ 1966 : 250) — ласкат. вариант м.и. *Арсений.*

717. Арсен Л (д. Янаево), *Арсений* В (дд. Курман., Чупаево Шаран.), *Арсень* Г (дд. Карманеры, Кузнецово, Панькино, Тамарайкино) — м.и. Заимств. из русск.

яз.: *Арсенька* — ласкат. вариант м. и. *Арсений* (СРЛИ 1966 : 250).

718. Арсеньти Г (д. Юнго-Кушерга) — м.и. при чув. м. антропониме *Арҫҫентти* (Ашмарин Н. И. 1929: 72). Оба восходят к русскому диалектному варианту антропонима *Арсений.*

719. Арсинга Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк, Кукморь Сов., Маскародо, Куркумбал Сов., Яндимирово), *Арсинке* Л. (с. Кр. Яр) — м.и. Заимств. из русск. яз., представляет разговорный вариант антропонима *Арсинка.*

720. Арски Л (д. Усола Волж.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Арсакий* (СРЛИ 1966 : 250) — ласкат. вариант м.и. *Арсений.*

721. Арский Л — псевдоним мар. журналиста, очеркиста Кошкина *Арсентия* (Васин К ПМЛ 13), печатавшегося на страницах газеты «Марий коммуна» в 50-х гг. XX в. Новообразование автора от ласкат. варианта его имени *Арсакий.*

722. Арслангарай В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы), *Арслангарей* В (д. Еммет.) — м.и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию двух именных основ: *арслан* «лев» и *Гәрәй* (СРЛИ 1966 : 24, 30) — м.и.

Конечный компонент *-ей: Арслангарей* является вокативным суф. мар. яз.

723. Арсыни Г (с. Арда) — м.и. Заимств. из русск. яз.: представляет ласкат. вариант м.и. *Арсений.*

724. Арта В — м.и., сохранившееся лишь в составе гидронима *Арта энер* (мар. *энер* «река») в Артинск. р. Свердл. обл. (МДЭ МарНИИ—1961 г., тетр. № 100 : 20). Заимств. из русск. яз.: *Арта* (СРЛИ 1966 : 250) — ласкат. вариант м.и. *Артемий.*

Сюда же следует отнести мар. ойконим *Артиаул* в Артинск. р. Свердл. обл. (МДЭ МарНИИ — 1961 г., тетр. № 100 : 17), представляющий контаминацию *Арта*— м.и. в звательной форме с суф. *-и(й)* и аппелятива (мар.) *аул* «деревня».

725. Артём Л (д. Ташнур), В (д. Курман.), *Артемий* Л (с. Исменцы) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Артёма* — ласкат. вариант м.и. *Артамон* и *Артемий* (<греч.: СРЛИ 1966 : 250, 58), букв. «здоровый, невредимый».

726. Артемей В — м.и., сохранившееся в составе мар. ойконима *Артемейково,* см. выше *Арий.*

727. Артиаул — м.и., см. выше *Арта.*

728. Артинга Л (д. Яльяик) — м.и. Заимств. из русск. яз.— представляет ласкат. форму м.и. *Арта* (см. выше), образованную с помощью суф. *-ин(ка)*.

729. Артур Г (д. Усола), В (д. Киебак) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Артур* (Никонов В. А.— Этим. 1974 : 132) — кельтское средневековое проникновение.

730. Артюков Г (с. М.-Сундырь) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Артюков* (Никонов В. А.—Этим. 1974 : 132)— образованное с помощью суф. *-ов* отчество из формы Артюк, от одного из канонических мужских личных имен *Артемий, Артемон, Арта* и др.

731. Архати Г (выс. Революция, д. Усола, Тамарайкино) — м.и. Заимств. из русск. яз., вероятно, через чув. посредство: чув. *Аркати* (Ашмарин Н. И. 1929: 61) — м.и. *Аркадий*.

732. Археп В (д. Н.-Качмаш) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Архипп*. К тому же русск. источнику восходит и чув. *Ерхип* (Ашмарин Н. И. 1929 : 32).

733. Архип Г (д. Усола), *Архип* Г (Ильяков Н. 1957 : 9; дд. Яштуга, Усола, выс. Революция), В (дд. Бирюбаш, Староарзамат., Н.-Татья) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Архипп*.

734. Архиг Л (д. Отымбал) — м.и. Заимств. из русск. яз.— вероятно, представляет ласкат. вариант м.и. *Аркадий*.

735. Арчинга Л (д. Эмек.) — м.и. Заимств. из русск. яз., см. выше *Артинга*.

736. Арчём *(Арчьом)* В (дд. Калтак., Тюльди) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Артём*. *Т* > *ч* — на почве мар. я.з

737. Арчу Л (д. Чодраял Куж.), В (дд. Ирдуган., Сус.-Эбал.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Арта* (СРЛИ 1966 : 250) — ласкат. вариант м.и. *Артемий*.

738. Арчук Л (д. Усола Морк.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Арчук* — незафиксированный в словарях ласкат. вариант русского антропонима *Артемий* и *Аркадий*.

739. Арчуш Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк, Ст.-Юледур, Яндимир.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Арчуш* — незафиксированный русский диалектный вариант м.и. *Аркадий*.

740. Аршень Г (д. Усола)—м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аршенька* — ласкат. вариант м.и. *Аерон, Арон, Аронос* (<др.-евр.: СРЛИ 1966 : 250, 33), букв. «ящик, ковчег завета».

741. А р ы к СЗ — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Ӓрӹкнӹр* в Кикнурск. р. Киров. обл. (МФЭ МарНИИ — 1966 г., тетр. № 32 : 59 — мар. *ныр* «поле»): наимен. дано по имени одного из основателей селения *Арик,* заимств. из русск. яз.: *Арик* (СРЛИ 1966: 249) — ласкат. вариант м.и. *Арефий, Ариан, Арикс, Арион, Аркадий, Архипп.*

742. А р ы к м у р з а Л—м.и., сохранившееся в одном из вариантов мар. ойконима *Арыпмурза* в Марйтурекск. р.: *Арыкмурза* и *Арыпмурза* — имена основателей селения выше названного ойконима. В материалах Госархива Киров. обл. за 1869 г. (ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 297, л. 70; д. 771, л. 107) данный ойконим фигурирует в виде *Черемисский Арып (Мурза)* при ключе *Арып* в Косолаповск. приходе Ирмучашск. в. Уржумск. у. Вят. губ. Антропоним *Арыпмурза* заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию двух именных основ: *Ариф* — арабоязычное м.и. (Гаф. А. ЛК 165, букв. «сведущий, образованный») + аппелятив *морза* (<др.-тат. **мурза,* кирг. *мурза*) уст. «господин».

Такого же характера и основная часть антропонима *Арыкмурза* — тат. *арык* «худой, тощий»: антропонимическая сения, или созвучность начальных компонентов имен — прозвище→мужское имя.

743. А р ы м — м.и., сохранившееся в составе гидронима *Арым энер* Л (д. Весьшурга: МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр № 118 : 32 — мар. *энер* «река»). Заимств. из русск. яз., см. *Арик.*

744. А р ы н Л (Васин К. ПМЛ 13)—псевдоним мар. корреспондента-очеркиста Казанцева. Восходит к названию его родной д. *Арино* в Моркинск. р. Мар. АССР.

745. А р ы п м а р и й (Васин К. ПМЛ 13) — псевдоним мар. корреспондента Казанцева, очеркиста 40-х гг. XX в. Составлено из начального композита его родной д. *Арыпмурза* Л и аппелятива *марий* «марнец: муж, мужчина».

746. А р ы ш к а: *Арышка* Чораков Л 1968 г. (д. Пораты: Архив Г. Айпл. II : 544) — м.и. Заимств. из русск. яз. *Арышка,* вероятно, представляет ласкат. вариант антропонима *Аря* (СРЛИ 1966 : 251).

747. А с а б а е в В (д. М.-Возжай: МДЭ МарНИИ — 1961 г., № 91, тетр. № 1, л. 31) — м.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный формант *-бай,* восходящий к тат. аппелятиву *бай* «богатый; хозяин; муж»

Отмечено *Асабай* В (д. М.-Возжай: Мар. комм., 1966, 25 сент. : 4) — м.и.

748. Асай В (дд. Бирюбаш, Староакбулат., Староарзамат., Староваськ.), *Асьай* В (Коведяев И.— 1918: 17), *Асай* В (д. Нововаськ.) — м.и. К восточному же диалекту мар. яз. восходит и *Асай,* имя одного из героев рассказа В. Микишкина «Асай ден Сандыр» (Асай и Сандыр.— Мар. комм., 1976, 25 апр.: 4) и соответственно ф. *Асаев,* в том числе и зафиксированная в луговом диалекте мар. яз. в 1897 г. (Кукмаринск. школа Уржумк. у. Вят. губ.: РФ НБ им. Лоб. КУ, № 1406 : 1). Встречается и в памятниках русской письменности, на тюркское происхождение которых (русск. *Асаев, Асай, Осай)* указывает В. А. Никонов (— Этим. 1974 : 137).

Заимств. из тат. яз., ср. *Асай* — тат. назв. тат. с. Алеево в Алметьевск. р. ТАССР (ТАССР АТД 11).

749. Асалдык 1848 г., Л (Артемьев А.— Архив ГО СССР, р. 14, оп. 1, ед. хр. 4 : 1) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию двух компонентов: *Асал* (<араб.: Гаф. ЛК 165, букв. «мед») — ж.и.+*-дык,* по всей вероятности, суф. имени сущ. Ср. *урын* «место»+ суф. *-дык* — *урындык* (ССТЯ 1974: 108) «табуретка».

750. Асалям В 1891 г. (д. Черемисск. Возжай Елабуж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1634 : 9)— м.и. Заимств. из тат. яз. *Абсәләм* (СЛИН 1979 : 149)— м.и.

751. Асан В (дд. Айбылат, Калмиябаш, Камеево, Староакбулат., Староарзамат, Староваськ.), *Асан* В (дд. Бабаево, Кулегаш, Маг.-Алмант., Семёнк.), В 1891 г. (д. Бимы Елабуж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1631 : 9) — м.и. Тот же антропоним содержится в основе мар. ойконима *Асаново* — разговорный вариант мар. д. Цатнур в Кулаковск. в. Козьмодемьянск. у. (ССКГ 1913: в IX — 5). Встречается в составе как чув. географических названий [д. *Асаново,* или *Асанкасси,* в Цивильск. и Буинск. уу. (Нестеров В. А. 1974 : 77)], так и удм. ойконимов: с. Нижнее *Асаново* в Елабуж. у. Вят. губ., 1889 г. (МПСВГ 1889, т. VI, ч. 2 : 26), д. *Асан* в Удмуртии (Удм. АССР АТД 61). Широко распространено и в русской антропонимии: Осип Дмитриевич *Асан* Годунов, наместник в Галиче, 1532 г.; *Асан* Глебович Морозов (Вес. С. Б. Он. 16).

Заимств. из тат. яз., ср. тат. д. *Асан-Елга* в Сабинск. р. ТАССР (ТАССР АТД 184)—тат. *елга* «река»—восхо-

дит к арабск. источнику: *Асан*<*Гасан, Хасан* (Гаф. А. ЛК 165, 234, 176, букв. «хороший»).

752. Асанчык В (д. Семенк.) — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима (назв. лесного массива). Заимств. из тат. яз.: *Асан* (см. выше *Әсән*)+высокопродуктивный стилистический суф. *-чык (-чек)*: *өстәлчек* «столик» от *өстәл* «стол», *кызчык* «девочка» (ССТЯ 1974 : 86—87) от *кыз* «девочка».

У литовских татар отмечен антропоним *Асанчук*, который (м.и.) А. И. Дубинским (— 1972 : 85) этимологически связывается с арабоязычным (тат.) *Хасан* — м.и.

753. Асән (д. Н.-Качмаш), *Асап* В 1891 г. (д. Текашево Бимск. в. Елабуж у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1631 : 9) Л (Коведяев И.— 1918 : 17)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Асап* (Воскр. А 1894 : 372) — м.и. по выговору старокрещенных татар Казан. губ. «Иоасаф». Но в обоих случаях восходит к русск. *Асафка* — ласкат. вариант м.и. *Иосаф* (<др.-евр.: СРЛИ 1966 : 251, 123)

754. Асапай 1646 г. (СНП.— МИНК 1913, т. XV, в. 3 : 11)—«козьмодемьянский черемисин». Представляет уменьш.-ласкат. образование с помощью вокативн. суф. *-ай* от *Асап* см. выше *Әсәп*.

755. Асьбыка В (д. Семенк.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Асыл* («красный; красивый»)+*бика* «дама; госпожа; барыня; хозяйка».

756. Асеев В (д. Стародюртюк. Балт.: Ямде лий, 1975, 1 апр. : 1) — ф.

Происхождение неясно. В. А. Никонов (—1974 : 137), отмечая отчество *Асеев* из формы *Асей* (*Осей* — документировано в Новгородских кабальных книгах XVI—XVII вв.), связывает его с м.л.и. *Евсевий* как его разг. вариант. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с ласкат. вариантом м. антропонимов *Ося, Оська* (СРЛИ 1966 : 336) «Иосиф, Нисифор, Осия, Феогност» или *Аська* — уменьш.-ласкат. форма имен *Александр, Анастасий, Арсений*. Севернорусским оканьем следует объяснить происхождение мар. антропонима *Осий*, представленного в составе мар. ойконима *Осиял*: Кӱшыл *Осиял* «Верхний Осиял», Ӱлыл *Осиял* «Нижний Осиял» Л (мар. *ял* «деревня») — Оси — основатель деревни.

Вполне возможно, что мар. *Асеев*, как и тат. *Әсәй* — разг. назв. тат. д. в ТАССР, восходит к русск. источнику: *Ося, Оська* — м.и.

757. Асемет В (д. Староямурз. Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз. *Аси* (<араб.: Гаф. А. ЛК 166, букв. «защитник») + суффиксоид *-мет*. Ср. тат. *Аймет* — м.и. от *ай* «луна; месяц». К тому же тат. источнику восходит и русск. антропоним *Асеметелим* Никитич Мокшеев, Ярославль, 1568 г. (Вес. С. Б. Он. 16), в последнем из которых выступает арабоязычный (тат.) *Алим* — м.и.

758. Аси В (Васильев В. М. 1909 : 5; дд. Акуди, Усак. Бир.), *Асий* (Коведяев И.— 1918 : 19; Упымар. 1926 : 34), В (дд. Актуган, Калт., Ирдуган., М. Кельтей, Н.-Татья, Такия, Чабаевка, Чишма), *Асьи* В (дд. Айгильд. Бир., Нуреево), *Асьий* В (д. Н.-Качмаш: МДЭ МарНИИ — 1959 г., тетр. № 70 : 9; д. Музяк: МДЭ МарНИИ — 1959 г., тетр. № 7—8; Бирск. у.: Беке О.— 1934 : 42) — м.и. Тот же антропоним сохранился в составе тополегенды о происхождении мар. д. Кресола (Старое Комино) Л: одним из основателей этого селения был мариец по имени *Асий*.

В антропониме Асий выступает вокативн. суф. *-и(й)*.

Заимств. из русск. яз.: *Ася* (СРЛИ 1966 : 251 — ласкат. вариант м.и. *Александр, Анастасий, Арсений, Аскольд*, т. д.

759. Асия В (д. Актуган. Калт.) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Асия, Ася* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. варианты ж.и. *Агнесса, Агния, Александра, Анастасия, Таисия, Тарасия*.

760. Асика (дд. Моркинер, Н.-Кугенер, Обипамаш, Усола Параньг.), 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у. РФ НБ КУ, № 1406 : 1) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Асика* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант ж.и. *Анастасия, Таисия, Анна, Аста*, т. д.

761. Асильдик 1733 г. (Г. Миллер — 1756 : 99) — ж.и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный татароязычный суф. *-дик*. Ср. *Асил* (<араб.: Гаф. А. ЛК 166, букв. «благородный») + *-дек*.

762. Асилиса Л (пос. Руэм) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Василиса*. Ср. *Силиса* Г (д. Тамарайкино) — ж.и.

763. Аси́п Л (д. Среди. Немдеж), *Асипка* 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406 : 1). Заимств. из русск. яз.: *Асипка* при севернорусск. *Осипка* (СРЛИ 1966 : 336) — ласкат. вариант м.и. *Иосиф*.

764. Аситäр В (д. Актуган. Калт.) — м.и. Заимств.

из тат. яз.— вероятно, представляет контаминацию двух тат. арабоязычных имен *Асил+Таир (Тахир)* — м.и. Тот же конечный компонент представлен в основе мар. лимнонима *Таир ер Л* (мар. *ер* «озеро») — наимен. дано по имени одного из марийцев.

765. Аскай В (д. Новокульчуб.), *Аськай* В (дд. Б. и М. Кельтей, Н.-Татья) — м.и. Заимств, по всей вероятности, из русск. яз.: *Асенька, Асечка* (СРЛИ 1966: 251) — ласкат. варианты м.и. *Анастасий, Арсений, Аскольд, Астий, Евсений, Тарас,* т.д.

766. Аськăн В (с. Калтаса), *Аскан* В (д. Аккуб.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аська* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант ж.и. *Агнесса, Александра, Анна, Арсения.* Ср. аналогичное образование с суф. *-ан: Петрован* (ЭСМЯ 1 : 102) — м.и. «Петр».

767. Аскап В (дд. Аккуб., Кадряк., М.-Возжай, Усак. Бир., Нуреево, Шелкан.), *Аськап* В (д. Усть-Сакла), *Аскăп* В (дд. Ирдуган., Маняк, Сус-Эбал.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *ăс* «?»+*кап* «кулек; рогожа».

768. Аскапбикă В (д. Аккуб.)—ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Аскап* (см. выше) + *бикă* «дама; госпожа; барыня; хозяйка».

769. Аскапъямал В (д. Аккуб.), *Аскăпъямал* В (д. Актуган. Калт.)—ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Аскап* (см. выше)+*ямал (жьамал)* «красота, прелесть».

770. *Аскăр* В (дд. Кузеево Балт., Н.-Иванаево), *Аскар* В (д. Новокульчуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Аскăр* [(<араб.: СТЛИ 1973 : 24; Гаф. А. ЛК 166, 165, букв Младший(Али)] — м.и. Встречается и в памятниках русской письменности, которое В. А. Никонов (— Этим 1974 : 139) объясняет тюркским влиянием.

771. Аскачейка Аксарин 1678 г. (с. Пораты; Архив Г. Айпл. II : 427) — м.и. Вероятно, заимств. из русск. яз., ср. *Аскаха, Аскаша* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. варианты м.и. *Аскалон.*

772. Аскей В 1891 г. (Тогошур Цильинск. в. Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп.—, ед. хр. 1701 : 9)— м.и. Заимств. из русск. яз.: *Аскаха* (СРЛИ 1966 : 250) — м.и. *-ей: Аскей* представляет вокативн. суф. мар. яз.

773. Аскиперий Г (д. Усола) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: «?» *Аскитрея* (<греч.: СРЛИ 1966 : 60)—ж.и.

774. Аскольд (Васильев В. М. 1908 : 7) — м.и Заимств. из русск. яз.: *Аскольд* (СРЛИ 1966 : 251) — имя одного из первых киевских князей.

775. Аскуш В (дд. Акуди, Усак. Бир.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: ? *Асик* [(СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант м.и. *Аскольд*, *Василий*]+суф. *-уш*.

776. Асланов В (с. Мишкино: Ямде лий, 1971, 15 дек.: 2), Г (д. Юнго-Кушерга), Л (дд. Б.-Мушка, Токтамыж) — ф. Заимств. из тат. яз.: *аслан* из *арслан* (Никонов В. А.— Этим. 1974 : 139). Широко распространено и в памятниках русской письменности. Вряд ли прав С. Б. Веселовский (Он. 16), выводивший антропоним *Аслан* из апеллятива *асламна* «килевое судно».

777. Асланбеков В — широко распространенная среди восточных мари ф. Заимств. из тат. яз.: *Аслан* (см. выше)+*бек* «князь; господин». К тому же относится и *Асланбек* (Никонов В. А.— Этим. 1974 : 139) — м.и., встречающееся в памятниках русской письменности.

778. Асма В (дд. Акуди, В.-Иванаево, Елыш, Кузеево Балт., Новокульчуб., Рабак, Рефанды, Чупаево) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Асма* (<араб.: Гаф. А. ЛК 167), букв. «возвышенная»— ж.и.

779. Асмабикä В (дд. Кузеево Балт., Маг.-Алмант., Т.-Елга) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Асма* (см. выше)+*бика* «дама; госпожа, барыня; хозяйка».

780. Асмäндийäр В (дд. Аккуб., Акуди, Еммет., Нуреево, Тюльди, Усак. Бир., Чишма) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *асман* «небо»+*дияр* (ДСТЯ 1965 : 112) «земля, местность, страна» (в форме мн. ч.).

781. Асмелке Л (д. Тамшинер), *Асмелык* Л (с. Ст.-Торъял; с. М.-Турек: Ончыко, 1967, № 3; 81), *Асьмелык* В (дд. Б. и М. Кельтей) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Ась* (?*ас* «горностай»)+*милек* (<араб.: АТРСЗ 1965 : 259) «собственность; владелец; имущество».

782. Асмикиева В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсиняк. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406, тетр. № 1 : 1) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Асмак*+суф. *-ий* или же *ясмык (ясмик)* «чечевица». Соответствующего антропонима в существующих тат. словарях обнаружить нам не удалось.

783. Аснавикä В (д. Новокульчуб.) — ж.и. (Заимств. из тат. яз.: *äснä* «промежуток, время, момент»+*бика* «дама; госпожа; барыня; хозяйка».

784. Аспäтолла В (д. Актуган. Калт.) — м.и., *Аспатуллин* В (там же) — ф. Заимств. из тат. яз. Ср.

Валиулла (СРЛИ 1973 : 28) — м.и. и башк. *Замигулла* (СНУП 1977 : 11) — царь (в башкирском фольклоре).

Аспатуллин В — ф., см. *Äспäтолла.*

785. Асьперде В (д. Н.-Бура) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ась* «?»+*бирде* «дал(а, о»).

786. Аспика Л (дд. М.-Лебляк, Олоры, Оби-Памаш, Савактур), В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406 : 1) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: «*ась* «?» + *бика* «дама; госпожа, барыня; хозяйка».

787. Астион Г (с. Еласы) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Астион* (<греч.: СРЛИ 1966 : 251, 60—61) — м.и.

788. Астай В (дд. Акуди, Усак. Бир., Чишма) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аста* (<греч.: СРЛИ 1966 : 251, 60, букв. «горожанка») + мар. вокативн суф. *-(а)й.*

789. Астви В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406 : 1) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: ? *Асьид* (<араб.: Гаф. А ЛК 165) — м.и., букв. «самый счастливый» + *бий* «особа знатного происхождения; госпожа».

790. Асти В (д. Н.-Татья), *Астий* В (дд. Кувак., Чишма), *Асьтий* (Ковеляев И.— 1918 : 19), В (дд. М. Кельтей, Н.-Бура; Н.-Качмаш: МДЭ МарНИИ — 1959 г., № 70 : 84), *Äсьтий* В (дд. Анач., Семенск., Сус.-Эбал.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аста* (см. выше *Астай*) + мар. вокативн. суф. *-ий.*

791. Астькай — м.и., сохранившееся в составе микротопонима *Астькай горем* В (д. Н.-Татья — мар. *горем*<*корем* «овраг»). По всей вероятности, связано с русским антропонимом *Астахий* (СРЛИ 1966 : 60) — м.и. Сближение *-хий: Астахий* с мар. уменьш.-ласкат. суф. *-кай (-кäй)* В произошло позднее на почве паронимии двух псевдопоказателей.

792. Астрова Л (с. Кр. Яр) — ф Заимств. из русск. яз.: *Астреев* (Никонов В. А.— Этим. 1974 : 142) — ф. дворян в бывшей Калужск. губ. от имени *Острейка.*

793. Астьук В (д. Б. и М. Кельтей) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аста* — ж.и.+уменьш.-ласкат. суф. *-ук.*

794. Асук Л (д. Мамьярово) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Астуков* (Никонов В. А.— Этим. 1974 : 143) — ф. с неясной этимологией.

795. Асулбаев В (д. Маняк) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Асул* < *ай,* «луна; месяц»+*суло* (кирг. *сулуу*

< араб.: Гаф. А. ЛК 227) «красивый»+*бай* «богатый; хозяин; муж».

796. Асуло В (дд. Н.-Бура, Н.-Качмаш), *Асьуло* В (дд. Актуган. Калт., Анач. Калмиябаш, Чаки) — ж.и Заимств. из тат. яз., см. *Асулбаев.*

797. Асхат В (дд. Анач., Калтак., Маг.-Алмант.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Асхат*<*Әсгать* (<араб.: Гаф. А. ЛК 165) — м.и., букв. «самый счастливый».

798. Асьык В (д. Н.-Бура), *Асьӹк* В (дд.. Анач., Маняк.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.—связываем с тат. антропонимом *Әскыя* (СТЛИ 1973 : 65) «Аския».

799. Асьыкай В (дд. Н.-Татья, Чабаевка) — ж.и. из тат. яз. *Әскыя* «Аския»+мар. вокативн. суф. *-ай.*

800. Асыл В (дд. Актуган. Калт., Нововаськ.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *асыл* «красивый, прекрасный».

801. Асылай В 1883 г. (П. Ерусл. ЧРС 9), 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406 : 1), В (дд. Актуган. Калт., Анач., Бабаево, Бекмурз., Марино, Н.-Качмаш, Н.-Татья, Памашъял, Редьк., Семенк., Старотураево, Такия) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивая, прекрасная» + мар. вокативн. суф. *-ай.*

802. Асылая: *Асылая* Тойгузина В 1891 г. (д. Б. Ерыкса Елабуж. у. Вят. губ.; ИС.— ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1634 : 9) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию тат. аппелятивов *асыл* «красивая, прекрасная»+*ай* «луна; месяц»+вокативн. суф. *-ай* в ласкат. знач.

803. Асылгужьа В (д. Аккуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз., ср. башк. д. *Асылгужино* в Кигинск. р. БАССР (БАССР АТД 190) — представляет контаминации двух основ: *асыл* «красивая, прекрасная»+*хужьа* «хозяин, владелец».

804. Асыле В 1888 г. (д. Актазик Кураковск. в. Елабужск. у.— ВЕВ 1888, № 18 : 542), 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406 : 1), *Асьыле* В (дд. Айбылат, Б. и М. Кельтей, Марино, Тюльди), *Асыли* В (дд. Акуди, Н.-Кульчуб., Усак. Бир., Чишма), *Асылий* В (дд. Искуш, Турбек., Чишма, Чупаево) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивая, прекрасная» +мар. вокативн. суф. *-е(й), -и(й).*

Асылий В — ж.и., см. *Асыле.*

805. Асылдян В (дд. Аккуб.) — м.и. Заимств. из

тат. яз.: *асыл* «красивый, прекрасный» + *жьан* «душа, дух».

806. Асылкай В (дд. Аккуб., Еммет., М.-Буляр, Нуреево, Чупаево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивый, прекрасный» + уменьш.-ласкат. суф. *-кай (-кäй)*.

807. Асылкарай В (д. Чишма) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивый, прекрасный» + *Гäрäй*—м.и.

808. Асылтан В (дд. Бабаево, Маняк, Н.-Бура), *Асьылтан* В (д. Актуган. Калт.)—ж.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивый, прекрасный»+*дан* «слава, известность».

809. Асылыза В (д. Новодюртюк. Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивый, прекрасный»+ *хужьа* «хозяин».

810. Асылъян В (дд. Акб., Еммет., М.-Буляр, Нуреево, Осиновка Муслюм, Уял, Чишма, Чупаево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *асыл* «красивый, прекрасный»+ *жьан* «душа, дух».

811. Асюк В (д. Бабаево) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Асюшка* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант ж.и. *Анастасия, Тарасия*. Или же: *Ася*+уменьш.-ласкат. суф. *-ук*.

812. Ася В (дд. Калмиябаш, Малосухоязово), *Äсьä* В (дд. Ирдуган., Сус.-Эбал.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант многих антропонимов *Агнесса, Агния, Александра, Анастасия, Аста, Астра, Василида, Вассна, Геласия, Ксения, Таисия, Тарасия*.

813. Атаев (Ялкайн Я. 1959 : 19) — ф. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *ата* «отец». Такого же образования и происхождения:

а) морд. антропоним *Атяев* 1669—1670 гг. (Мокшин Н. Ф. 1977 : 142) — мордовский мурза — встречается и среди русских: *Атай* Кузьмич Саблин, 1578 г. (Вес. С. Б. Он. 16) — крестьянин, г. Арзамас; *Отяй* череповецк. (Герасимов М. К.— 1910, т. XXXVII, в. III : 66) — прозвище;

б) чув. ойконимы (в Чувашии): Ичеснер-*Атаево*, Ичеснер *Атацкасси* в Урмарск. р., Новые *Атаи*, Русские *Атаи*, Старые *Атаи* в Курмышск. р. (Нестеров В. А. 1974 : 117, 77) — в том числе и у русских: д. *Атаиха* в Псковск. губ. (СГС 1895, в. III : 4).

814. Атаис 1610 г. (из волости Кужурмы Казанск.

края (Нурминский С.— 1864 г.: 199) — м.и. Вероятно, заимств. из тат. яз., ср. *Атас* — м.и., один из основателей тат. селения *Атас аул* В (Сатуков С.—РФ МарНИИ, I, л. 9) — тат. *аул* «деревня» в Башкирии, *Атияз* в Елабужск. р. ТАССР (ТАССР АТД 253); *Атасово* (МПСВГ 1889, т. VI, ч. 2 : 2) — ойконим в Александровск. в. Елабужск. у. Вят. губ.

815. Аталаев Г (с. Еласы; колхоз «Сила» — Ончыко, 1962, № 2 : 71) Аталаева О. Т.— Герой Социалистического Труда (д. Шиндыръялы). Сюда же относится микротопоним *Аталагарем* Г (МДЭ МарНИИ — 1970 г., тетр. № 155 : 4 — мар. *гарем*<*карем* «овраг, балка»). Заимств. из русск. яз.: *Оталайка* Юлаев XVI—XVII вв. (Борисов В.— 1899, кн. I : 43) — пензенский татарин. Представляет адъективное образование с помощью суф. *-лы: ата* «отец» — *аталы* «отцовский».

816. Атали В (д. Чаки) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ата* «отец»+суф. прилаг. *-лы*+мар. вокатив. формант *-ий*.

817. Атаман: *Атаман Мух* (Федоров Арк.— Ямделий, 1976, 29 мая: 4) — один из героев фантастической одноименной сказки. Заимств. из русск. яз., на что указывает второй компонент того же антропонима *Мух Атаман Мух*, хотя в мар. диалектах мы встречаем м.и., заимствованное из тат. яз.: *Атаман* В (д. Новоямурз. Балт.) — м.и. К тому же тат. источнику восходит удм. *Атаманов: М. Г. Атаманов* (г. Ижевск) — известный удм. лингвист.

818. Атарай В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы) — м.и. Заимств. из русск. яз., хотя в последнем оно сохранилось лишь в составе ойконимов: поч. *Атарский* (Кармановцы) в Орловск. у. Вят. губ. (МПСВГ 1886, т. 3, ч. 2 : 286), д. *Атары* в Ильинск. в. Яран. у. Вят. губ. (МПСВГ 1893, т. IX, ч. 2 : 450); поч. Шали *Атары* в Троицк. в. Этимологически восходит к аппелятиву *отара* «стадо овец», южн., донск. *отара* «тж», укр. *отара* из тюрк.: тат., башк. *утар* «околотный двор», казах. *отар* (Фасмер М. 1971 : 169) «пастбище, стадо»: *прозвище*→*антропоним*.

819. Аташ Л (с. Сотнур: Мар. комм., 1974, 21 марта : 4) — м.и., а также в составе прозвища *Аташ* Майра Л (дд. Б.-Шигак., Кучук-Памаш Морк.; А. Степанов 1954 : 43) — о легкомысленных девушках (*майра* «женщина»). По всей вероятности, этимологически восходит

к тат. источнику — связано с аппелятивом мар. *аташ* «развратный» < тат. *адашу*.

820. А т е Г (с. Кузнецово) — ж.и. Вероятно, ошибочная запись информатора. Его следует рассматривать как мужской антропоним и исторически восходящий к русск. источнику: *Ате* [< *Аттий*, *Атя*—м.и. (СРЛИ 1966 : 61) + мар. вокативн. суф. *-ей*.

821. Ӓ т и В (дд. Аккуб., Анач.), *Ати* В (д. Н.-Татья) — ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Ада* (СРЛИ 1966 : 241) — ласкат. вариант ж.и. *Аделаида*, *Аделина*, *Ариадна*, *Аркадия*, *Олимпиада*, *Рада* и т.д. В конце имени выступает мар. вокативн. суф. *-ий*.

822. Ӓ т и й В (дд. Семенк., Сус-Эбал., Чишма), *Ӓтий* В (дд. Редька., Шелкан.), *Ати* В (дд. Искуш, Маядык) — м.и. и соответственно *Атиев* — ф. Заимств. из тат. яз.: *ата* «отец» + вокативн. суф. *-ий*.

823. Ӓ т и к ӓ В (д. Кайрак.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.— представляет уменьш.-ласкат. образование с помощью суф. *-ик(а)* от *Ада*, что и в основе антропонима *Ӓти* (см. выше).

824. А т к у л ь В (Сатуков С.—РФ МарНИИ—1 : 9) — один из основателей мар. селения Киебак. Заимств. из тат. яз.: *ат* «лошадь» + ? *кӱл* «озеро».

825. А т л я н Л (д. Шлань) — м.и. Вероятно, заимств. из тат. яз.: *атлы* «верховой; всадник». В. А. Никонов (— Этим. 1974: 145) русск. *Атланов* — отчество с суф. *-ов* из м. л. и. *Атлан*, записанного в XVII—XVIII вв., рассматривает как чув. проникновение, что затруднено анлаутным гласным *а*: так как общетюркское **а* в первом слоге чув. слов не сохранилось. Тем самым остается в силе предположение о тат. характере русского антропонима *Атланов*.

826. А т м а н (Ковedяев И.—1917 : 17) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Атманай* 1649 г. (АИСИАК 1842, т. IV) — астраханский мурза-татарин.

827. А т н а б и к ӓ В (дд. Аккуб., Кувак., Нуреево), *Атнавикӓ* В (дд. Анач., Чишма), *Атнабыка* В (д. Новодюртюк.), *Атнавика* В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.— РФ НБ КУ, № 1406 : 9), В (дд. Баймурз. Мишк., Кузеево Балт.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *адна* «неделя» (первонач. «пятница») + *бикӓ* «дама; госпожа; барыня; хозяйка».

828. А т н а в и В 1883 г. (Ерусл. П. ЧРС 9; д. Рефанды), *Атнавий* В (дд. Айбылат, Баймурз. Мишк., Ку-

зеево Балт.), *Ӓтнӓви* В (дд. Усак. Бир., Чишма), *Ӓтнӓвий* В (д. Акуди) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *адна* «неделя» (первоначально «пятница») + *бий* «особа знатного происхождения».

829. Атнагелде В (д. Б.-Шиды) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *адна* «неделя» (первонач. «пятница») + *килде* «пришел (-ла)».

830. Атнагоза В (Коведяев И.— 1918 : 17); В (д. Рефанды), *Атнагозьа* В (дд. Акб., Еммет., Нуреево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *адна* «неделя» (первонач. «пятница») + *хужьа* «хозяин; владелец».

831. Атнагудин В (д. Бирюбаш Мишк.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первоначально «пятница») + *гуди* (по всей вероятности, диалектн.) «хозяин». Ср. тат. *хужьа* «хозяин; владелец», чув. *хусьа* «тж» при перс. *хаджа* «глава; начальство».

832. Атнагузьа В (д. Аккуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первонач. «пятница») + *гузьа* < *хужьа* «хозяин; владелец».

833. Атнагул В (Коведяев И.— 1918 : 17; дд. Аккуб., Новодюртюк., М.-Суксы-Нуреево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *адна* «неделя» (первонач. «пятница») + др.-тат. **гул* (**кул*, кирг. *кул*), соврем. *кол* «раб; невольник». К тому же аппелятиву возводит башк. *гол: Атнагол* XVI в.— м.и. башкирский ономаст Р. З. Шакуров (— 1980 : 45). Ср. *Аднагул* Сюинов 1773 г.— татарин Казан. у., *Аднагул* Мурзагулов 1775 г. (ДСППВ 1975: 329) — башкир Уфим. у.

834. Ӓтнӓгӯл В (д. Тюльди) — м.и. Заимств. из тат. яз.— см. *Атнагул.*

835. Атнай 1888 г. В (д. Ильнеть Граховск. в. Елабуж. у. Вят. губ.— МЦВ 1888 г., № 28 : 9), 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ КУ, № 1406 : 9; дд. М.-Возж., Н.-Бура, Новокульчуб.; Музяк.: МДЭ МарНИИ—1959 г., № 70, л. 76), *Ӓтнӓй* В (д. Чишма) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *адна* «неделя» (первонач. «пятница») + мар. вокатив. суф. *-ай.*

836. Ӓтнӓкӓй В (дд. Акуди, Чишма), *Атнакай* В (дд. Аккуб., Н.-Иванаево, Сосновка Мишк., Нуреево: Туктар. Благовещ.) — м.и. Заимств. из тат. яз., восходит к аппелятиву *атна* «неделя» (первонач. «пятница» + уменьш.-ласкат. суф. *-кай (-кӓй).* *Атнакай* (Саттаров Г. Ф. Авт. д/д 31) — широко распространенное среди татар. ж.и.

837. Атнакий В (дд. Кузеево Балт., Т.-Елга) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первонач. «пятница» + *кай (кәй)* — уменьш.-ласкат. суф. + мар. вокативн. формант *-ий*.

838. Атналe В (дд. Н.-Бура, Н.-Татья, Тюльди) — м.и. *Атналин* В (д. Бабаево Калт.), *Атналов* В 1888 г. (д. Актазик Кураковск. в. Елабуж. у. Вят. губ.: ВЕВ 1888 г., № 12 : 307; МЦВ 1888 г., № 28, 18 апр. 1888 г.:9), 1888 г. В (д. Ильнеть Граховск. в. Елабуж. у. Вят. губ.— МЦВ 1888 г., № 28, 18 апр. 1888 г. : 356) — ф. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первонач. «пятница») + суф. имени прилаг. *-лы (-ле)*.

839. Атналче В (дд. Бабаево, Искуш, Кузеево Балт., Курман., М.-Буляр, М.-Суксы, Н.-Бура, Н.-Татья, Нуреево), *Атнальче* 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.— РФ НБ КУ № 1406 : 9) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первонач. «пятница») + *алучы* «получатель».

840. Атнасер (Коведяев И.— 1918 : 17), *Атнәсер* В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга), *Атнасыр* В (д. Б.-Шиды) м.и. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первонач. «пятница») + *сер* «?».

841. Атнасуло В (дд. Бирюбаш, В.-Иванаево, Ишим., Нововаськ., Новокульчуб., Староакбулат., Тюльди) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первонач. «пятница») + *сылу* «красавица».

842. Атнаш (Коведяев И.— 1918 : 17; Ялкайн Я. 1959: 20), В (дд. Айбылат, Аккуб., Такия, Н.-Татья, Туктаево Балт.; Б. Карзя: Мар. комм., 1977, 24 июня: 4; Кнебак: С. Сатуков.— РФ МарНИИ; тетр. № 2 : 33), *Атнаш* В (д. Аккуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз. Тот же антропоним, имя одного из основателей селения *Атняшкино* в Карандельск. р. БАССР — офиц. наимен. мар. д. Ерсола (<*ер* «озеро» + *сола* «деревня»), как и чув. ойконим *Атнаш* в Цивильск. у. (Нестеров В. А. 1974 : 78) — чув. назв. д. *Атнашево*.

Заимств. из тат. яз., ср. тат. п. *Атняш* в Нуримановск. р. БАССР (БАССР АТД 240), тат. д. *Атня (Ӓтна)* в Арск. р., *Атня (Кече Ӓтна)* Новая Атня *(Янга Ӓтна)* в Арск. р. ТАССР (ТАССР АТД 29, 24).

Такого же тат. происхождения и морд. антропоним *Атнашко* Аркаев 1665 г., Симбирск. у. (Зерцалов А. 1896 : 65) — м.и.

843. Аток В (д. Кайрак.) — м.и. Заимств. из русск.

яз.: *Атечка, Атюха, Атя* (СРЛИ 1966 : 251—252) — уменьш.-ласкат. варианты м.и. *Аттий, Аттик, Стратор, Артур.*

844. А т у й (Коведяев П.— 1918 : 17), Г (д. Усола) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Атя* (СРЛИ 1966 : 251—252) — ласкат. вариант м.и. *Артур, Аттик, Стратор* + мар. уменьш.-ласкат. суф. *-у(й).*

845. А т ӱ к В (дд. Маг-Алмант., Т.-Елга, Н.-Иванаево) — м.и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *ӓти* «папа, отец; батюшка»+русск. уменьш.-ласкат. суф. *-ук.* К заимств. из языка народов Поволжья относит В. А. Никонов (— Этим. 1974: 147) русск. *Атюкин* — ф., которая, безусловно, представляет тат. проникновение.

846. А т ӱ с ь В (д. Н.-Бура)—м.и. Заимств. из русск. яз.: *Атя* (СРЛИ 1966 : 251—252) — ласкат. вариант м.и. *Артур, Аттик, Аттин, Стратор*+суф. *-ся.* Ср. русск. *Федюська, Федюся* — ласкат. варианты м.и. *Федор.*

847. А т ы б а й Л (д. Шеклянур) — м.и. Заимств. из тат. яз.: — восходит к аппелятиву *ата* «отец»+*бай* «богач; богатый; хозяин; муж».

848. А т ы л б а к е т В (д. Бирюбаш) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *атлы* «верховой; всадник» или «имеющий (какую-л.) репутацию, славу»+*бӓхет* «счастье».

849. А т ы м СЗ — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Атымсола* в Советск. р. Киров. обл. (МФЭ МарНИИ — 1966, тетр. № 31 : 61 — мар. *сола* «деревня»: наимен. дано по имени одного из основателей селения *Атым<Атим.* Возможно, заимств. из тат. яз., ср. *Адин, Адина* (Гаф. А. ЛК 161) — м.и., восходящее к перс. источнику.

850. А т ы н а й В (д. Кунак.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *атна* «неделя» (первоначально «пятница») + вокативн. суф. *-ай.*

851. А т я Л — м.и., сохранившееся лишь в составе гелонима *Атя куп* (Кр. Яр.— мар. *куп* «болото»). Заимств. из русск. яз.: *Атя* (СРЛИ 1966 : 252) — ласкат. вариант м.и. *Атти, Аттик, Артур, Стратор.*

852. А т я к а 1678 г. Л (волость Мусмора: Архив Г. Айпл. II: 563) —м.и. Заимств. либо из русск. яз.: *Атя* [— см. выше+ласкат. суф. *-к(а)*], либо восходит к тат. источнику *-ати, ата* «отец; батюшка»+уменьш.-ласкат. суф. *-кай (-кӓй).*

Ему паронимична ф. *Атякшев* у мордвы (Нико

нов В. А.— Этим. 1974 : 147), образованная от (морд.) аппелятива *атякш* «петух». К тат. же источнику следует относить антропоним *Атякин* — ф., широко представленная в русских говорах в виде *атяка* «отец», морд. ойконим *Атяшевский* в Чамзинск. р. Мордовской АССР (Морд. АССР АТД 9, 10, 19).

853. Ӑ ӳ в а к ы р В (дд. Маг.-Алмант., Калтак.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: ? *ау* «охота»+*фӑкыйрь* «бедный, неимущий; бедняк» или же *бакыр* «медь».

854. Ӑ ӳ д и й В (д. Н.-Бура) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ау* «охота»+вокативн. суф. мар. яз. *-ий*. Возможно, в основе этого антропонима лежит неизвестный нам тат. аппелятив.

855. А ф а н а с Г (дд. Выс. Революция, Мазик., Яштуга) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афанаса* (СРЛИ 1966 : 252) — ласкат. вариант м.и. *Афанасий*.

856. А ф а н а с и В (д. Тюльди) — м.и. Заимств. из русск. яз.— см. *Афанас*.

857. А ф а н и Г (дд. Шелаболки, Алешкино Кулаковск.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афоня* (СРЛИ 1966 : 252) — ласкат. варианты м.и. *Агафон, Афанасий*+мар. вокативн. суф. *-ий*.

858. А ф е н Г (дд. Березовая, Усола, Юлъялы) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афен* — ласкат. вариант м.и *Афиноген*.

859. А ф и м ь я Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Афимья*.

860. А ф и н о г е н Г (с. Кузнецово) — м.и. Заимств из русск. яз.: *Афиноген* (<греч.: СРЛИ 1966 : 61) — м.и.

861. А ф и н у к Г (д. Яштуга) — м.и. Заимств. из русск. яз.— представляет ласкат. вариант м.и. *Афиноген*, образованный с помощью суф. *-ук* от *Афиноген*.

862. А ф и н я Г (д. Яшпатрово) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Афиня* — ласкат. вариант ж.и. *Афиногенка*.

863. А ф к а л и к о в а В (д. Н.-Бура: Ямде лий, 1977, 22 июля: 1) — ф. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию двух арабоязычных антропонимов: *Абу+Хелек (Халик)* (СЛИН 1979 : 147; СТЛИ 1973: 59) — м.и.

864. А ф л е т у н В (д. М.-Ярмия) — м.и. и соответственно *Афлетунова* В—ф. По всей вероятности, заимств. из тат. яз., хотя в существующих словарях и всевозможных справочниках и источниках соответствующих параллелей ему обнаружить нам не удалось.

865. Афони Г (с. Арда) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афоня* (СРЛИ 1966 : 252) — ласкат. вариант м.и. *Афанасий*+мар. вокативн. суф. *-ий*.

866. Афонька Г (с. Еласы) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Афонька*—м.и., представляет ласкат. вариант м.и. *Афанасий*.

Сюда же следует отнести и мар. ойконим *Афонькино* Г — офиц. назв. мар. д. Охонянсола (ССКГ 1913, в IX : 6 — мар. *сола* «деревня») < *Охоня* — м.и. одного из основателей селения (севернорусский вариант по сравнению с *Афонька*)+генетивн. показатель *-н*+мар. *сола* «деревня».

867. Ахаз Л 1906 (СЕЧЯ 1906 : 4)—теоним. Заимств. из русск. яз.: *Ахаз* (<евр.) — назв. божества.

868. Ахат В (д. Аккуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахат* (СТЛИ 1973 : 24) — восходит к араб. источнику (Гаф. А. ЛК 167, букв. «единственный»).

Ему паронимично русск. *Ахат* (<зап.-евр.: Бурдон И. Ф. 1866 : 73) — м.и., букв. «спутник, товарищ; смесь многих твердых камней, употребляемых для украшений».

869. Ахатьян В (дд. Акб., Еммет., Нуреево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахат* (см. выше *Ахат*)+*жьан* «душа, дух».

870. Ахбутка 1646 г. В (Уржумск. у. Вят. губ.): *Ахбутка* Ахтыш — «черемисин». Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию аппелятивов *ак* «белый» и *ботка* «каша» (др.-тат. **бутка*, кирг. *ботко* «тж»).

871. Ахвали В (д. Калтак.), но в записях Н. И. Исанбаева: *Ахвали* (МДЭ 1969 г., тетр. № 2 : 9) — м.и. Заимств. из тат. яз.— образовано контаминацией аппелятивов *ак* «белый» и *Вали* (СТЛИ 1973 : 28) — м.и.

872. Ахим 1906 г. (СЕЧЯ 1906 : 4)—м.и. (теоним). Заимств. из русск. яз.: *Ахим* (<др.-евр.) — имя приближенного к богам человека.

873. Ахинохи Г (д. Усола) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахилка, Ахилочка, Ахилушка* (СРЛИ 1966 : 252) — ласкат. варианты м.и. *Ахилл*.

874. Ахлатжьан В (д. Калтак.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*дәүләт* «государство, держава» + *жьан* «душа, дух».

875. Ахмади В (дд. Аккуб., Тузлуб.), *Акмади* В (д. Акуди), *Ахмади* В (дд. Анач., М.-Буляр, Чаки, Калтак.), *Ахмадей* В (дд. Бабаево, М. Кельтей) — м.и. и

соответственно *Ахмадеев* В (д. Калтак.), *Ахмадиев* В (дд. Бабаево, Ирдуган., Сус.-Эбал.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ахмәди* (СТЛИ 1973 : 24) — восходит к араб. источнику (Гаф. А. ЛК 167), букв. «прославленный». В конце мар. антропонимов выступает вокативн. суф. *-ей (-ий)*.

876. Ахмадийәр В (дд. Аккуб., Еммет., Нуреево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахмәди* (см. выше) — м.и.+суффиксоид *яр* «возлюбленный, милый, любимый».

877. Ахмадолла В (д. Кузеево Балт.), *Ахматолла* В (д. Н.-Ямурз.), *Ахмадолла* В (дд. Бабаево, Н.-Бура, Нуреево, Редьк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: Ахмадулла (СТЛИ 1973 : 24) — м.и.

878. Ахмәдоласа В (д. Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахмәди* (СТЛИ 1973 : 24) — м.и.+ *ала* «бог»+*са* «?».

879. Ахмадьян В (д. Калтак.: МДЭ МарНИИ— 1967 г., № 93, тетр. 2 : 7), *Ахматдян* В (дд. Аккуб., Анач., Тюльди), *Әхмәтьян (Әхматьйан)* В (дд. Аккуб., Б. и М. Кельтей., М.-Буляр, М.-Суксы, Н.-Бура, Новокульчуб., Нуреево, Староямурз., Тузлуб.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Әхмәтжьән* (СТЛИ 1973 : 24) — м.и. Фонетические различия мар. антропонимов обусловлены особенностями тат. диалектов или говоров.

880. Ахмаз В (д. Сосновка Мишк.) — м.и., *Ахмазаева* В (д. Чураево), *Ахмазиков* Л (с. Сернур: Ямделий, 1974, 6 июля: : 1) — ф., в которых вычленяются мар. вокативн. суф. *-ай* и русск. уменьш. формант *-ик*.

Рассматриваемый антропоним *Ахмаз* этимологически расчленяется на два тат. композита: *ах*<*ак* «белый»+ *маз*<араб. *ма'изза* (Гаф. А. ЛК 202), букв. «любовь».

Встречается и в составе других мар. м.и.:

Токмазан, Кармазан Л (Мамаев В.— Мар. комм., 1963, 22 янв.: 4) — основатели мар. д. Мустаево (по рассказам старожилов) от тат. *тук* (<др.-тат. **ток*, кирг. *ток*) «сытый, наевшийся»; *кар* «снег» или, скорее всего, «черный»; в конце выступает усилит. суф. *-н*.

Чермазов Л (д. Куберсола)—ф. *-чер* (кирг.) «густой, дремучий лес, чаща; непроходимые заросли».

Такого же происхождения русск. *Чермаз:* Иван *Чермазов* (Вес. С. Б. Он. 351), казнен в 1570 г. в опричнине, и г. *Чермазов* на правом берегу Камского водохранилища, в устье р. Чёрмоз. Отдельные исследователи ошибочно выводят гидроним *Чермоз* из коми-п. *шор мӧс*,

что якобы означает «коровья река», однако это сочетание можно переводить только бессмысленным «речная корова». Кроме того, сочетание *чёр (чор)*, как справедливо отмечает А. К. Матвеев (1980 : 282), нельзя произвольно менять на *шор*. Также неприемлемо сравнение А. С. Кривощековой-Гантман (1973 : 91) с *чер* «приток» или *чирмеш* «черемис».

Вероятно, коми-п. гидроним *Чермаз* лишь через посредство русских восходит к тат. источнику.

881. *Ахмай* В (д. Новокульчуб.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + *май* «масло», т.е. «сливочное масло».

882. Ахман Л (д. Читово) — м.и., *Ахманов* Ишпулко В 1686 г. (КА XVII в. 1888 г. : 45) — ф. *Ахманика* СЗ — р.,*Ахмановское* озеро СЗ (МФЭ МарНИИ—1966 г., тетр. № 28 : 56). Заимств. из русск. яз.: *Ахманов* (Никонов В. А.— Этим. 1974 : 152) — широко распространенная фамилия как среди народов Поволжья, так и русских. По всей вероятности, русск. *Ахман* восходит к тат. источнику: *ак* «белый»+*ман*: *Маннан* «Маннан», *Маннап* «Маннап», *Маннур* «Маннур» — м.и. (СТЛИ 1973 : 40) <араб., ср. *Маннан* (Гаф. А. ЛК 203), букв. «милостивый»; *Акман* (ТАССР АТД 118)—офиц. наимен. тат. д. *Ахманово* в Мамадышевск. р. ТАССР.

883. Ахмар В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы, Чишма) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахмар* (<араб.: Гаф. А. ЛК 167), букв. «красный».

884. Ахматбäли В (дд. Ирдуган. Янаульск., Калтак.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Äхмäд*+*Вäли* (СТЛИ 1973 : 24, 28) — м.и.

885а. Äхмäтгäли В (д. В.-Иванаево), *Ахматгалий* В (д. Тузлуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Äхмäт*+*Гали* (СТЛИ 1973 : 24, 30) — м.и.

885б. Äхмäтгäрäй В (дд. М.-Буляр, Маядык, Нуреево, Аккуб., М.-Ярмия, Тюльди), *Ахмäткäрäй* В (д. Нуреево), *Ахметгарей* В (дд. Калтак. Еммет.): *Ахматкарей* В (д. Редьк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Äхмäд*+*Гäрäй* (СТЛИ 1973 : 24, 30) — м.и.

886. Ахматдян В (д. Аккуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.— см. *Ахмадьян.*

887. Ахматжьан В (дд. М.-Буляр, Калтак)—м.и. Заимств. из тат. яз., см. *Ахматдян.*

888. Äхмäткäрäй В (д. Аккуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз., см. *Äхмäтгäрäй.*

889. Ахматнур В (д. Кузеево Балт.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхмӓт*—м.и.+*нур* (от аппелятива *нур* «луч; сияние, блеск») — м.и.

890. Ӓхмӓтолла В — м.и., см. *Ахмадолла.*

891. Ахматша В (дд. Аккуб., Анач., Калтак, М.-Буляр, М.-Суксы, Н.-Качмаш, Новокульчуб., Нуреево, Редьк., Семенк., Староямурз., Тюльди) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхмӓтша* (СТЛИ 1973 : 24) — м.и.

892. Ахматянова Л (дд. Ананур Серн., Мустаево) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхмӓт* — м.и.+аппелятив *гын* «дыхание, вздох».

893. Ӓхмӓтьян В (дд. Аккуб., Б. и М.-Кельтей, М.-Буляр, М.-Суксы, Н.-Бура, Новокульчуб., Нуреево, Староямурз., Тузлуб.) — м.и. Заимств. из тат. яз.— см. *Ахмадьян.*

894. Ахмед В (дд. Аккуб., Еммет., Нуреево) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхмӓт* (СТЛИ 1973 : 24) — в русской графической передаче *Ахмет—ӓ>е(э).*

895. Ахмедзянов В (д. М.-Суксы: Ямде лий, 1972, 18 ноября : 1), *Ахмедьян* В (д. Анач., Сус.-Эбал.), *Ахмедзян* В (д. Калтак.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ахматжьян* (СТЛИ 1973 : 24) — м.и.

896. Ахмет В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы) — м.и., *Ахметов* В (дд. Аккуб., Анач, Токпердино Бакал., Сус.-Эбал.), Л (с. Ронга, пос. Руэм, д. Яштродо) — ф. Встречается и в составе микротопонимов: *Ахмет куп* Л (д. Березники), *Ахмет шор* Л (д. Егоркино Морк.— мар. *куп* «болото», *шор* «озеро»). Представлено и в составе морд. ойконимов: с. *Ахматово* в Атяшевск. р. Морд. АССР (Морд. АССР АТД 20). Выступает и в русской антропонимии: *Ахмет* Михил Михайлович Троекур 1537 г. (Вес. С. Б. Он. 17) — м.и. в Яросл. у. Заимств. из тат. яз., см. *Ахмед.*

897. Ахметгарей В — широко распространенное среди восточных мари м.и. Заимств. из тат. яз., см. *Ӓхмӓтгӓрӓй.*

898. Ахметдин В (д. Бабаево) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхмӓт* «Ахмет» — м.и.+аппелятив *дин* «религия».

899. Ахметзянов В (д. В.-Иванаево)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхмӓтжьан* (СТЛИ 1973 : 24) — м.и., в русской графической передаче *Ахметзян.*

900. Ахметханов В (дд. М.-Суксы, Калтак.) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ахметханов* — широко распростра-

ненная среди тюркского населения Среднего Поволжья и Урала ф. Составлена из *Ӑхмӑт* — м.и. и суффиксоида *хан* «хан».

901. Ахметша В (д. Бабаево) — м.и., *Ахметшин* В (д. Актуг. Калт.) — ф. Заимств. из тат. яз., см. *Ахматша* — оба варианта представляют фонетические типы одного и того же антропонима *Ӑхмӑтша>Ахметша* (русск.).

902. Ахметьян В (д. Актуг. Калт., Бабаево, Калмиябаш, Староямурз., Чабаевка; Кузеево Балт.: Ямделий, 1973, 3 марта : 4) и соответственно *Ахметьянов* В (д. Актуган. Калт.)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Ӑхмӑтжьан* (СТЛИ 1973 : 24) — м.и. К тат. источнику следует отнести и чув. *Ехметйан* (Ашмарин Н. И. 1929 : 42) — м.и.

903. Ахмолла В (д. Кузеево Балт.)—м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӑхмӑд+мулла* (<др.-тат. **молла*) «мулла».

Встречается и в составе (возможно) обрусевших мар. д. и поч. *Ахмолин* в Малошалайск. в. Яран. у. Вят. губ. (МНСВГ 1893 г., т. IX, в. 2 : 226): наимен. даны по именам основателей селения.

904. Ахмулла В (д. Т.-Елга) — м.и. Заимств. из тат. яз. Встречается и в составе, вероятно, обрусевших мар. ойконимов: поч. *Ахмульский (Ахмулы, Ахмулинский)* в Нолин. у. Вят. губ. (МПСВГ 1887, т. V : 50). Заимств. из тат. яз., см. *Ахмола.*

905. Ахмянан В (д. Староямурз.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӑхмӑд* (СТЛИ 1973 : 40)+*Мӓннан* (<араб.: Гаф. А. ЛК 213, букв. «милостивый»)—м.и.

906. Ахон В (д. Кузеево Балт., Староямурз) — м.и. Заимств. из тат. яз.— непосредственных соответствий в тат. яз. обнаружить нам не удалось, но близкая параллель представлена почти во всех тюркских языках: *Ахон, Ахунд* (Гаф. А. ЛК 167) — м.и.

907. Ахоп В (дд. Н.-Бура, Байдурово Мишк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*Якуб*—м.и. Возможно, где-то в тат. диалектах со временем обнаружится непосредственное соответствие м.и., близкое рассматриваемому.

908. Ахпай 1552 г. (Худяков М. Г.— Архив ЛО АН СССР, ф. 274, оп. 2, ед. хр. 7 : 62) — мар. феодал, Утючка *Ахпаев* СЗ 1678 г. (Яран в. Вят. губ.: Архив Айпл. Г. II : 507) — м.и., ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*бай* «богатый; богач; хозяин».

Встречается и в составе ойконима (с.) *Ахпаевка* в Воротынск. в. Васильсурск. у. (СНМНГ 1916 : 124).

909. Ахпайдеров СЗ 1891 г. (д. Маслинская Яран. у. Вят. губ.—ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1825 : 9) — ф. Заимств. из тат. яз.— вероятно, представляет контаминацию двух основ: *Акпай* (см. выше *Ахпай*) + *дер* < ? *дияр* «страна» или *äхтäр* «звезда, созвездие».

910. Ахпалдырев 1678 г. Л (в. Пораты: Архив Айпл. Г. II : 542) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + ? *булдыру* «приобретение».

911. Ахпатыр XVI в. (Худяков М. Г.— Архив ЛО АН СССР, ф. 274, оп. 2, ед. хр. 7, 62) — имя мар. феодала; *Ахпатырев* Л 1678 г. (в. Пораты: Архив Айпл. Г. II : 540) — ф. Тот же антропоним представлен в составе мар. ойконима *Ахбатырево* в Сардюажск. в. Малмыж. у. Вят. губ.— наимен. дано по имени одного из основателей селения, как это полагает М. Г. Худяков (—ВУАК.— ГАКО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 91 : 10).

912. Ахпахтин 1616 г. Л (д. Абашай: Черных С. Я.— 1980 : 65) — ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + *бäхет* «счастье».

913. Ахпулатка 1678 г. Л (в. Пораты: Архив Айпл. Г. II : 544)—ф. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+ *булат* «сталь».

914. Ахтаев 1672 г. Л (д. Б. Корамас: Черных С. Я.— 1980 : 67), 1678 г. Л (в. Пораты: Архив Айпл. Г. II : 530), 1646 г. («козьмодемьянский черемисин»: МИНК 1913, т. XV, в. 3 : 11)—ф. Тот же антропоним в мар. ойкониме (л.) *Ахтаиха* в Пибаевск. в. Яран. у. Вят. губ. (МПСВГ 1893, т. IX, ч. 2 : 338) — наимен. дано по имени одного из основателей селения; *Ахтай энер* Л (д. Мушкыял Серн.: МДЭ МарНИИ — 1976 г., тетр. № 159 : 10 — мар. *энер* «река») — гидроним. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый»+*тай* «жеребенок» или «родственник». Ср. *Ахтаев* Сапаргула 1734 г. (В. В. Вельям-Зернов.— 1864, № 6 : 10) — башкир; такого же антропонимического (тат.) происхождения гидроним *Ахтай* (Варпаховский Н. 1886 : 61 — приток Камы, ойконим *Ахтайка* в Санутск. р. Киров. обл. (МФЭ МарНИИ — 1966 г., тетр. № 30 : 60) — русск. д.

Обрусевшая мар. д. *Ахтенки* — народный вариант поч. Черемисский Веретеи (в 25 верстах от Котельнича) Котельническ. у.

915. Ахтам 1891 г. В (д. Черемисск. Возжай Гра-

ховск. в. Елабуж. у. Вят. губ.: ИС.— ГАКО, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1634 : 9) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхтӓм* (СТЛИ 1973 : 25) — м.и.

916. Ахтанай 1672 г. Л (д. Б. Корамас: Черных С. Я.— 1980 : 67) —м.и. Заимств. из тат. яз.—восходит к аппелятивам *ак* «белый» и *дан* «слава, неизвестность»+вокативн. суф. *-ай*.

917. Ӓхтӓри В (дд. Кузеево Балт., Староямурз., Тибилево), *Ӓхтӓрий* В (дд. Тузлуб., Тюльди) — м.и., *Ахтариева* В (дд. Староямурз., Т.-Елга), *Ахтаров* В (д. Еммет.: Ямде лий, 1976, 3 апр. : 4) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Ӓхтӓри* (СЛИН 1979 : 88) — м.и.

918. Ахташка 1678 г. Л (в. Пораты: Архив Айпл. Г. II : 554) — м.и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ак* «белый» и *таш* «камень».

919. Ахтемирка 1678 г. Л (в. Пораты: Архив Айпл. Г. II : 537) — м.и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ак* «белый» и *тимер* (др. тат. **темир*, кирг. *темир*) «железо».

920. Ахтермышев: Елбарыс *Ахтермышев* 1663 г. Г (с. Лопатище Юнгинск. в. Козьмодемьянск. у.: АЮ 1838 : 213) — ф. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ак* «белый»+*термыш* «?», хотя могли бы увязать с *дӓрвиш* «странник».

921. Атубай Г 1663 г. Г (с. Лопатище Юнгинск. в. Козьмодемьянск. у.: АЮ 1838 : 213), 1678 г. Л (дд. Б. Корамас, Пораты: Архив Айпл. Г. II : 581, 540, 213) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + *туй* «свадьба» + *бай* «богатый; богач; хозяин».

922. Ахтудка 1678 г. (в Б. Корамас: Архив Айпл. Г. II : 581) — м.и. Заимств. из тат. яз.—восходит к аппелятивам *ак* «белый» и *туд* «?». Под вопросом могли бы связать с тат. *тут* «пигментация, пятна на лице».

923. Ахтулов 1678 г. Л (д. Пинжан-Кукморь: Архив Айпл. Г. II : 419) — м.и. Тот же антропоним представлен в составе мар. ойконима *Ахтулята* — народн. назв. мар. д. Рушанер, Сушанер в Кукнурск. в. Уржумск. у. Вят. губ.: МПСВГ 1887, т. 2 : 101; ВЛ.—ГАКО, ф. 778 : 38). Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + *дӓүлӓт* «государство; держава, богатство».

924. Ахтушка 1670 г. (Порфирьев С. И. 1916 : 65): *Ахтушка* Топыев — «луговой черемисин». Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *ак* «белый» и *туш* «наледь; вода, выступающая на льду рек или озер», и

менее, особенно фонетически, подходит для сравнения *тӧш* «семя, зернышко; ядро».

925. Ахтяли В (д. Осиновка Муслюмовск. р.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» + *дәүләт* «государство, держава; богатство; достоинство» + вокативн. формант *-ий*.

926. Ачавай (Коведяев И.— 1918 : 17) — м.и. Тот же антропоним представлен и в основе микротопонима *Ачавай корем* В (д. Староваськ.— мар. *корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз.: *ата* «отец» (*әти* «папа, отец; батюшка, батька») + *бай* «богатый; богач; хозяин».

927. Ачай В (д. Новодюртюк) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *әти* «отец; батюшка, батька» + вокативн. суф. мар. яз. *-ай*.

928. Ачак В (д. Нововаськ.) — м.и. Возможно, восходит к русск. источнику: *Атечка, Атька* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. варианты м.и. *Аттий, Аттик*.

929. Ачӓн В (дд. Актуг. Калт., Камеево, Кузеево Балт., Тюльди), *Ачан* В (дд. Сус.-Эбал., Шелкан.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Асян* и *Ася* — ласкат. варианты м.и. *Александр*.

930. Ачандр Л (д. Шоръял Морк.) — м. прозвище, *Ачӓндр* В (д. Тюльди) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Асяндр*, к чему восходят мар. варианты, вероятно, представляет ласкат. назв. м.и. *Александр*.

931. Ачӓни В (д. Камеево), *Ачани* В (д. Малосухоязово) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Асян* + мар. вокативн. суф. *-ий*.

932. Ачас В (д. Старотураево), *Ачась* 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: Износков И. А.— РФ НБ КУ, № 1406 : 1) — ж.и. Вероятно, восходят к русск. незафиксированному диалектному ласкат. варианту м.и. *Александр*.

933. Ачата Л (д. М. Сосновка Волж.) — м.и. и соответственно ф. *Ачатов* В. А. Никонов (— 1974 : 155) отмечает и русск. *Ачатов* — ф. с неясной этимологией. По всей вероятности, в обоих языках рассматриваемые антропонимы восходят к тат. источнику — к аппелятиву *әти* «папа, отец; батюшка, батя».

934. Ачач В (д. Айбылат) — ж.и. Заимств. из русск. яз.— представляет тот же ласкат. вариант *Ачас* (см. выше) м.и. *Александр*.

935. Ачвай В (д. Н.-Татья) — м.и. Тот же антропоним представлен и в составе микротопонима *Ачывай*

корем В (д. Староакбулат.— *корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *әти* «папа, отец; батюшка, батька» + *бай* «богатый; богач; хозяин».

936. Ачеев: Ахмер *Ачеев* (Айпл. Г. Н.— Мар. пр., 1973, 28 сент.: 4) — мар. старшина в войске Е. И. Пугачева. Заимств. из тат. яз.: *әти* «папа, отец; батюшка, батя» + вокативн. суф. *-ей*.

937. Ачек В (дд. Кайрак., Н.-Татья), *Ачёк* В (д. В.-Иванаево) — м.и. Заимств. из русск. яз.— вероятно, представляет ласкат. вариант антропонима *Александр* или же восходит к *Атечка* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. форма м.и. *Аттий, Аттик, Стратор*.

938. Ачепа 1909 г. (Васильев В. М. 1909 : 5), В (дд. В.-Никольск., Кояново, Н.-Качмаш)—ж.и. Заимств. из тат. яз.: *Әдибә* (СТЛИ 1973 : 64) — ж.и.

939. Ачи (Коведяев И.— 1919 : 19), В (дд. Айбылат, Анач., Бирюбаш, Сус-Эбал.), *Ачий* В (дд. Б. Кельтей, Ирдуган., Калмиябаш, Н.-Качмаш, Н.-Татья, Памаш, Старотураево, Сус.-Эбал., Тюльди), *Ачий* В (д. Чишма) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася* (СРЛИ 1966: 251)—ласкат. вариант ж.и. *Агнесса, Агния, Александра, Анна, Аста, Астра, Василида, Васса, Геласия, Ксения, Таисия, Тарасия*. В конце рассматриваемого антропонима выступает вокативн. суф. *-ий*.

940. Ачибаев В (д. Тюльди) — ф. Заимств. из тат. яз.— представляет вариант того же антропонима, что и *Ачвий* (см. выше).

941. Ачиков Л (д. Мустаево, Ямде лий, 1934, 30 июня: 3) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Ачик* восходит к м. антропониму *Аттик*.

942. Ачия Л (д. Пактаево)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася, Асия* — ж.и., ласкат. варианты ж.и. *Агнесса, Александра, Анастасия*, т.д.

943. Ачол В (дд. Искуш, В.-Иванаево) — м.и. Заимств., вероятно, из тат. яз.— соответствующих параллелей обнаружить нам не удалось.

944. Ачу В (дд. М.-Буляр, Осиновка Муслюм., Редьк.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася* (СРЛИ 1966: 251) — ласкат. вариант ж.и. *Александра, Анастасия, Василиса*, т.д.

945. Ачук I В (дд. Акуди, Чишма), Л (дд. Олоры, Чодраял Волж.) — м.и. Заимств. из русск. яз.: *Атюха* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант м.и. *Аттий, Аттик, Стратор*.

946. А ч у к II Л (д. Кужмара Зв.), В (д. Нововаськ., Коведяев И.— 1918 : 19; Юзыкайн А. Кугызан вуй)—ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася* (СРЛИ 1966 : 251) — ласкат. вариант м.и. *Александр, Арсений, Астий,* т.д.+уменьш.-ласкат. суф. *-ук.*

947. А ч у л о В (д. Б. и М. Кельтей) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— по всей вероятности, восходит к антропониму *Айсылу,* составленному из *ай* «луна» и *сылу* «красавица».

948. А ч у ш В (д. Лавраенгер Серн.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Асюш, Асюшка* — ласкат. варианты антропонимов *Александра, Анастасия, Таисия,* т.д.

949. Ачӳк I В (дд. Актуг. Калт., Тузлуб.) — м.и. Заимств. из русск. яз. *Асюк*<*Ася*+суф. *-ук.*

950. А ч у к а В (дд. Бирюбаш: Памаш, Чишма) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася*+суф. *-ук(а).*

951. Ачӳк II В (дд. Актуг. Калт., Маг.-Алмант., Туктаево Балт., Т.-Елга) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Ася* + ласкат. суф. *-ук.*

952. А ч ы б а й В (дд. Б. Кельтей, Н.-Татья, Тюльди, Чабаевка), *Ачывай* В (дд. Кадряк, Н.-Качмаш, Староакбулат.; Ямде лий, 1977, 9 июля: 4) — м.и. Заимств. из тат. яз.— см. *Ачвай.*

953. А ч ы в а й (Коведяев И.— 1918 : 17; Ямде лий, 1977, 9 июля : 4) — м.и. Заимств. из тат. яз., см. *Ачыбай.*

954. А ч ы в и Л (д. Антоново), *Ачывий* Л (д. Кугенер Совет.) — м. прозвище. Сюда же следует отнести и *ачыви* Л (с. Ст.-Торъял) — бран. межд. Восходят к м. антропониму, заимств. из тат. яз., см. *Ачибай.*

955. Ачӹкӓдер В (д. Н.-Качмаш) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Атикадер* — м.и. < *ати* «папа, отец; батюшка, батя» + *кадер* «почет, честь; уважение».

956. Ачӹкӓй В (д. Тюльди), *Ачыкай* В (д. Аккуб.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Аська* (СРЛИ 1966: 251) — ж.и.+ вокативн. суф. *-ай.*

957. А ч ы л и В Л (д. Тамшинер) — м.и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Алылы корем* (мар. *корем* «овраг»). Заимств. из тат. яз.: *Ачил* (Гаф. А. ЛК 167, букв. «откройся, т.е. освободись от болезни») — м.и. +вокативн. суф. мар. яз. *-ий.*

958. А ч ы н и Г (дд. Ст.-Тарашнуры, Шатчиково) — ж.и. Заимств. из русск. яз.— восходит к ласкат. варианту *Асенька* (СРЛИ 1966 : 251) — уменьш.-ласкат. форма ж.и. *Анастасия, Агнесса, Васса, Ксения, Таисия, Тарасия.*

Конечный компонент представляет вокативн. суф. *-ий*.

959. А ч ы т а р (Коведяев И.— 1918 : 17), *Ачытар* В (д. Н.-Качмаш) — м.и. Заимств. из тат. яз.— по всей вероятности, представляет контаминацию *Ачи* [ср. тат. *әти* «папа, отец; батюшка, батя»] + *дар* — суффиксоид.

960. А ш а т СЗ — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Ашатнур* в Ихтинск. в. Яран. у. Вят. губ. (МПСВГ 1893, т. IX, ч. 2 : 90 — мар. *нур* «поле»). По всей вероятности, представляет контаминацию *ай* «луна» и *шад* (<перс.: АТРСЗ 1965 : 698, букв. «веселый, радостный; весело, радостно»).

961. А ш е й СЗ — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. топонимов: поч. *Ашеев* при рч. Хмелевке в Комаровск. в. Яран. у., рч. *Ашеева* — там же (МПСВГ 1893, т. IX, ч. 2 : 162), *Ашеевская* мельница около р. Тужы в Яран. у. Вят. губ. (Кротов П.—1912, в. 64 : 162).

Известный исследователь В. А. Никонов (— 1974: 154), ссылаясь на этнографа-финно-угроведа Н. Ф. Мокшина, приводит морд. м.л. и. *Ашай*, в документах — *Ошай*. Русское отчество *Ашаев* В. А. Никонов считает мордовским заимствованием, с чем весьма трудно соглашаться, ибо и русск. *Ашаев*, как и мар. *Ашей*, сами этимологически восходят к тат. источнику. Ср. тат. ойконимы *Ашабаш* в Арск. р. (*баш* «голова; верх, верхушка»), *Аш-Бүжы* (офиц. *Аш-Бузи*) в Кукморск. р. в ТАССР (ТАССР АТД 36, 178), башк. д. в Белокатайск. р., мар. пос. *Ашинский* в Иглинск. р. БАССР (БАССР АТД 69, 158); рч. *Ашинга* в Бурятии (Мельхеев М. Н. 1969: 113). К тюркскому же источнику следовало бы отнести гидроним *Аша* (Варпаховский Н. 1886 : 63) — приток Шешмы в Казан. губ.

Весьма натянута этимология русск. антропонима *Ашанин* из севернорусск. диалектного *Ошаня* при глаголе *ошануть* «едва дотронуться», предложенная В. А. Никоновым (— 1974 : 154—155). К сожалению, отглагольная императивная форма образования антропонимов, насколько нам известно, не характерна для славянских языков, что для тюркских собственных имен — обычное явление.

962. А ш и Л — м.и., представленная в микротопониме *Ашийулевал корем*, или *Кешыр корем* (д. Пигорка Серн.: МДЭ МарНИИ — 1976 г., тетр. № 159 : 16) — *йуле* «гарь, горелое место», *вал* «верх, поверхность»; *кешыр* «морковь».

Наимен. дано по имени одного из основателей микротопонима, заимств. из тат. яз.

963. Ашик СЗ 1678 г. (в. Яран.: Архив Айпл. Г. II : 442) — м.и. Заимств. из тат. яз., как и русск. *Ашихмин* 1675 г., Мценск (Вес. С. Б. Он. 17) — м.и. Праформа этих мужских имен могла быть реконструирована в виде **А(й)шаик*, представляющая контаминацию двух аппелятивов: *ай* «луна, месяц» и (арабоязычн.) *Шаик* (Гаф. А. ЛК 236, букв. «превосходный»).

964. Ашкельдин Л (дд. Б. Параты, Мамасево) — ф. Тот же антропоним представлен и в обрусевшем мар. ойкониме (поч.) *Ашкельдин* в Кундыш. в. Яран. у. Вят. губ. (МПСВГ 1893, т. IX, ч. 2 : 186). Заимств. из тат. яз.: *аш* «пища; перен. благополучие» + *килде* «пришло».

965. Ашкиндей 1629 г. Л (Кабанов А. К.— ДНУАК 1912, т. XIII, в. III : 1): *Ашкиндей* Янглидов. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию аппелятивов *аш* «пища, перен. благополучие» + *кәнтәй* «щенок». Последний композит выступает и в других татароязычных мар. названиях мест: *Быргында* В — мар. д. в Каракулинск. р. Удм. АССР < *Бүрекәндә* (*бүре* «волк»), букв. «волчица». См. аналогичные другие образования: ЭСМЯ I : 253.

966. Ашпайка В — м.и., представленное в мар. ойкониме *Ашпайка ял в* Удм. АССР (МФЭ МарНИИ — 1970 г., тетр. № 4 : 15 — мар. *ял* «деревня»). Заимств. из тат. яз. Ср. тат. д. *Ашпайка (Ашпайково)* в Елабуж. р. ТАССР (ТАССР АТД 73), в последнем назв. из которых наимен. также дано по имени одного из основателей селения *Ашпайка*, образованного контаминацией *аш* «пища; перен. благополучие» и *бай* «богатый; богач; хозяин».

967. Ашпарт Л — м.и., представленное в составе лимнонима *Ашпарт ер* (с. Кр. Яр: МДЭ МарНИИ — 1974 г., тетр. № 140 : 5 — мар. *ер* «озеро»). Вычленяются композиты, заимств. из тат. яз.: *аш* (тат.) «пища; перен. благополучие» + *парт* «?».

968. Аштан Л — м.и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Аштаншурга* (1804 г.) в Великопольск. в. Яран. у. Вят. губ. (ПГАДА, ф. 1355, № 359, 1804 г.— тетр. И. С. Галкина : 55). Наимен. дано по имени одного из основателей селения (*шурга* < мар. *шургӧ* «лес»). Заимств. из тат. яз.: *аш* «пища; благополучие» + *дан* «слава», если *-тан*: *Аштан* не представ-

ляет усеченный вариант широко распространенного в мар. ономастике татароязычного суффиксоида *туган* «родной» при мар. *туан* Г «тж»: *Актуган* — назв. ряда дд. в Мар. АССР, БАССР (тат.) *ак* «белый»+*туган* (тат. *туган* «родственник; родной», чув. *тăван* «тж», кирг., казах. *туган* «тж»).

969. А ш т ы в а й В (д. Айбылат) — м.и. Заимств. из тат. яз. *яшь* «молодой, юный» + *туй* «свадьба» или *туган* «родственник; родной». В ЭСМЯ (I : 177) нами приведен был микротопоним *Аштывай нер* Г — местечко в 3-х верстах от Елас Горномар. р. Мар. АССР (*нер* «нос, мыс») + *бай* «богатый; богач; хозяин». Ср. однотипное образование указанным способом: мар. *Той-тыбай* 1710 г. Л (Серн. в.: Черных С. Я.— 1981 : 80) — м.и. при тат. аппелятиве *туй* (др.-тат. **той* «тж», кирг. *той* «пир, пиршество; празднество») «свадьба».

970. А ш ы р ä т В (д. Бирюбаш) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *ак* «белый» или *ай* «луна; месяц» + *ширät* «?»

971. А э т Л (д. Олыкъял) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Аэтя* (<греч.: СРЛИ 1966 : 252, 62) — ласкат. вариант антропонима *Аэтий*.

972. А ю к I Л (дд. Б. и М. Кельтей, Тюльди) — м.и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, происходит от аппелятива *аю* «медведь» + уменьш.-ласкат. суф. *-ук*. Ср. *Аюкай* 1669 г. (ДПК 1897 : 63) — пензенский татарин, *Аюкайко* XVII в. (Борис. В.— ЧОИДР 1899. кн. I : 44) — пензенский татарин, в которых выступают (тат.) уменьш.-ласкат. суф. *-кай(-кäй)*. На тат. происхождение рассматриваемого антропонима *Аюк* указывают и топонимические материалы, содержащие в своем составе этот компонент: тат. д. *Аюкашево* в Дюрт. р. БАССР (БАССР АТД : 136), тат. с. *Аю* в Мензелинск. р. ТАССР (ТАССР АТД : 130).

973. А ю к II Л (д. Нижняя Морк.), В (д. Музяк: МДЭ МарНИИ—1959, № 70 : 76; дд. Анач., Н.-Татья) — ж.и. Заимств. из русск. яз.: *Айка* (СРЛИ 1966 : 242) — ласкат. вариант ж.и. *Аида* + уменьш.-ласкат. суф. *-ук*.

974. А ю ч В (д. Курман.) — ж.и. Заимств. из русск. яз.— вероятно, восходит к *Аечка* (СРЛИ 1966 : 242) — ласкат. вариант ж. антропонима *Аида*.

975. А я л ч е В 1888 г. (ВЕВ 1888, № 18 : 542; Ковердяев И.— 1918 : 19; д. Курки Свердл.: МДЭ МарНИИ— 1960 г., № 70 : 45; дд. Аккуб., Бабаево, Бирюбаш, В. Иванаево, Калмиябаш, Малосухояз., Нововаськ., Новоямурз.

Балт., Норкино, Рабак, Староакбулат, Тибилево, Усак. Бир., В.-Никольск. Аскин., Чабаевка), *Аййалче* В (д. Б. Ерыкса) — ж.и. Заимств. из тат. яз.: *ай* «луна; месяц» +суффиксоид *-алче* от *алучы* «получатель».

976. А я ч В (д. Нововаськ.) — ж.и. Вероятно, заимств. из тат. яз.: либо представляет усеченный вариант ж. антропонима *Аялче* (см. выше), либо восходит к аппелятиву *аяучан* «сострадательный; милосердный, добросердечный».

977. А я м б и В (д. Кузеево Балт.), *Аямбий* В (дд. Бирюбаш, Елыш., Рефанды, Тузлуб.), *Аямвий* В (д. Сосновка Мишк.), *Аямпи(й)* В (д. Новокульчуб.) — ж.и. Заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятивам *аяныч* «жалкий, прискорбный; досадный» и *бий* «особа знатного происхождения».

978. А я Г — м.и., сохранившееся лишь в составе ойконима *Аянсола* Г — мар. д. Ятыково (мар. *сола* «деревня»), букв. «деревня мужчины по имени *Ая*». Вероятно, заимств. из тат. яз.— восходит к аппелятиву *аю* «медведь» или же этимологически связан с (кирг.) *аян* «известный, явный; выгода, польза, прибыль». Соответствия в тат. словарях последнему слову обнаружить нам не удалось.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акцорин В. А. 1972 — Акцорин В. А. Тошто марий ой-влак Пошкар-Ола, 1972.

Алборов В.— 1929, т. I — Алборов Б. Осетинские названия местностей к востоку от Осетии.— Сборник научного общества этнографии языка и литературы при Горском педагогическом институте. Владикавказ, 1929, том I.

Артемьев А.— Архив ГО СССР, р. 14, оп. 1, ед. хр. 4 — Артемьев А. Описание Казанской губернии, 1848 г.— Архив Географического общества СССР, разряд 14, опись 1, единица хранения 4.

АТРСЗ 1965 — Хамзин К. З., Махмутов М. И., Сайфуллин Г. Ш. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань, 1965.

Ашмарин Н. И. 1928 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары 1928, выпуск I, выпуск II.

Ашмарин Н. И. 1929 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1929, выпуск III, выпуск IV.

АЮ 1838 — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб, 1838.

БАССР АТД — Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. Уфа, 1973.

Бабст И.— МЗП 1852, т. 2 — Бабст И. Речная область Волги.— Магазин «землеведения» путешествий. Географический сборник, издаваемый И. Фроловым. М., 1852, том I.

Богородицкий В. А. 1953 — Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953.

Бубн. М.— ЛОИВ, р. 2, оп. 5, № 1/271 — Бубновский М. Русско-карельский словарь.—Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, разряд 2, опись 5, № 1/721.

Бурдон И. Ф. 1866 — Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1866.

Валитова А. А.—1960—Валитова А. А. Татарская версия эпоса «Алпамыш».— Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.

Варпаховский Н. 1886 — Варпаховский Н. Очерк ихтиологической фауны Казанской губернии. СПб, 1886.

Васильев В. М. 1908 — Васильев В. М. Руш кугыжанышты лийшы паша-шамыч (Рассказы из Русской старины на черемисском языке). Казань, 1908.

Васильев В. М. 1909 — Васильев В. М. Марла ойлымаш-влак. Казань, 1909.

ВТ — 1880, № 7—8 — Времена татарщины,— Русский начальный учитель. СПб, 1880, № 7—8.

Вихляев В. И. ДМП — Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.

В.Л. — ГАКО, № 778 — Вопросные листки по Кукнурской волости Уржумского уезда Вятской губернии.— Государственный архив Кировской области, № 778.

Воскр. А. 1894 — Воскресенский А. Русско-татарский словарь. Казань, 1894.

Галкин И. С. 1966 — Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1966, часть II.

Галютин Ю. — 1976 — Галютин Ю. Шочмо кече.— Марий. коммуна, 1976, 8 мая, с. 4.

Ган. СССТЯ — Ганиев Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974.

Гантман-Кривощекова А. С. 1973 — Гантман-Кривощекова А. С. Откуда эти названия. Пермь, 1973.

Гарипова Ф. Г.—1980—Гарипова Ф. Г. Некоторые источники для раскрытия ногайского пласта в топонимии Татарской АССР.— Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980.

Герасимов М. К. — 1910 — Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора.— Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб, 1910, том XXXVII, № 3.

Гордеев Ф. И. — ВМО 1980, в. II — Гордеев Ф. И. Этимологии марийских антропонимов.— Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1980. Выпуск II.

Грузов Л. П. 1969—Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

Дубинский А. И. 1972 — Дубинский А. И. Заметки о языке литовских татар.— Вопросы языкознания, 1972, № 1.

Егоров В. Г. 1954—Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1954.

ЖЧВВУЗ 1855, № 451 — Казань и степь.— Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб, 1855, № 451, год XVIII, том CXIII.

СООБЩЕНИЯ

Е. Е. Егоров

О НАЗВАНИЯХ КИНЕР НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

Названия многих населенных пунктов Марийского края оканчиваются на *-нер*. В республике таковых насчитывается более семидесяти. И в Чувашии немало топонимов с формантом *-нер, -нар*, являющимся вариантом *-нер*. Их насчитывается почти семьдесят. Распространены они и в соседних с нами Горьковской и Кировской областях, Татарской и Удмуртской АССР. Кропотливые исследования ученых страны позволили установить, что топонимы с формантом *-нер(-енер)* указывают на места древних поселений марийцев.

Топоним *Кинер* встречается в Маритурекском *(Малый Кинер)*, Моркинском *(Кинер, Кутюк-Кинер)* районах Марийской АССР. В вышеперечисленных населенных пунктах в основном живут марийцы (АТД МАССР).

Рассматриваемый топоним находим и в других областях. Это село *Кинер* на северо-западе Татарской АССР, марийская деревня *Кинер* на одноименном правом притоке Вятки в Удмуртии, деревня *Кинерга* Ардатовского района Горьковской области (Галкин 1967: 203), село *Анат-Киняры* Чебоксарского и деревни *Кинеры* и Еметкино (чувашское название *Кунер*) Козловского районов Чувашской АССР (АТД Чув. АССР). В Чувашии население деревни Шомиково Моргаушского района называет себя не иначе как *кинярцы* и речка носит название *Кинерка*. В Марпосадском районе деревню Аксарино местные жители называют *Кĕнеркасси* «Киярский околодок», а в Козловском деревню Криуши--*Кĕнерварри*, что в переводе означает «устье Киярки». Деревня *Кинер* (7 дворов) отмечена в Киярской волости Чебоксарского уезда (1746). В конце прошлого века этнограф Магницкий при исследовании деревень Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов упоминает о трех Киярах, расположенных на одноименной реке (речка Киярка впадает в Волгу почти напротив г. Звенигова): *Нижние Кинери*, Шименива *(Средние Кинеры)*, Услыхи *(Верхние Кинеры)*, каждая из которых состояла из нескольких больших выселков (околодков), ныне составляющих отдельные чувашские деревни (Материалы о Магницком). Вверх по Волге, в 25 км выше Чебоксар, расположена еще одна группа деревень на речке,

опять-таки называемой *Кинерка (Кинярка)*. В документах 16—19 веков эти деревни числятся как *Первая Кинеярская* (с. Кинер) и *Вторая Кинерская,* десять околодков которых сейчас являются отдельными чувашскими деревнями с совсем другими названиями. Недалеко от устья вышеназванной речки на Волге есть *Кинерский* остров, на котором в 1230 году был заключен мирный договор между великим русским князем Юрием и Волжской Булгарией (ИОАИА, т. 14, вып. 5 (1898 г.) : 550).

В архивах нами обнаружено упоминание еще об одной группе деревень, расположенных по современному административно-территориальному делению на границе Татарской и Марийской АССР. Это татарские, прежде марийские, деревни: *Шинер-Кинер (Кинер-Шинер), Кинер Новия* (Кинер Новый—деревня, основанная Мамсе), *Кнер* (Кинер Старый) и *Кинер-яна* («деревня при безымянном ключе, на большом Уржум-Казанском торговом тракте, Мамсинский выселок, от города 75 верст, от волостного правления четыре версты» (ЦГА ЧАССР, ф. 334, т. I, лл. 60, 112).

Что же значит слово *кинер?* Магницкий поясняет следующим образом — *кинер* состоит из двух марийских слов: *кине* «конопля» и *ер* «земля, место, страна», т.е. оно означает «земля, где возделывают коноплю, конопляник». Правда, коноплю прежде возделывали немало, но вряд ли она послужила причиной возникновения стольких названий деревень. Почему-то не встречаются ленники и хлопковники или ржанники и пшеничники. Русские варианты рассматриваемого топонима: *Кинер, Кинери, Кинеяр, Кинерка, Кинерга, Кинярка, Кинеярская, Кинерская;* по-татарски оно слышится как *кынәр;* по-удмуртски — *кӧнер*, по-чувашски — *кĕнер,* которые в общем-то в этих языках ничего не объясняют. Наиболее полно раскрывается смысл топонима по-марийски: *кӱянеҥер* «каменистая речка» (*кӱян* «каменистый, каменный» и *ҥер* «река») (Галкин 1967 : 209).

ЛИТЕРАТУРА

АТД МАССР — Марийская АССР. Административно-территориальное деление. Йошкар-Ола, 1955, 1969, 1978.

АТД ЧАССР — Чувашская АССР. Административно-территориальное деление. Чебоксары, 1968.

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с происхождением марийского народа.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. Материалы о Магницком — НА Чувашского НИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5664.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест. — авестийский
балт. — балтачевский говор
башк. — башкирский
белеб. — белебеевский говор
бир. — бирский говор
В — восточное наречие
венг. — венгерский
волж. — волж.
Г — горное наречие
герм. — германские
гот. — готский
доперм. — допермский
др.-иран. — древне-иранская форма
елаб. — елабужский говор
и.-е. — индоевропейский
кар. — карельский
кирг. — киргизский
кайб. — кайбальский диалект хакасского языка
коми-зыр. — коми-зырянский
коми-перм. — коми-пермяцкий
Л — луговое наречие
латыш. — латышский
литовск. — литовский
мод. — модиковский диалект карельского языка
манс. — мансийский
мар. — марийский
монг. — монгольский
морд. м. — мокша-мордовский
морд. э. — эрзя-мордовский
морк.-серн. — моркинско-сернурский говор лугового
нган. — нганасайский
нем. — немецкий
нен. — ненецкий
новоперс. — новоперсидский
общеперм. — общепермский
саам. — саамский
сам. — самодийский
санскр. — санскрит
тат. — татарский
тел. — телеутский диалект алтайского языка
тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
удм. — удмуртский
уйг. — уйгурский
укр. — украинский
фин. — финский
хант. — хантыйский
чаг. — язык чагатайской литературы
чув. — чувашский
шор. — шорский диалект чувашского языка
эст. — эстонский
якут. — якутский

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

И. С. Галкин. Топонимические заметки . . . 5

В. В. Кузнецов. Местные географические термины в ойконимии Марийской АССР (структура ойконимов и происхождение формантов) 24

С. Я. Черных. Переселение марийцев в бассейн реки Белой (по данным топонимии) 42

В. Н. Васильев. Марийские орнитонимы, их структура и историческое развитие 65

В. П. Вершинин. Прозвища в елабужском говоре марийского языка 81

Ф. И. Гордеев. Этимологии марийских антропонимов 101

СООБЩЕНИЯ

Е. Е. Егоров. О названиях *Кинер* на территории Чувашии 173

Список сокращений языков и диалектов 175

Марийский ордена «Знак Почета»
научно-исследовательский институт
при Совете Министров Марийской АССР

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 3

Труды, выпуск 51

Редактор Т. А. Товашова
Обложка художника Р. Е. Янгильдина
Технический редактор Е. М. Данилова

Сдано в набор 04.03.82. Подписано к печати 04.05.82. Э-01185 Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,45. Учетно-изд. л. 9,88. Тираж 500. Заказ № 909. Цена 75 коп.

Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли г. Чебоксары, Канашское шоссе, 15.